ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ · ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ПЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 8-ая.

АВГУСТЪ. 1870.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Р. С. Сущинскаго. Могилевская, 7.

БУНТЪ КИРГИЗСКАГО СУЛТАНА

КЕНИСАРЫ КАСИМОВА.

(1838—1847 гг.).

I*).

Волненія въ степи, предшествовавшія бунту Кенисары Касимова.—Главные мятежники: султанъ Каипъ Галіевъ, Джуламанъ, Исетай и другіе.—Причины смутъ и участіе въ нихъ Хивы.—Мѣры къ водворенію спокойствія въ краѣ.—Султанъ Кенисара Касимовъ и начало бунта [1]).

Петръ Великій считалъ необходимымъ для утвержденія нашего вліянія и торговли въ Средней Азіи, а чрезъ нее въ Индіи, присоединеніе къ Россіи киргизъ-кайсацкихъ ордъ, которыя, по его мнѣнію, были «ключемъ и вратами ко всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ», какъ о томъ свидѣтельствуетъ Тевкелевъ [2]) въ одной изъ своихъ записокъ, въ которой между прочимъ говоритъ: «Въ 1722 году, при его императорскомъ величествѣ, блаженной и высокія славы достойной памяти государѣ импе-

---

*) См. «Вѣстн. Европы» томы II и IV 1868 г.

[1]) Чтобы не дѣлать безпрерывныхъ указаній, въ выноскахъ и самомъ текстѣ на тѣ источники, которые послужили матеріаломъ для настоящаго труда, мы сочли за лучшее привести ихъ въ самомъ началѣ нашей статьи. Вотъ тѣ источники, которыми мы располагали какъ матеріаломъ:

1) Записка современника и очевидца Г. П—ова «О бунтѣ мятежнаго султана Кенисары Касимова».

2) Дѣла канцеляріи оренбургскаго генералъ-губернатора.

3) Дѣла областного правленія оренбургскими киргизами.

[2]) Тевкелевъ имѣлъ порученіе отъ Петра I изслѣдовать пути въ Индію.

раторѣ Петрѣ Великомъ, былъ я нижайшій въ персидксомъ походѣ старшимъ переводчикомъ въ секретныхъ дѣлахъ, и по возвращеніи изъ персидскаго похода его императорское величество государь императоръ Петръ Великій изволилъ имѣть желаніе, для своего отечества Россійской имперіи, полезное намѣреніе въ приведеніи издревле слышимыхъ, и въ тогдашнее время почти неизвѣстныхъ киргизъ-кайсацкихъ ордъ въ россійское подданство, и оное свое монаршее особое меня нижайшаго къ тому употребить намѣреніе имѣлъ, съ тѣмъ, буде оная орда въ точное подданство не пожелаетъ, постараться мнѣ, несмотря на великія издержки, хотя бы до милліона, держать,—но токмо чтобъ однимъ листомъ подъ протекціею Россійской имперіи быть обязались; ибо какъ его императорское величество государь императоръ Петръ Великій въ 1722 году, будучи въ персидскомъ походѣ, и въ Астрахани черезъ многихъ изволилъ увѣдомиться объ оной ордѣ, хотя-де оная киргизъ-кайсацкая степной и легкомысленный народъ, токмо-де всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ оная орда ключъ и врата».

Но, по смерти Петра Великаго, виды и намѣренія его въ этомъ отношеніи были забыты на нѣкоторое время, а именно до 1730 года, когда Абдулъ-Хаиръ, ханъ меньшой киргизской орды, тѣснимый джунгарами, калмыками и башкирами, просилъ защиты Россіи, отдаваясь въ ея подданство. Переговоры по этому дѣлу велись тѣмъ же Тевкелевымъ, авторомъ вышеприведенной записки, и въ 1732 году меньшая орда признала свою зависимость. Устройство новаго края поручено было оберъ-секретарю сената, извѣстному статистику Кирилову, а затѣмъ Татищеву и Неплюеву. Ревностными усиліями ихъ, пространство между городами Омскомъ и Уральскомъ, въ промежуткѣ между которыми существовалъ, до 1730 года, одинъ только пригородокъ Сакмарскъ (основанный въ 1719 году сибирскими бѣглецами, и занятый съ 1721 года, по распоряженію правительства, яицкими казаками), связалось вскорѣ населенное линіею по берегамъ рѣкъ Урала и Уя, отрѣзавъ башкирскія земли отъ степной киргизской орды, съ цѣлью прекращенія постоянной вражды и грабежей между киргизами и башкирами. Но хотя благоразуміе правительства нашего достигло, со временемъ, окончательнаго примиренія двухъ враждующихъ народностей, то-есть содѣйствовало къ прекращенію вражды башкиръ съ кайсаками, тѣмъ не менѣе въ ордѣ послѣднихъ смуты и усобицы, въ силу извѣстныхъ условій, продолжались до извѣстныхъ временъ, и слѣдуетъ замѣтить, что русскія поселенія всегда или, по крайней мѣрѣ, очень ча-

сто несли въ этихъ смутахъ печальную долю «похмѣлья въ чужомъ пиру»....

Главною виновницею киргизъ-кайсацкихъ смутъ искони была Хива. Ханство это еще со временъ неудачнаго и несчастнаго похода (въ 1717 г.) въ его предѣлы Бековича-Черкаскаго, при Петрѣ I, питаетъ вражду къ Россіи, стараясь постоянно возбуждать противъ нея орды киргизовъ, даже и послѣ признанія послѣдними русскаго подданства. Всѣ виновники безпорядковъ въ степи, преслѣдуемые отрядами нашихъ войскъ, всегда находили себѣ безопасное убѣжище и радушный пріемъ въ Хивѣ. Правда, за такое покровительство мятежникамъ, хивинскій владыка посылалъ своихъ агентовъ для сбора съ киргизовъ въ свою пользу податей, обогащаясь такимъ образомъ на счетъ Россіи.

Присвоивая себѣ власть надъ кочующими близъ хивинскихъ предѣловъ подвластными намъ киргизами, каракалпаками и туркменами [1]), хивинцы силою и грабежемъ вынуждали у нихъ подати (закетъ), а эмиссары Хивы, проникая въ киргизскую степь съ торговыми караванами, и подъ видомъ муллъ возбуждали религіозный фанатизмъ и ненависть между родами, подучали ихъ не только на грабежъ каравановъ, но и къ нападеніямъ на линію и на нашихъ рыбопромышленниковъ, для захвата плѣнниковъ и продажи ихъ на хивинскомъ рынкѣ въ тяжкое рабство. Наше правительство отвѣчало вначалѣ полнымъ презрѣніемъ на задиранія хивинцевъ, и даже старалось, въ видахъ торговыхъ выгодъ, поддерживать дружественныя отношенія наши съ Хивой,—но всякому терпѣнію бываютъ границы!...

Въ 1839 году, съ высочайшаго соизволенія, оренбургскій военный губернаторъ, впослѣдствіи графъ В. А. Перовскій, предпринялъ походъ въ Хиву. Экспедиція эта не удалась, но будучи крутымъ поворотомъ въ нашей политикѣ съ Хивою, имѣла все-таки свои благія послѣдствія, заставивъ враждебное намъ ханство, если не совсѣмъ отказаться отъ подстрекательствъ къ мятежамъ нашихъ кочевниковъ, то все же значительно умѣрить дерзость своего вмѣшательства въ наши отношенія къ киргизамъ.

Впрочемъ, и послѣ хивинскаго похода Хива и другія среднеазіатскія владѣнія не переставали служить убѣжищемъ для нашихъ степныхъ разбойниковъ и гнѣздомъ мятежныхъ скопищъ.

Кромѣ этой главной причины смутъ, были и другія, частныя: между киргизами издавна находились во враждѣ роды: Дже-

---

[1]) Каракалпаки присягнули на подданство Россіи въ 1832 году, а туркмены 31 октября 1791 года.

галбай, Кипчакъ, Япасъ или Джапасъ и Дюртъ-кара; въ средѣ ихъ почти всегда происходили схватки и угонъ скота (баранта). Къ этому семейному раздору присоединялись, какъ сказано выше, волненія, возбуждаемыя въ степи хивинцами. Затѣмъ, къ причинамъ смутъ слѣдуетъ отнести: отмежеваніе въ 1835 году, для казачьихъ поселеній, «новой оренбургской линіи» земель, изъ числа принадлежащихъ киргизамъ и произведенный въ 1836 г., въ видѣ опыта, сборъ съ киргизовъ подати въ размѣрѣ 1 р. 50 к. съ кибитки. Все это вызывало неудовольствія со стороны нашихъ кочевниковъ. Наконецъ, находились удальцы, пользовавшіеся этими неурядицами, набиравшіе шайки, съ которыми, подъ шумокъ, производили разные безпорядки, нападали на аулы мирныхъ киргизовъ, пограничныя со степью русскія поселенія, грабили караваны и проѣзжающихъ; захватывали послѣднихъ, обращали ихъ въ невольниковъ и сбывали ихъ, легко и выгодно, какъ замѣчено выше, на хивинскихъ рынкахъ.

Поощряемые выгодными цѣнами (гласятъ записки того времени, сохранившіяся въ архивѣ генеральнаго штаба оренбург. воен. округа), киргизы похищали русскихъ людей даже на линіи и сбывали ихъ въ сосѣдственныя области Средней Азіи, преимущественно же въ Хиву, гдѣ (по имѣвшимся тогда свѣдѣніямъ) находилось болѣе 2,000 русскихъ въ неволѣ. Въ давнія времена захватывали людей изъ внутреннихъ селеній, даже на рѣкѣ Волгѣ и за Волгою, но потомъ на линіи, а въ 30-хъ годахъ почти исключительно захватывались киргизами и туркменцами рыболовы на Каспійскомъ морѣ въ весьма значительномъ числѣ, именно: до 200 человѣкъ ежегодно. Плѣнники русскіе продавались въ Хивѣ на базарахъ, и не только знатнѣйшіе хивинскіе сановники принимали участіе въ этомъ торгѣ, но и торговцы хивинскіе, посѣщавшіе ежегодно Россію, по большей части покупали тоже нашихъ плѣнныхъ, да сверхъ того, проживая между киргизами, по дѣламъ торговымъ, всячески поощряли ихъ къ захвату плѣнныхъ, закупая ихъ впередъ и оставляя задатки. Пограничная оренбургская коммиссія хотя и располагала извѣстною суммою, въ 3 тысячи руб., для выкупа русскихъ невольниковъ, но выкупать удавалось самое ограниченное число, потому что въ Хивѣ смертная казнь ожидала каждаго, согласившагося продать раба своего для возвращенія въ отечество.

Разумѣется, оренбургскіе военные губернаторы не могли оставаться безучастными зрителями происходившаго; ими дѣлались различныя распоряженія, клонившіяся къ уничтоженію мятежныхъ скопищъ, водворенію возможнаго въ степи порядка, къ

возстановленію правильнаго и безопаснаго сообщенія торговыхъ каравановъ съ Оренбургомъ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить кстати, что безпорядки и грабежи совершались не только въ степи, но и на Каспійскомъ морѣ. Поэтому, чтобы упрочить наше вліяніе на прикаспійскихъ кочевниковъ и тѣмъ уменьшить морскіе разбои, еще въ 1834 году, основано было, при заливѣ Кутлукѣ, укрѣпленіе Ново-Александровское, а для огражденія остальной границы имперіи отъ вторженія грабительскихъ киргизскихъ шаекъ, рѣшились-было на громадное сооруженіе: думали провести, на подобіе китайской стѣны, на сотни верстъ, непрерывный валъ со рвомъ, вдоль всей границы, неимѣющей естественнаго прикрытія. Работы эти предполагалось произвести (нарядомъ отъ Башкирскаго войска) и окончить въ теченіи 6-ти лѣтъ, а на издержки отпущено было 250,000 руб. Въ 1836 году, уже часть этого вала была готова, на протяженіи 18 верстъ, 162 саж.; онъ начинался въ 45 верстахъ на сѣверъ отъ крѣпости Орской и имѣлъ 6 футовъ высоты и ровъ такой же глубокій. Но безпорядки продолжались и послѣ этого китайскаго сооруженія, или мѣропріятія. Такъ, въ 1836 году, киргизы оренбургскіе разграбили киргизовъ сибирскаго вѣдомства, разбили бухарскій караванъ, шедшій изъ Троицка на 150 верблюдахъ, ограбили двухъ нашихъ купцовъ, продолжали угонять съ линіи скотъ и увозить плѣнныхъ; а близъ укрѣпленія Ново-Александровскаго, по наущенію Хивы, адаевцы (киргизы адаевскаго рода), угнали 26,000 барановъ, принадлежащихъ русскимъ купцамъ, разграбили на 15,000 руб. товаровъ, отправленныхъ изъ укрѣпленія Ново-Александровскаго въ Гурьевъ-городокъ сухимъ путемъ, и даже угрожали самому укрѣпленію. Между тѣмъ, морскіе хищники овладѣли на Каспійскомъ морѣ казеннымъ ботомъ, при чемъ плѣнили лейтенанта Гусева и 5 человѣкъ команды, а также захватили два казачьи судна, плывшіе изъ Астрахани въ Гурьевъ.

Рѣшено было немедленно наказать киргизовъ силою оружія и тѣмъ до времени поддержать хотя нѣкоторый порядокъ въ степи; съ этою цѣлью было совершено нѣсколько поисковъ за хищниками какъ на морѣ, такъ и въ степи. Такъ, въ 1836 году, для наказанія морскихъ разбойниковъ на Каспійскомъ морѣ, — снаряженъ былъ отрядъ уральскихъ казаковъ на двухъ-палубныхъ (кусовыхъ) и двухъ гребныхъ судахъ; отрядъ крейсировалъ $3^1/_2$ мѣсяца, но хищники успѣли отъ него укрыться.

Чтобы показать, съ какими трудностями и опасностями сопряжены бывали походы нашихъ отрядовъ противъ хищниковъ,

по мало извѣстнымъ и пустыннымъ степнымъ пространствамъ, заимствуемъ разсказъ г. Голосова, о походѣ на Базучи (1836—1837 годовъ), помѣщенный имъ въ примѣчаніи къ статьѣ: «Походъ въ Хиву въ 1839 году», и нѣкоторыя подробности о другихъ поискахъ въ степи, производимыхъ нашими войсками въ тоже время. Противъ киргизскаго рода адаевцевъ, — разсказываетъ г. Голосовъ, — у которыхъ преимущественно находили убѣжище морскіе разбойники и хивинскіе эмиссары, отправленъ былъ зимою конный отрядъ уральскихъ казаковъ, подъ начальствомъ полковника Мансурова. Отрядъ состоялъ: изъ 1-го штабъ-офицера, 10-ти оберъ-офицеровъ, 9-ти урядниковъ и 530 казаковъ; кромѣ того къ нему были прикомандированы подполковникъ Данилевскій и адъютантъ военнаго губернатора Челяевъ. Отрядъ выступилъ 20 октября изъ Гурьева и направился моремъ по льду, на саняхъ, къ укрѣпленію Ново-Александровскому; 24-го декабря благополучно достигъ Прорвинскаго поста (служившаго связью укрѣп. Ново-Александровскаго съ Уральскою линіею), т.-е. въ четверо сутокъ совершилъ слишкомъ 200 вер. труднаго пути, часто встрѣчая шиханы (или грядами пролегающіе взломы льда) до того крутые, что лошади не могли на нихъ всходить безъ помощи людей. Мѣстами ледъ проваливался; воду для питья и варки пищи приходилось добывать изъ льда и снѣгу. На пути отъ Прорвинскихъ острововъ до Ново-Александровскаго укрѣпленія, гдѣ запасено было потребное для отряда продовольствіе и фуражъ), сильные вѣтры взломали ледъ по всѣмъ направленіямъ, и $1^1/_2$ сотни отряда мгновенно оторваны и унесены льдомъ въ открытое море. Не потерявъ присутствія духа, казаки устроили изъ обломковъ льда мостъ (связывая льдины арканами съ помощію втыкаемыхъ въ льдины пикъ) до берегового стоячаго льда и такимъ образомъ достигли берега, потерявъ всего только двѣ лошади. Перегрузивъ часть взятаго съ собой продовольствія на поставленныхъ мирными киргизами верблюдовъ, отрядъ, 2-го января 1837 года, прибылъ въ укрѣпленіе Ново-Александровское и на другой же день выступилъ вновь, раздѣлившись на двѣ партіи, внизъ по заливу Кайнаду, перешедши который, одна часть отряда двинулась налегкѣ впередъ, а другая часть, спѣшившись, навьючила своихъ лошадей продовольствіемъ и слѣдовала за первою, малыми переходами.

«7-го января легкій отрядъ настигъ аулы поколѣнія джименей, промышлявшихъ морскимъ разбоемъ, и неожиданное появленіе русскихъ увѣнчалось полныхъ успѣхомъ: отрядъ разсѣялъ составлявшееся скопище киргизскихъ наѣздниковъ и отбилъ 350 верблюдовъ, на коихъ тотчасъ навьючены были за-

пасы отряда, который вновь раздѣлился. Подполковникъ Данилевскій пошелъ къ западу на полуостровъ Базучи, а полковникъ Мансуровъ на югъ и юго-западъ Мангишлака и сверхъ того, небольшіе разъѣзды разосланы были по всѣмъ направленіямъ для отысканія хищниковъ, которые вездѣ были разсѣеваемы и захватываемы въ плѣнъ, причемъ разбойники изобличены найденными у нихъ въ аулахъ матроскими куртками, офицерскими вещами, морскими картами и т. п. предметами, съ разграбленнаго казеннаго бота. Подполковникъ Данилевскій сжегъ найденные имъ по берегу моря разбойничьи суда, а адъютантъ Челяевъ съ отдѣльною партіею, далеко на югъ, преслѣдовалъ хищниковъ».

«24 января, отрядъ возвратился благополучно въ укрѣпленіе Ново-Александровское и привелъ съ собою 53 человѣка плѣнныхъ; скота было отбито столько, что продажею онаго покрыты всѣ издержки экспедиціи. Такимъ образомъ, отрядъ этотъ въ теченіи 20-ти дней совершилъ до 1,200 верстъ зимою, когда морозы были не менѣе 15, а не рѣдко доходили и до 25 градусовъ реомюра, при чемъ умерло 2 человѣка и нѣсколько казаковъ легко ранены въ сшибкахъ; но убитыхъ вовсе не было. Палыя лошади казачьи всѣ были замѣнены отбитыми у непріятеля.

«Затѣмъ разослано адаевцамъ и союзникамъ ихъ въ дѣлѣ грабежей, туркменцамъ, объявленіе, что за каждый будущій разбой послѣдуетъ подобное же наказаніе [1])».

Въ этомъ же году были произведены три поиска въ степи, первый — до песковъ Барсуки, вторый—на рѣкѣ Хобдѣ и третій на пескахъ Тайсуйганъ. Первый изъ этихъ поисковъ былъ вызванъ слухомъ о появленіи хивинскихъ эмиссаровъ въ нашихъ степяхъ, для возбужденія киргизовъ къ неповиновенію и грабежамъ; и дѣйствительно, по наущенію хивинцовъ киргизы, близъ рѣки Иргиза, разбили караванъ одного оренбургскаго купца и двухъ его прикащиковъ захватили въ неволю. Для наказанія виновныхъ былъ высланъ отрядъ, подъ командою генералъ-майора Дренякина, состоявшій изъ 1000 человѣкъ охотниковъ, вызванныхъ изъ ближайшихъ къ линіи башкирскихъ кантоновъ; при отрядѣ находилось: 31 чиновникъ и 40 башкирскихъ урядниковъ; кромѣ того придано отряду 2 орудія и 30 человѣкъ пѣхотинцевъ, посаженныхъ на лошадей. 4-го іюня отрядъ этотъ выступилъ черезъ Хабарную за Уралъ.

Съ появленіемъ нашихъ войскъ въ степи прикащики были тотчасъ же отпущены на свободу и часть товаровъ возвра-

[1]) Воен. Сборн. января 1863 г. «Походъ въ Хиву».

щена. Отрядъ преслѣдовалъ хищниковъ за 500 верстъ отъ линіи до рѣки Эмбы; здѣсь аулы хищниковъ были окружены, захвачены важнѣйшіе изъ виновниковъ и взятъ скотъ, для покрытія продажею его издержкъ экспедиціи. Другая часть хищниковъ укрылась въ пескахъ Барсуки, гдѣ преслѣдованіе становилось крайне затруднительнымъ, почему отрядъ, черезъ 20 дней, возвратился на линію, потерявъ всего одного башкира.

Одновременно съ предъидущею экспедиціею, отправленъ былъ, черезъ крѣпость Илецкую-Защиту, другой двухъ-сотенный отрядъ казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Подурова, на рѣку Хобду, гдѣ появились хивинскіе сборщики податей, обиравшіе подвластныхъ намъ киргизовъ; но одинъ слухъ о появленіи этого отряда заставилъ хивинцевъ удалиться.

Далѣе произведены были, въ томъ же 1836 году, поиски на пескахъ Тайсуйганъ, когда было получено извѣстіе, что часть адаевцевъ отправивъ имущество въ пески Тайсуйганъ, противъ крѣпости Кулганской, на нижнеуральской линіи — вздумали налегкѣ дѣйствовать противъ укрѣпленія Ново-Александровскаго; но только часть хищниковъ была тамъ настигнута нашимъ отрядомъ, отбившимъ много скота. При этомъ убитъ 1 казакъ и нѣсколько лошадей; киргизы потеряли убитыми до 15-ти человѣкъ. Сверхъ того, у Гурьева-городка тогда же было захвачено 6 человѣкъ разбойниковъ, извѣстныхъ издавна и поименно.

Всѣ захваченные грабители предавались немедленно военному суду.

До сихъ поръ мы говорили о волненіяхъ, происходившихъ въ глуби и на окраинахъ нашей степи; теперь же должны сказать, что даже и во внутренней (Букеевой) ордѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ нашими поселеніями, не обходилось безъ волненій и безпорядковъ; здѣсь возмутитель Таймановъ, по разнымъ неудовольствіямъ на хана этой орды, собралъ до 3,000 грабителей; но высланный подъ начальствомъ подполковника Геке отрядъ изъ 600 человѣкъ казаковъ, разсѣялъ возмутителей, причемъ убито до 60 киргизовъ, а самъ Таймановъ успѣлъ бѣжать за рѣку Уралъ.

Главнѣйшими предводителями мятежныхъ шаекъ въ степи можно назвать:—изъ киргизовъ внутренней орды, Исетая, бѣжавшаго за Уралъ въ 1837 году, и соединившагося съ давнишнимъ бѣглецомъ той же орды султаномъ Каипъ Галіевымъ, и Джуламана, — удалившагося еще со временъ занятія нами Илецкихъ линій въ 1820 году, и съ тѣхъ поръ не перестававшаго питать злобу къ русскимъ. Всѣ они скрывались въ Хивѣ, пользуясь ея покровительствомъ, а Каипъ и Исетай, въ особенности,

находили постоянную опору въ хивинцахъ. Каипъ разбойничалъ еще въ 1832 году у самой линіи, но потомъ скрылся, а появившись вновь въ 1835 г. въ нашей степи, кочевалъ мирно, желая какъ бы загладить свою вину. Но вскорѣ онъ былъ вызванъ въ Хиву, породнился тамъ съ ханомъ, выдавъ за него свою дочь и принялъ названіе хана западныхъ (отъ Хивы) киргизовъ (подобно тому, Менембай — еще прежде принялъ званіе хана восточныхъ отъ Хивы киргизовъ), а въ 1838 году, согласившись съ прочими бѣглецами, появился уже съ шайками киргизовъ и туркменовъ для сбора съ нашихъ кайсаковъ податей. Скопище его увеличилось вскорѣ до 3,000 и онъ направился къ рѣкамъ Илеку, Хобдѣ, Ори, къ верховьямъ Тобола, приближаясь къ нашей линіи.

Для защиты мирныхъ киргизовъ и прикрытія кордонной линіи, въ іюнѣ 1838 года, высланы были въ степь три отряда: 1) изъ 500 башкиръ, 50 пѣхотныхъ стрѣлковъ, посаженныхъ, верхомъ, при 2-хъ легкихъ орудіяхъ, подъ начальствомъ подполковника Подурова; 2) изъ 450 оренбургскихъ и уральскихъ казаковъ, 50 стрѣлковъ при 2-хъ орудіяхъ, подъ командою подполковника Геке; 3) изъ 700 казаковъ оренбургскаго башкирскаго войска при 5-ти орудіяхъ, подъ предводительствомъ полковника Мансурова. Назначеніе перваго изъ этихъ отрядовъ состояло только въ томъ, чтобы прикрывать среднюю часть линіи и ближайшихъ къ ней киргизовъ; почему отрядъ этотъ и оставался все время позади другихъ, выдвинутыхъ еще далѣе въ глубь степи, правѣе и лѣвѣе перваго. Второй отрядъ соединился противъ Уральской линіи съ султаномъ-правителемъ западной части орды, противъ которой и отправился съ шайкою Исетай, и неожиданно напавъ на хищниковъ, разбилъ ихъ на голову, при чемъ былъ убитъ самъ Исетай, а съ нашей стороны ранено 7 человѣкъ. Третій отрядъ, соединившись съ султаномъ-правителемъ средней части орды, направился на востокъ къ верховьямъ рѣки Иргиза, гдѣ тоже удачно окружилъ аулы волновавшагося рода Дюртъ-Кара, захватилъ поименно извѣстныхъ намъ зачинщиковъ и отогналъ множество скота, для удовлетворенія ограбленныхъ возмутителями киргизовъ и покрытія издержекъ поиска. При этомъ убито до 80-ти киргизовъ, а съ нашей стороны ранено 2 казака.

Затѣмъ уже въ августѣ, полковникъ Геке съ отрядомъ командированъ былъ для преслѣдованія отступившаго на юго-востокъ Джуламана; но скопище его налегкѣ бѣжало въ безкормныя мѣста, оставляя позади себя палы, такъ что отрядъ нашъ не въ состояніи былъ слѣдовать далѣе рѣки Эмбы, и воз-

вратился на линію. Главный руководитель мятежниковъ, Каипъ Галіевъ, вслѣдствіе понесенныхъ бунтовщиками неудачъ, бѣжалъ въ Хиву; но, прежде, чѣмъ онъ успѣлъ сойти со сцены, въ рядахъ возмутителей появляются новые предводители мятежниковъ, — султаны сибирскаго вѣдомства, — Касимъ и Кенисара, отецъ съ сыномъ, и какъ бунтъ послѣдняго составляетъ предметъ нашего изслѣдованія, то мы считаемъ себя обязанными сказать о Кенисарѣ нѣсколько словъ.

Султанъ Кенисара Касимовъ происходилъ отъ предковъ султана Аблая. Это былъ человѣкъ рѣшительный, энергичный; воспитанный въ правилахъ наслѣдственной мести, онъ былъ жестокъ съ побѣжденнымъ врагомъ, до изувѣрства; участіе съ ранняго дѣтства въ набѣгахъ и барантахъ образовало изъ него отличнаго наѣздника; а бѣгство, въ случаяхъ неудачи, въ безкормныя мѣста степи, закалило его духъ во всевозможныхъ лишеніяхъ, и сдѣлало его выносливымъ не хуже верблюда. Стремительный въ своихъ набѣгахъ, подобно всесокрушающему степному урагану, онъ не останавливался ни передъ какими препятствіями. Напротивъ, всякая преграда, казалось, только раздражала его непреклонную волю и дѣлала его еще стремительнѣе и дерзче въ своихъ предпріятіяхъ, до тѣхъ поръ, пока наконецъ не сокрушились передъ его энергіей всѣ препоны на пути къ достиженію желаемой цѣли.

Всѣ эти качества высоко чтились въ Кенисарѣ нашими кочевниками и сердца его соучастниковъ бились безграничною, до самоотверженія, преданностью къ своему предводителю; въ немъ было что-то невольно привлекавшее его соплеменниковъ, и число его приверженцевъ возрастало съ каждымъ днемъ. Словомъ, Кенисара умѣлъ быть достойнымъ повелителемъ своихъ дружинъ. Духу, которымъ были одушевлены его шайки, позавидовалъ бы любой полководецъ европейскихъ войскъ, таковъ былъ Кенисара! Да, человѣкъ этотъ, вообще говоря, былъ личностію выдающеюся и нѣтъ сомнѣнія, что при другихъ условіяхъ воспитанія изъ него вышелъ бы недюжинный государственный дѣятель.

Когда же безпорядки, произведенные Кенисарою, вызвали противъ него рѣшительныя мѣры со стороны сибирской администраціи, которая, для усмиренія его скопища, выслала отряды, то Кенисара отложился отъ Россіи и сдѣлался явнымъ мятежникомъ, въ скорости удалившись въ Оренбургскую степь, къ берегамъ рѣки Тургая.

Тогда генералъ-губернаторъ Западной Сибири просилъ содѣйствія оренбургскихъ войскъ противъ Кенисары съ Касимомъ отступившихъ, послѣ бѣгства Галіева въ Хиву, къ Ташкенту.

Зимою 1838 года получено было извѣстіе, что сибирскаго вѣдомства султаны Аблаевы, родственники и единоплеменники Кенисары, зимуютъ на рѣкѣ Тургаѣ и что туда же собираются прибыть Касимъ и Кенисара, чтобы сообща произвести грабежи и набѣгъ на линію. Для предупрежденія такого покушенія раннею весною (въ мартѣ 1839 года) отряженъ былъ подъ начальствомъ войскового старшины Лебедева, отрядъ изъ 1900 человѣкъ казаковъ и башкиръ и сотни мирныхъ киргизовъ (кипчакскаго и киренскаго родовъ), при 2-хъ легкихъ орудіяхъ.

Отрядъ засталъ Аблаева со всѣми аулами его еще на зимовкѣ, и захватилъ въ плѣнъ самого Аблаева и 13 другихъ киргизовъ, причемъ убито до 50 непріятелей и угнано множество скота. Однако дальнѣйшее преслѣдованіе хищниковъ оказалось невозможнымъ по случаю наступившей весны и разлива рѣкъ. На возвратномъ пути къ линіи, послѣ сильныхъ дождей, начались снова сильные морозы и вьюги, отъ чего отрядъ значительно потерпѣлъ, особенно лошади, которыхъ пало до 600. Между тѣмъ Кенисара, выждавъ возвращенія отряда Лебедева на линію, снова появился на рѣкѣ Тургаѣ со скопищемъ въ 3000 чел. и разграбилъ киргизовъ восточной части орды, а остальныя его шайки въ тоже время, нападая на линію, увели въ плѣнъ 8 чел. русскихъ, кромѣ тѣхъ рыбопромышленниковъ нашихъ, которые захвачены были на рѣкѣ Тоболѣ. Въ томъ же году зимою у отряда, заготовлявшаго сѣно на р. Эмбѣ, для предстоявшей экспедиціи въ Хиву, угнано было подкравшимися ночью ворами 300 башкирскихъ лошадей и позже отогнано подобнымъ же образомъ 180 воловъ и захваченъ маркитантскій прикащикъ.

Таково было начало бунта Кенисары, надѣлавшаго въ послѣдствіи такъ много хлопотъ оренбургской администраціи, особенно когда къ волненіямъ въ степи присоединяются, почти безпрерывные, безпорядки внутри края, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

II.

Волненія начала сороковыхъ годовъ. — Политика Кенисары. — Прокламаціи степныхъ мятежниковъ; стремленіе ихъ и Кенисары отдѣлить степь отъ Россіи и признать свою зависимость отъ Хивы. — Переписка султана Кенисары Касимова съ Оренбургомъ.

Съ 1840 года волненія въ степяхъ Оренбургскаго вѣдомства, съ появленіемъ въ нихъ Кенисары и отца его султана Касима Аблаева, принимаютъ болѣе опредѣленный, тревожный и хроническій характеръ. Оренбургская администрація очень хорошо понимала, что ей доводится имѣть дѣло съ недюжиннымъ чело-

вѣкомъ, и потому она съ лихорадочною дѣятельностью слѣдитъ шагъ за шагомъ за Кенисарою, стараясь предугадывать, и по возможности предупреждать, его намѣренія. Между главнымъ начальникомъ края, пограничной коммиссіей, управлявшей киргизами, и дистаночными линейными начальниками идетъ бѣглая, секретная переписка, заключающаяся въ сообщеніи свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ степи; комендантамъ крѣпостей и дистаночнымъ начальникамъ предписывается принять заблаговременно мѣры предосторожности, на случай нападенія со стороны мятежниковъ и какъ бы въ отвѣтъ на эти предписанія, получаются въ Оренбургѣ нерадостныя вѣсти о разбойничьихъ набѣгахъ, производимыхъ, въ разныхъ пунктахъ степи и линіи, сообщниками Кенисары. Хитрый и умный политикъ, султанъ Кенисара поступаетъ съ оренбургской администраціей сообразно обстоятельствамъ: то наводитъ ужасъ и страхъ по обѣ линіи нашихъ поселеній и на аулы мирныхъ киргизовъ, — когда пользуется покровительствомъ Хивы; то какъ будто смиряется, и жлаетъ прощенія, когда лишается поддержки въ хивинскомъ ханѣ или когда число его приверженцевъ по какому либо случаю уменьшается значительно. Такъ, въ 1840 году погибель главнаго сподвижника и отца Кенисары, султана Касима Аблаева, — заставила мятежника бѣжать въ Хиву, и на нѣкоторое время степь успокоилась. Извѣстіе это тѣмъ радостнѣе было для Оренбурга, что Касимъ былъ опытный и вліятельный мятежникъ, а слѣдовательно не безопасный агитаторъ въ Оренбургской степи.

Свѣдѣніе объ этомъ событіи было получено посредствомъ письма троицкаго купца Сафаргали-Искакова, на имя бія Балгажи Янбурчина, въ которомъ онъ слѣдующимъ образомъ описываетъ подробности погибели султана Касима Аблаева, съ его семействомъ и шайкою приверженцевъ. Султанъ Аблаевъ (отецъ Кенисары) просилъ у ташкентскаго бека пороху, свинцу и 100 ружей для сопротивленія русскимъ отрядамъ, высланнымъ противъ него. Ташкентскій бекъ, вѣроятно по старымъ счетамъ, питая вражду къ Касиму, рѣшился воспользоваться удобнымъ случаемъ для истребленія своего врага посредствомъ хитрости. Онъ съ живѣйшею готовностью выслалъ къ нему на одномъ верблюдѣ пороху, на другомъ свинцу, 3 орудія и 200 халатовъ, съ 600 человѣками своихъ приверженцевъ, написавъ поименно, кому и что слѣдуетъ раздать; но вслѣдъ за мнимымъ вспомогательнымъ отрядомъ, бекъ тайно послалъ 6,000 человѣкъ, которымъ было поручено внезапнымъ нападеніемъ уничтожить шайку Аблаева. Послѣдній, ничего неподозрѣвая, принялъ подарки и собравши своихъ джигитовъ приступилъ къ дѣлежу. Въ это

время посланные ташкентскимъ бекомъ 6,000 человѣкъ, внезапно напали на аулы Аблаева, истребили его шайку, убили женъ и дѣтей, и только одинъ Кенисара, благодаря тому обстоятельству, что онъ кочевалъ отдѣльно отъ ауловъ отца, — успѣвъ получить свѣдѣніе о нападеніи ташкентцевъ, — бѣжалъ въ Хиву.

Послѣ погибели султана Касима Аблаева, степь повидимому успокоилась. Стеченіемъ обстоятельствъ, сынъ его Кенисара былъ поставленъ въ такое положеніе, что по неволѣ долженъ былъ желать мира съ русскими. Иначе, по выходѣ изъ Хивы, ему одновременно угрожали бы ташкентскій бекъ съ одной стороны, и русскіе отряды, — съ другой. Да и хивинскій ханъ, послѣ похода генерала Перовскаго въ Хиву, сталъ бояться Россіи, и, опасаясь навлечь на себя новое неудовольствіе русскихъ, почти отказывалъ Кенисарѣ въ убѣжищѣ, замаскировывая свою трусость дружественными отношеніями къ русскому царю, но въ то же время хану не хотѣлось потерять въ Кенисарѣ союзника; отсюда ясно, что хивинскій ханъ хитрилъ передъ нашимъ правительствомъ и, явно увѣряя въ своей дружбѣ къ русскому царю, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не переставалъ тайно возбуждать кайсаковъ противу Россіи, и желалъ присоединенія киргизскихъ ордъ къ Хивѣ (какъ-то увидимъ мы ниже), дѣйствуя на ордынцевъ черезъ Кенисару и его предшественниковъ. Наконецъ Кенисару озабочивала мысль выручить нѣкоторыхъ своихъ родственниковъ, захваченныхъ русскимъ отрядомъ, подъ начальствомъ войскового старшины Лебедева въ 1839 году, на рѣкѣ Тургаѣ. Выручить же ихъ силою оружія не представлялось возможности, потому что они были отправлены къ генералъ-губернатору Западной Сибири. Приходилось хитрить и надѣть личину смиренія. Кенисара такъ и поступилъ. Не видя существенной поддержки въ хивинскомъ ханѣ, онъ старался, посредствомъ распускаемыхъ мирными киргизами слуховъ, внушить оренбургской администраціи мысль, что хищничество ему надоѣло и что онъ вознамѣрился стать въ ряды мирныхъ ордынцевъ и кочевать спокойно. А для того, чтобы слухи подтвердились фактами, онъ рѣшился нѣкоторымъ изъ ограбленныхъ имъ ауловъ возвратить награбленное.

Такъ войсковой старшина Лебедевъ доносилъ начальнику штаба отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, отъ 2-го февраля 1841 года, что по полученнымъ имъ отъ поручика Язы-Янова свѣдѣніямъ, ограбленное прошлымъ лѣтомъ имущество аула алчинскаго бія Ажмамбета (около 30 кибитокъ), партіею мятежниковъ, подъ начальствомъ племянника Кенисары, Соржанова сына, въ октябрѣ прошлаго (1840) года, по приказанію Кени-

сары возвращено обратно владѣльцамъ. Случилось же это, писалъ Лебедевъ, въ то время, когда Кенисара кочевалъ близъ киргизовъ Чумикеевскаго, Дюрткаринскаго и Чиклинскаго родовъ, которые, будто бы, первоначально принять его къ себѣ не хотѣли, и потому онъ посылалъ сына своего къ хивинскому хану, испросить дозволенія прикочевать къ подвѣдомственнымъ Хивѣ ордынцамъ; но хивинскій владѣлецъ отозвался тѣмъ, что онъ съ Россіею въ примиреніи, и потому не иначе можетъ дозволить ему приблизиться въ свои владѣнія, какъ съ обѣщаніемъ не производить возмущеній противу Россіи. Между тѣмъ, и киргизы упомянутыхъ выше трехъ родовъ, опасаясь, чтобы Касимовъ, присоединясь къ хивинцамъ, не произвелъ новыхъ безпокойствъ, и чтобы имъ, находящимся между Хивою и Россіею, за отказъ Кенисарѣ, не потерпѣть разоренія отъ хищническаго скопища Кенисары, рѣшили съ общаго совѣта послать къ нему увѣдомленіе о желаніи ихъ, чтобы султанъ кочевалъ съ ними, только на тѣхъ же условіяхъ, какія были предложены ему хивинцами, т.-е., чтобы онъ обѣщался кочевать мирно и оставилъ хищничество. Вскорѣ затѣмъ (говорится далѣе въ рапортѣ), означенныхъ родовъ киргизы примѣтили въ Касимовѣ какое-то расположеніе, будто бы, къ спокойствію, убѣждаясь въ этомъ тѣмъ, что съ его совѣта возвращенъ аргынцамъ угнанный чумикеевцами и дюрткаринцами скотъ: 450 лошадей, 400 барановъ и 30 коровъ. Подобнымъ же образомъ получили свое имущество обратно и другіе, ограбленные его соумышленниками ордынцы. Сверхъ того, по приглашенію Кенисары ѣздилъ къ нему Аргынскаго рода бій Анакъ Алтаевъ, какъ говорили слухи, для совѣщанія съ Кенисарою объ изысканіи, будто бы, средствъ къ испрошенію ему амнистіи, получить которую Кенисара надѣялся чрезъ бія Алтаева, лично извѣстнаго предсѣдателю пограничной коммисіи генералъ-маіору Генсу и самому Лебедеву, сообщавшему эти вѣсти.

Кромѣ того, поручикъ Язы-Яновъ доставилъ къ войсковому старшинѣ Лебедеву письмо отъ брата Кенисары, Кузука Касимова, писанное, какъ увѣрялъ Язы-Яновъ, при немъ подъ диктовку самого Кенисары.

Въ письмѣ этомъ, Кузукъ увѣряетъ клятвенно о готовности, какъ своей, такъ и брата его, покончить разъ навсегда съ барантою [1]), если только на нихъ будетъ распространено высо-

---

[1]) «Барантою» называется грабежъ съ набѣгомъ на линію, или на аулы мирныхъ киргизовъ.

чайшее прощеніе, дарованное Государемъ прежде бунтовавшимъ ордынскимъ племенамъ [1]).

Войсковой старшина Лебедевъ, какъ видно изъ его донесеній, вѣрилъ въ искренность раскаянія Кенисары, несмотря на то, что недовѣрчивый Джантюринъ, одинъ изъ киргизскихъ султановъ, убѣждалъ его не вѣрить словамъ вѣроломнаго мятежника.

Ахметъ Джантюринъ въ своемъ сообщеніи къ Лебедеву говоритъ: «хотя Кенисара и сдружился съ нынѣ мирно-кочующими племенами киргизовъ Чумикеевскаго, Дюртъ-Каринскаго и Чиклинскаго родовъ, которые по его убѣжденіямъ и совѣтамъ не только оставили баранту, но даже возвратили прежде угнанный ими скотъ у разныхъ владѣльцевъ», но Джантюринъ видитъ въ этомъ одну лишь хитрость Кенисары, — «желающаго замаскировать свои истинныя намѣренія относительно упомянутыхъ 3-хъ родовъ».

По его убѣжденію, Кенисара желалъ только выиграть время, въ продолженіи котораго онъ надѣялся привлечь на свою сторону легкомысленныхъ ордынцевъ, а потомъ, сразу увеличивъ свое скопище тремя, значительными по численности, родами, начать снова мятежъ.

Впрочемъ, Лебедевъ, въ донесеніи своемъ, старался убѣдить оренбургскаго военнаго губернатора въ истинѣ раскаянія Кенисары и совѣтовалъ ему не придавать особеннаго значенія скептическимъ опасеніямъ султана Джантюрина.

Между тѣмъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до ходатайства Лебедева о распространеніи амнистіи на Кенисару и его сообщниковъ, въ Оренбургѣ было получено отношеніе управлявшаго Омской областію киргизовъ, возбудившее новыя опасенія насчетъ замысловъ опаснаго мятежника.

Въ отношеніи этомъ говорилось, что не вошедшіе въ составъ внѣшнихъ округовъ, кочующіе сопредѣльно съ Аманъ-Карагайскимъ округомъ, киргизы Джугаричекты-азгиловской волости, преданные Кенисарѣ Касимову, провезли неизвѣстно куда, на 650 верблюдахъ, до 2,000 пуд. муки [2]), и что, какъ слышно, вскорѣ еще должны слѣдовать подобные транспорты. Такой значительный запасъ провіанта внушилъ управлявшему Омской областью мысль, что муку эту везутъ къ Кенисарѣ или его сообщникамъ. Въ предупрежденіе чего, управляющій просилъ оренбург-

---

[1]) Высочайшая амнистія, объявленная незадолго предъ симъ генераломъ Перовскимъ, прежде бунтовавшимъ племенамъ по наущенію Хивы.

[2]) Интереснѣе всего то, что муку эту, какъ видно изъ дѣлъ Тургайской области, киргизы покупали на оренбургской линіи!..

ское начальство принять мѣры къ пресѣченію, на будущее время возможности доставки провіанта въ аулы мятежныхъ ордынцевъ.

Такимъ образомъ, представленіе Лебедева о готовности султана Кенисары сдѣлаться мирнымъ кочевникомъ, шло въ разрѣзъ съ предостереженіями западно-сибирской администраціи, которая, въ этомъ случаѣ, была солидарна съ мнѣніемъ султана Джантюрина. Генералъ-губернаторъ западной Сибири, въ письмахъ къ Перовскому, совѣтовалъ ему не вѣрить на слово Кенисарѣ, который, «бунтуя въ степяхъ сибирскаго вѣдомства, зарекомендовалъ себя крайне вѣроломнымъ человѣкомъ».

Всѣ эти разнорѣчивыя свѣдѣнія, получаемыя съ разныхъ сторонъ оренбургской администраціей, не только не разъясняли ей дѣла, но скорѣе ставили ее въ тупикъ. Впрочемъ, въ Оренбургѣ, въ большинствѣ случаевъ, старались дѣйствовать на степныхъ мятежниковъ силою убѣжденія, но не силою оружія, къ которому прибѣгали лишь въ крайнихъ случаяхъ. Вотъ почему, когда султаны Касимовы обратились съ просьбою къ предсѣдателю пограничной коммиссіи, въ которой высказали жалобу на притѣсненія ихъ сибирскимъ начальствомъ, имъ отчасти повѣрили.

Въ этой жалобѣ Касимовы объясняли, что сибирская администрація, будто бы исключительно по однимъ навѣтамъ султана Ямантая Букеева, личнаго врага рода Касимовыхъ, высылала противу послѣднихъ, какъ бы противу мятежниковъ, экзекуціонные отряды; что команды эти неоднократно появлялись въ степи и разоряя аулы Касимовыхъ, ихъ родственниковъ и приверженцевъ, заставили Касимовыхъ откочевать въ степи оренбургскаго вѣдомства, гдѣ они надѣялись найти справедливость.

Въ особенности жаловался Кенисара на какого-то «Тиньтякъ-майора» [1]), разграбившаго, здорово-живешь,—четыре рода кайсаковъ и вырѣзавшаго при этомъ до 250 человѣкъ. Такихъ набѣговъ русскихъ отрядовъ съ 1825 по 1840 годъ, Кенисара насчитываетъ до 15-ти, при этомъ указываетъ не только годъ, мѣсяцъ и число, въ которое сдѣлано было нападеніе, но и называетъ урочище, при которомъ кочевалъ разгромленный русскими аулъ [2]).

Свои жалобы заключаетъ онъ такъ: «все сіе происходило по жалобамъ султана Ямантая Букеева. Теперь да будетъ из-

---

[1]) Тиньтякъ равносильно русскому понятію—дуракъ, слѣдовательно, Тиньтякъ-майоръ—значитъ дуракъ майоръ.

[2]) Рапортъ султановъ Касимовыхъ отъ 7-го іюня 1841 года.

вѣстно в. пр—ству, какую злобу питали къ намъ сибиряки и какъ мы были безвинно гоними ими, и, потерпѣвъ такія непріятности, принуждены были спасти самихъ себя бѣгствомъ. Чрезъ сіе еще болѣе вооружили мы противъ себя сибиряковъ, (разумѣя сибирское начальство), которые полагали, что мы не хотѣли будто повиноваться имъ».

Далѣе Кенисара говоритъ уже прямо отъ своего лица: «я не приглашалъ къ себѣ никакихъ родовъ. Сибиряки, выѣзжая безпрестанно въ степь, грабили и убивали людей, какъ своего вѣдомства, такъ и степныхъ киргизовъ (оренбургскихъ). Отъ того-же, что такъ часто выходили въ степь войска и пошли толки, что я, Кенисара Касимовъ, вооружился противъ сибирской линіи. Наконецъ, не найдя въ Сибири никакого правосудія, прикочевалъ я къ оренбургской линіи, единственно для того, чтобы искать себѣ у Великаго Государя покровительства, пріюта, убѣжища и довести до свѣдѣнія оренбургскаго начальства о всѣхъ претерпѣнныхъ мною бѣдствіяхъ. Я не утаиваю то, что при разграбленіи Алтыбашева отдѣленія бія Балгудяги Ямгурчина я былъ: это было мое мщеніе ему за его дѣла!»[1]) Подписано такъ: «султаны Кенисара и Кучакъ Касимовы печати приложили».

Бывшій предсѣдатель пограничной коммиссіи, какъ видно, былъ убѣжденъ доводами Кенисары въ справедливости его жалобы и потому сдалъ его рапортъ въ коммиссію, положивъ на немъ слѣдующую довольно характерную резолюцію:

«Превождая при семъ рапортъ С. Кенисары Касимова, которымъ онъ жалуется на притѣсненія, грабежи и убійства, претерпѣнные приверженцами его отъ сибирскаго начальства,—писалъ генералъ Генсъ,—прошу предписать секретарю кол. сов. Ларіонову узнать, не въ предѣлахъ ли нашихъ произведены *эти неистовства*, и не пострадали ли при томъ киргизы вѣдомства нашего. Не худо бы, еслибъ г. Ларіоновъ пояснилъ имена начальниковъ и все то, что въ донесеніи Кенисары неясно и недостаточно».

Согласно этой резолюціи дана была секретарю пограничной коммиссіи Ларіонову командировка, съ цѣлью развѣдать на мѣстѣ, насколько истинны были жалобы мятежнаго султана Кенисары, на несправедливость къ нему и его приверженцамъ сибирскаго начальства?...

Такая уступка оренбургской администраціи въ отношеніи Кенисары, съ одной стороны, объясняется вѣчными препирательствами сибирскаго начальства съ оренбургскимъ, о правахъ на

---

[1]) Перевелъ толмачь Батыршинъ.

нѣкоторыя киргизскія племена, препирательствами, возникавшими въ продолженіи многихъ лѣтъ вслѣдствіе неимѣнія опредѣленныхъ границъ между племенами киргизовъ сибирскаго и оренбургскаго вѣдомствъ; — и съ другой, желаніемъ, посредствомъ вниманія оказаннаго Кенисарѣ, привлечь его на сторону Россіи. Такое желаніе оренбургской администраціи было тѣмъ естественнѣе, что она имѣла дѣло не съ простымъ мятежникомъ, ограничивающимся барантою, а съ энергичнымъ и умнымъ агитаторомъ, желавшимъ отдѣленія киргизскихъ степей отъ Россіи и присоединенія кайсацкаго народа къ единовѣрной ему Хивѣ.

Правда, что мысль отдѣленія кайсацкихъ ордъ отъ Россіи и соединеніе ихъ съ Хивою, — уже не въ первый разъ преслѣдовалась представителями степныхъ мятежей: еще султанъ Галій и мятежникъ Исетай Таймановъ стремились къ этой цѣли; но никто изъ нихъ не преслѣдовалъ эту мысль такъ настойчиво, какъ султанъ Кенисара Касимовъ. Будучи патріотомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, Кенисара, — желавшій вѣчной свободы своего народа, — очень хорошо понималъ, что рано или поздно, но, русское правительство обратитъ серьезное вниманіе на подвластныхъ ему ордынцевъ, и захочетъ пріучить ихъ къ осѣдлости и подчинитъ болѣе строгому контролю и порядку [1]). Такой строй жизни не могъ нравится людямъ, привыкшимъ къ бродяжничеству, своеволію, набѣгамъ, барантѣ и обладавшимъ другими качествами вполнѣ дикихъ неразвитыхъ народовъ. Кенисара, какъ равно и другіе киргизы привыкли считать *всю степь своимъ общимъ достояніемъ, а въ недалекомъ будущемъ имъ грозило раздѣленіе степи на уѣзды.* Даже и въ то время русская администрація указывала мѣстность: гдѣ и какой родъ долженъ былъ кочевать. Такое вмѣшательство русскаго начальства, конечно, не нравилось кочевникамъ, и они всячески старались отдѣлаться отъ него.

Взоры ихъ въ этомъ случаѣ всегда обращались къ единовѣрной имъ Хивѣ, ханы которой обѣщали ордынцамъ сохранять ненарушимо вольность киргизскаго народа, если кайсаки, — отложась отъ Россіи, — признаютъ надъ собою власть хивинскихъ владыкъ. Поэтому и султанъ Кенисара видѣлъ спасеніе кайсацкой вольности лишь въ соединеніи киргизскихъ ордъ съ Хивою. Онъ былъ увѣренъ, что принявъ званіе хана кайсацкихъ ордъ отъ хивинскаго владѣльца, онъ будетъ лишь его вассаломъ; платя Хивѣ незначительную дань (зякетъ) и помогая

---

[1]) Что и случилось въ настоящее время, когда уже приводится въ дѣйствіе новое положеніе о киргизахъ оренбургскаго вѣдомства.

войсками въ случаяхъ войны, Кенисара надѣялся играть, во всемъ остальномъ, роль самостоятельнаго властителя.

Такая идея рѣшительно могла осуществиться, еслибъ удалось соединить киргизовъ съ Хивою, и ни въ какомъ случаѣ, еслибъ кайсацкія орды по прежнему стали бы признавать себя подданными Россіи.

Вполнѣ оцѣнивъ выгоду сліянія орды съ Хивою, Кенисара настойчивѣе своихъ предшественниковъ, чрезъ своихъ агентовъ, распространялъ въ киргизахъ прокламаціи, призывающія ордынцевъ отложиться отъ Россіи и признать свою зависимость отъ единовѣрныхъ имъ — хивинскихъ хановъ.

Въ прокламаціяхъ этихъ чрезвычайно важную и привлекательную роль играетъ Хива, то-есть мудрое правленіе ея хана Аллакула и его сановниковъ, подъ управленіемъ которыхъ привольно живется хивинскимъ подданнымъ. Чтобы познакомить читателей съ языкомъ и своеобразностію формы прокламацій, распространяемыхъ степными мятежниками, мы позволяемъ себѣ привести здѣсь наиболѣе интересныя изъ нихъ. Вотъ, напримѣръ, текстъ посланія Мухамеда Утямишева, одного изъ соучастниковъ въ киргизскихъ мятежахъ:

«Почтеннымъ батырямъ: Бавбаю, Надыркулу, Салію, Ярмухамеду и Амантаю — всѣмъ по поклону. Я самъ хвала Богу здоровъ молитвами друзей моихъ подобныхъ вамъ! Я благополучно воротился изъ Хивы; а ежели пожелаете что знать, спросите друзей вашихъ. Душевно желаю васъ видѣть, но безпорядки въ народѣ [1]) не позволяютъ мнѣ съѣздить къ вамъ. Я не могу жить между этимъ народомъ; передъ выходомъ войска увижусь съ ханомъ, и во всякомъ случаѣ войско не преминуетъ придти нынѣшнимъ лѣтомъ. Ежели обстоятельства позволятъ, непремѣнно пришлите старшину Салія, отъѣзжая, я долженъ знать, въ какомъ положеніи находитесь вы. Не думайте, какъ этотъ народъ, что изъ Хивы войско не придетъ. Ежели будутъ притѣсненія отъ русскихъ, откочуйте сюда; назаровцы и другіе не коснутся вашего имущества. Не унижайте себя прибѣгая къ русскимъ. Алла-Куллы ханъ не взялъ зякета (податей) съ народа муллы Джарлыгаса и Учартыя, хотя они ему и предлагали. Осенью нынѣшняго года, Кайдавулъ-Батырь, съ товарищами, разграбили 62 кибитки Алачинцевъ, ханъ разгнѣвался на это и хотѣлъ послать людей, но Тлявцы отдали назадъ похищенное. *Люди удалившіеся отъ русскихъ здѣсь не въ презрѣніи.* Алла-Куллы Хану [2])

---

[1]) Слѣдуетъ разумѣть тѣ племена, которыя не желали отпасть отъ Россіи.

[2]) Хивинскій владѣлецъ.

сказалъ я, что и вы держите мою сторону, — онъ радовался этому душевно».

Оригинальнѣе всего то, что подобнаго рода посланія, чисто политическаго характера, заканчиваются иногда самымъ наивнымъ обращеніемъ агитаторовъ къ ихъ друзьямъ. Такъ Утямишевъ заключаетъ свое воззваніе слѣдующей фразой, обращенной къ одному изъ друзей его: «другъ мой Ярмухамедъ,—пишетъ Утямишевъ,—пришли пожалуйста съ Саліемъ (вызываемымъ для политическихъ переговоровъ) чаю и сахару, это будетъ величайшая твоя для меня милость» [1]).

Такимъ образомъ, для агитатора Утямишева, освобожденіе киргизскаго народа отъ власти Россіи находится въ прямомъ отношеніи къ услажденію себя чаемъ и сахаромъ, и оба желанія одинаково дороги его сердцу. Но есть воззванія къ почетнымъ людямъ орды, написанныя энергичнѣе сейчасъ приведеннаго документа. Въ нихъ даже угрожаетъ кара тѣмъ, кто не приметъ участія *«въ общемъ магометанскомъ дѣлѣ»*.

Особенною рѣзкостію и рѣшительностію тона отличаются прокламаціи мятежника султана Каипъ Галіева, возведеннаго хивинскимъ владѣльцемъ въ званіе хана. Вотъ текстъ его воззванія, въ переводѣ съ татарскаго [2]):

«Біямъ Байбактинскаго рода Тулбаю, Кундукарю, Джумуру, Сасыку, Тюрялію-Кустынѣ, Алчшибаю, Чукану, Наукѣ, Баракту, Бараку, Утебу, Аману, Сафію и Джантюрѣ, батырямъ и всѣмъ почтеннѣйшимъ людямъ.

«Вамъ извѣстно, что вслѣдствіе почтеннѣйшаго предписанія высокопочтеннѣйшаго хивинскаго хана Алла-Кулла-Мухамедъ-Рахимъ-Ханова, мы въ прошедшемъ году, осенью, пріѣхали на урочище Учь-Буканбая на рѣкѣ Эмбѣ, на совѣщаніе съ дѣтьми трехъ отцовъ объ общей участи.

«Вслѣдствіе чего предписывается вамъ, почтенные біи, какъ только получите эту бумагу—вооружитесь и, приготовивъ себѣ дорожные припасы, возьмите съ каждой кибитки по одному человѣку, и немедленно пріѣзжайте ко мнѣ. Если же это предписаніе по какимъ либо причинамъ не исполнится, то на этотъ счетъ предупреждаю васъ, чтобы вы страшились погибели отъ потоптанія лошадьми! Грѣхъ за подверженіе несчастіямъ участи вами управляемаго народа останется на васъ. Ханъ Каипъ-Галій-Ишимъ-Хановъ печать приложилъ».

Воззваніе это хотя и было доставлено въ Оренбургъ однимъ

---

[1]) Перевелъ толмачъ Костромитиновъ.

[2]) Перевелъ толмачъ Батыршинъ.

изъ приверженцевъ существующаго въ степи порядка, но въ большинствѣ, оно было встрѣчено сочувственно, и съ должнымъ вниманіемъ. Въ доказательство приводимъ отвѣтъ къ Каипъ-Галію, писанный единомысленными ему ордынцами:

«Почтенному уважаемому и милостивому султану Каипу свидѣтельствуемъ истинное наше почтеніе; батырю Исетаю и Мухамеду съ товарищами ихъ посылаемъ наши поклоны. За симъ объявляемъ, что мы Исыкова рода, Кадыркулова отдѣленія, бишъ-арысъ (пять поколѣній) Курыбай и Туманъ, по приказанію вашему находимся въ готовности къ услугамъ вашимъ и откочевали уже на урочище Уголъ, называемое Тусъ-Агачь. Старѣйшины наши, по приказанію вашему, уже на коняхъ и въ совершенной готовности ожидаютъ васъ. Съ сими посланными благоволите прислать приказанія ваши. Мы съ нетерпѣніемъ ихъ ожидаемъ» [1]). Подписано такъ: «Тамлыбай Нуршинъ, старѣйшина Намазъ-бій, батырь Буйракъ, Мурза Джякатай, Балта, Аликъ и проч. большіе и малые посылаемъ къ вамъ эту бумагу. Февраля 18 дня.»

Одновременно съ Каипомъ дѣйствовалъ извѣстный его сообщникъ мятежникъ Исетай Таймановъ. Онъ, подобно Галію, распространялъ въ киргизскомъ населеніи прокламаціи, призывающія кайсаковъ къ оружію, въ интересахъ общаго мусульманскаго дѣла. Бій Асау, отказавшійся соединиться съ Исетаемъ, представилъ въ оренбурскую пограничную коммисію (нынѣ Тургайское областное правленіе) одинъ экземпляръ подлиннаго воззванія Таймановa. Въ посланіи Исетая, еще рельефнѣе выступаетъ явное вмѣшательство Хивы въ дѣла нашихъ кочевниковъ, и еще рѣзче проглядываетъ мысль отдѣленія степей отъ Россіи. Вотъ содержаніе этого документа:

«Черкесскаго рода біямъ: Бауралу, Асау, Тукаю, Баймамбетю, Айбасу, Дабысу, Тазларскаго рода бію Бутаю и другимъ вообще, объявляемъ *непремѣнное* наше желаніе:

«Вамъ, почтенные, хотя и было уже писано, но въ отвѣтъ никакого свѣдѣнія отъ васъ не получено. Какъ, вы не думаете *брать нынѣ участія въ общемъ мусульманскомъ дѣлѣ?* Теперь вторично пишемъ къ вамъ, чтобъ вы, по полученіи этой бумаги, немедленно собравъ своихъ молодцовъ, вмѣстѣ съ аулами своими перекочевали по направленію къ Уилу [2]), и чрезъ четыре дня, соединились бы съ нами, на вершинѣ Былкылдака при

---

[1]) Перевелъ Костромитиновъ.

[2]) Степная рѣка.

озерѣ Тляулiѣ. Сверху пришли на Хобду [1]) батыри Табынскаго рода, Джюламанъ и Тляукабацкаго отдѣленiя Исетъ съ 5 т. человѣкъ; они, если Богу будетъ угодно, также съ нами соединятся. Китинецъ Аламанъ прибылъ уже къ намъ, и насъ тоже 3 т. человѣкъ. О прочихъ обстоятельствахъ вы извѣститесь отъ посланнаго. *Вамъ должно знать, что теперь наступило время исполнить это предписанiе, послѣдовавшее по повѣленiю Хова-резмскаго Падишаха* (хана Хивинскаго). Въ удостовѣренiе справедливости сего, батырь Исетай Таймановъ печать приложилъ» [2]).

Въ томъ же духѣ и направленiи, но съ бо̀льшимъ успѣхомъ, дѣйствовалъ султанъ Кенисара Касимовъ. Будучи умнѣе своихъ предшественниковъ и далеко превосходя ихъ въ политическихъ хитростяхъ и изворотахъ, онъ ближе и вѣрнѣе шелъ къ цѣли. Такъ, тайно сносясь съ Хивою и готовясь исподоволь къ возстанiю, Кенисара не забывалъ Оренбурга, съ которымъ велъ дѣятельную переписку, въ которой умолялъ о помилованiи. Въ Оренбургѣ же видимо склонялись на его просьбы. И вслѣдствiе приведеннаго нами выше письма Кенисары, къ нему, по распоряженiю военнаго губернатора, отъ султановъ Восточной и Западной части орды, были отправлены надежные люди, посредствомъ которыхъ, надѣялись открыть мятежному султану путь къ испрошенiю себѣ амнистiи. А для того, чтобы убѣдить Кенисару въ милосердiи русскаго императора, посланцамъ вручено было объявленiе, которымъ возвѣщалось всѣмъ прежде бунтовавшимъ ордынцамъ высочайшее помилованiе. Кенисара дѣйствительно ободрился и сталъ настойчивѣе требовать себѣ прощенiя. Онъ писалъ полсжительно ко всѣмъ, кто, по его убѣжденiю, могъ дѣйствовать въ его пользу. Ему не только удалось обмануть своимъ раскаяніемъ предсѣдателя пограничной коммиссiи Генса, и посредствомъ его главнаго начальника края, но онъ даже умѣлъ внушить довѣрiе къ себѣ султану Ахмету Джантюрину, который былъ прежде его противникомъ, а въ концѣ концовъ, поддавшись обаянiю Кенисары,—самъ-же представлялъ въ Оренбургъ его письма и хлопоталъ за бывшаго врага своего предъ начальствомъ.

Письма мятежнаго султана настолько характерно обрисовываютъ эту личность, что мы считаемъ необходимымъ занести нѣкоторыя изъ нихъ на страницы нашей лѣтописи.

---

[1]) Тоже степная рѣка.

[2]) Перевелъ съ татарскаго Бекчуринъ.

Письмо 1-е.

Богъ всемилостивъ!

Почтеннымъ и великодушнымъ нашимъ братьямъ, султанамъ Джантюрѣ и Ахмеду свидѣтельствуемъ нижайшее почтеніе. Присылкою къ намъ увѣдомленія о высочайшей его императорскаго величества милости, вы насъ чрезвычайно обрадовали и доказали близость вашего родства и дружбы къ намъ. Да будетъ извѣстно, что причиной нашихъ непріязней были султаны, находящіеся между Кувошдыкцами и Суюндукцами, но съ вами ссоры не имѣемъ, и никогда отъ васъ никакихъ непріятностей не видали. Вы подружески просили насъ прислать одного султана, но въ этотъ разъ не было возможности послать того султана, котораго бы слѣдовало; если же получимъ другое письмо, то уже пустимъ въ ходъ (что̀ равносильно пошлемъ) одного изъ нашихъ братьевъ, но только съ тѣмъ, чтобы русскіе не требовали самого Кенисару. Намъ желательно слѣдовать путемъ нашего дѣда [1]); кромѣ же этого мы готовы исполнить всѣ дѣлаемыя предложенія. Русскіе увлекли брата нашего Габдуллу, племянника Мурхана, и султана Калджана Кучакова. Но если отъ государя есть милость и письмо наше будетъ принято, полагаемъ, что они будутъ отпущены; впрочемъ мы увѣрены въ милости его императорскаго величества. Прошу васъ наши письма представить куда слѣдуетъ. Тѣ слова, которыя сообразны съ порядкомъ, пусть останутся, а тѣ слова, которыя писаны не порядкомъ, отошлите—приведя ихъ въ порядокъ» [2]). Писано 3-го числа мѣсяца Мухаррама (т. е. 14 марта) 1841 года. Приложена печать султана Кенисары Касимова.

Приведенное письмо, несмотря на нѣкоторую туманность его изложенія, очень ясно указываетъ на то обстоятельство, что Кенисара готовъ покориться, но неиначе какъ съ тѣмъ, чтобы всѣ его родственники были освобождены изъ плѣна. Султанъ Кулджанъ Кучаковъ даже не былъ родственникомъ Кенисарѣ, и если онъ хлопоталъ объ освобожденіи его, то единственно изъ политическихъ видовъ. Зная очень хорошо, какую роль игралъ Кучаковъ въ степи, и какую онъ имѣлъ до плѣна большую партію приверженцевъ въ ордѣ, Кенисара разсчитывалъ освобожде-

---

[1]) Извѣстнаго хана Аблая, который собственно не считалъ себя подданнымъ Россіи, а дѣйствовалъ по влеченію сердца, или изъ корысти то въ пользу нашу, то въ пользу Китая. Онъ принималъ участіе въ возвращеніи бѣжавшихъ въ 1771 году калмыковъ; желая слѣдовать его примѣру, Кенисара требовалъ этимъ заявленіемъ себѣ правъ не подданнаго Россіи султана, а правъ союзника русскаго правительства.

[2]) Перевелъ съ татарскаго Бекчуринъ.

ніемъ его не только привлечь вліятельнаго султана на свою сторону, но и упрочить еще болѣе свое вліяніе на степь, гдѣ, и безъ того имя Кенисары чтилось всѣми и возбуждало энтузіазмъ!...

Второе письмо, уже адресованное прямо на имя генерала Г'енса, написано въ видѣ прошенія. Въ прошеніи этомъ Кенисара сначала упоминаетъ о полученіи письма султана Ахмеда Джантюрина, имѣвшаго цѣлью, какъ замѣчено выше, ускорить намѣреніе Кенисары покориться властямъ предержащимъ, и затѣмъ, мятежный султанъ возвращается снова къ мирнымъ заявленіямъ: «Съ нѣкотораго времени—пишетъ онъ—хотя мы сбились съ путей истинныхъ и ссорились съ русскими сибирской линіи, но теперь нашли истинный путь, раскаеваемся и желаемъ слѣдовать оному, покоряясь великой милости его императорскаго величества, и оставляемъ всѣ дѣла, которыя относились до неповиновенія, почему я всепокорнѣйше прошу ваше превосходительство исходатайствовать у кого слѣдуетъ прощеніе нашимъ поступкамъ и тѣмъ доставить намъ счастіе. Послѣ чего хотимъ прежніе наши поступки предать забвенію и покориться власти начальства. По удаленіи нашемъ, вслѣдствіе притѣсненій сибиряковъ, мы отправили посланниковъ сибирскому начальству, Табулду Туктина и Кучумбая Казанкапова, на что не только не дали намъ отвѣта, но даже задержали нашихъ пословъ. Султанъ Габдула-Аблай Хановъ [1]) попалъ въ руки вышедшей команды; Кулджанъ Кучаковъ плѣненъ во время кочевки съ своими аулами; Нурханъ Самекинъ увлеченъ въ то время, когда онъ ѣздилъ въ степь одинъ, не благоугодно ли будетъ и имъ показать вашу милость. Если не противно вашему превосходительству, посылаемъ для переговоровъ біевъ, Сеидмухамеда Абызова и Акбая Манашева» [2]). На подлинномъ султанъ Кенисара Касимовъ руку и печать приложилъ.

Вслѣдъ за этимъ прошеніемъ чрезъ султана Джантюрина, Кенисара прислалъ новое коротенькое письмо съ весьма лаконическимъ заглавіемъ, въ которомъ писалъ: «Богъ всемилостивъ! Относящемуся присутственному мѣсту и великимъ, просьба наша слѣдующая: Мы Кенисары со времени дѣда нашего Аблай Хана, жили съ русскими какъ братьями. Русскіе же изъ Омска и Кызылъ-яра (Петропавловска), будучи противъ насъ, не давали намъ покоя: Саржанъ-батыря, брата нашего, два раза ограбили; первому ограбленію минуло уже 17-ть лѣтъ, а послѣднему 11-ть. При

---

[1]) Дядя Кенисары.

[2]) Перевелъ съ татарскаго Бекчуринъ.

послѣднемъ ограбленіи, они увлекли двухлѣтняго сына Саржанабатыря, но убитъ ли онъ, или живъ — мы не знаемъ. Неоднократно посылали мы письма, но они (сибиряки) ихъ къ великимъ не допускали, что и было причиною нашей вражды къ русскимъ. Пріѣхавъ къ сей сторонѣ (въ степь оренбургскаго вѣдомства) мы здѣшнимъ начальникамъ и великимъ дѣлаемъ извѣстнымъ: съ государемъ вражды не имѣемъ, объясненіе это пошлите къ присутственному мѣсту и великимъ, до которыхъ относится. Этому слову вѣрить.» Султанъ Кенисара руку и печать приложилъ [1]).

Въ этихъ письмахъ Кенисара задѣвалъ слабую струну оренбургской администраціи: онъ льстилъ ея политикѣ и порицалъ карательную систему, которой держалась западная Сибирь, систему, дѣйствительно служившую поводомъ къ разнаго рода злоупотребленіямъ. Конечно, «Тиньтякъ-майоры» бывали рады подобнымъ командировкамъ, въ которыхъ видѣли свою выгоду, и во время поисковъ въ степи, производимыхъ сибирскими отрядами, бывали случаи безпричинныхъ разореній ими мирныхъ ауловъ, по одному подозрѣнію въ сочувствіи ихъ мятежникамъ. Но главную статью дохода отрядныхъ начальниковъ составлялъ захватъ малолѣтныхъ изъ киргизскихъ семействъ, которыхъ потомъ они продавали въ рабство, гдѣ они находились до извѣстнаго возраста. Дѣлались и другія злоупотребленія, о которыхъ не могли не знать въ Оренбургѣ; наконецъ, подтвержденіе Ларіоновымъ справедливости жалобъ Кенисары на сибирское начальство, о безвинномъ разореніи отрядами сибирскаго корпуса ауловъ его родныхъ и приверженцевъ, все это, вмѣстѣ взятое, послужило въ пользу Кенисары, и въ Оренбургѣ рѣшено было испросить высочайшее прощеніе мятежному султану Кенисарѣ Касимову, несмотря на то, что онъ принадлежалъ къ султанамъ сибирскаго вѣдомства.

Такимъ образомъ, политика его съ Оренбургомъ на этотъ разъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

III.

Прощеніе Кенисары и вызванная имъ полемика съ западной Сибирью.—Союзъ Кенисары съ Бухарою для покоренія Коканскаго ханства. — Письмо къ Перовскому князя Горчакова объ удержаніи Кенисары отъ союза съ бухарскимъ эмиромъ.—Письмо по этому поводу генерала Перовскаго къ Кенисарѣ.

Вопреки желаніямъ сибирской администраціи, въ Оренбургѣ рѣшительно приняли Кенисару подъ свое покровительство. Всѣ

---

[1]) Перевелъ съ татарскаго Бекчуринъ.

его письма генералъ-адъютантъ Перовскій немедленно отправлялъ къ военному министру и государственному вице-канцлеру, графу Нессельроде, ходатайствуя предъ ними о высочайшемъ прощеніи мятежнаго султана.

Въ одномъ изъ многихъ своихъ представленій къ графу Нессельроде В. А. Перовскій, прилагая письмо Кенисары, между прочимъ говоритъ:

«Изъ приложеннаго при этомъ письма мятежнаго султана Кенисары Касимова, ваше сіятельство можете усмотрѣть, что онъ безусловно ищетъ милости его величества и желаетъ покориться установленнымъ властямъ, если только на него будетъ распространена милость Государя, объявленная мною въ прошломъ (1840) году прежде бунтовавшимъ ордынцамъ».

Съ своей стороны, военный губернаторъ не находилъ основаній лишить его этой милости, на томъ основаніи, что Кенисара кочевалъ тогда среди мирныхъ киргизовъ оренбургскаго вѣдомства и что, слѣдовательно, всякій поискъ противъ мятежника былъ бы сопряженъ лишь съ разграбленіемъ первыхъ, «и очень вѣроятно, только этимъ разграбленіемъ невинныхъ и заключился бы поискъ, не достигнувъ другихъ результатовъ; такъ какъ султанъ съ своими приближенными,—писалъ Перовскій, — найдетъ, какъ и прежде, спасеніе въ бѣгствѣ».

При этомъ удобномъ случаѣ генералъ Перовскій не забываетъ задѣть западно-сибирскую администрацію; обративъ вниманіе вице-канцлера на неудобства карательной политики въ степи, которой держались въ Сибири, онъ проситъ внушить сибирскому генералъ-губернатору, князю Горчакову, чтобы тотъ не вмѣшивался въ дѣла Оренбургскаго края. Поводомъ къ этой жалобѣ послужили нѣсколько набѣговъ мелкихъ сибирскихъ казачьихъ отрядовъ на аулы оренбургскихъ киргизовъ, кочующихъ близъ сибирскихъ границъ. Одинъ изъ такихъ отрядовъ схватилъ возвращавшагося отъ Кенисары посланнаго. Перовскій оскорбился этимъ, и написалъ къ вице-канцлеру слѣдующее: «подобные набѣги сибирскихъ войскъ на аулы мирныхъ кочевниковъ не только не принесутъ пользы, но напротивъ, будутъ имѣть весьма вредныя послѣдствія,—внушивъ ордынцамъ недовѣріе къ русскому правительству, которое, объявляя милость, въ тоже время грабитъ и разоряетъ своихъ подданныхъ. Наконецъ сибирское начальство, даже въ бывшихъ Средней и Малой Ордахъ, находитъ независимыя племена, которыя и приводитъ къ присягѣ на подданство Россіи, забывая, что они эту присягу приняли еще въ 1732 году».

Затѣмъ, В. А. Перовскій проситъ: «разъ навсегда поста-

вить въ извѣстность генералъ-губернаторовъ западной Сибири, что всѣ племена, невошедшіе въ сибирское вѣдомство, состоятъ въ вѣдѣніи оренбургскаго начальства, и что за симъ приводить ихъ къ присягѣ на русское подданство не слѣдуетъ».

Въ этомъ же представленіи къ государственному вице-канцлеру, генералъ-адъютантъ Перовскій ходатайствовалъ объ освобожденіи всѣхъ родственниковъ Кенисары, въ томъ числѣ и султана Кулжана Кучакова, котораго Кенисара включилъ въ число своей родни, въ замѣнъ возвращенныхъ Касимовымъ двухъ казаковъ, захваченныхъ имъ въ прежнее время.

О представленіяхъ своихъ къ военному министру и канцлеру, Перовскій извѣстилъ князя Горчакова, прося его удерживать на будущее время начальниковъ сибирскихъ отрядовъ отъ вторженія въ степи оренбургскаго вѣдомства; и при этомъ выразилъ «непремѣнное» желаніе, чтобы генералъ-губернаторъ западной Сибири не вмѣшивался въ управленіе ввѣреннымъ ему краемъ.

Такимъ образомъ, ревниво оберегая свои права отъ сторонняго вмѣшательства, Перовскій не считалъ нарушеніемъ права сибирской администраціи принятіе мятежнаго султана сибирскаго вѣдомства подъ свое покровительство, и какъ замѣчено нами выше, увѣдомлялъ князя Горчакова о своемъ намѣреніи испросить высочайшее прощеніе Кенисарѣ Касимову.

Такая безцеремонность Перовскаго, въ свою очередь, оскорбила князя Горчакова, и онъ отвѣчалъ В. А. Перовскому довольно рѣзко: «на отношеніе ваше, писалъ князь, имѣю честь отозваться, что въ число моихъ желаній отнюдь никогда не входило вмѣшательство въ управленіе племенами киргизъ-кайсаковъ, состоящихъ въ вѣдѣніи оренбургскаго начальства, т.-е. на дѣлѣ повинующихся вашей власти, или только считающихся въ Оренбургскомъ краѣ, но въ сущности не признающихъ себя подданными Россіи! Всѣ мои стремленія клонятся лишь къ одной цѣли: обезпечить предѣлы моего генералъ-губернаторства отъ вторженія хищническихъ шаекъ, а наипаче отъ Кенисары Касимова, мятежъ котораго тѣмъ опаснѣе, что свое грабительство названный султанъ прикрываетъ политическою маской, обѣщая кайсакамъ возвращеніе ихъ былой вольности; отъ того-то онъ имѣетъ въ киргизскихъ степяхъ столько сподвижниковъ, обольщенныхъ не одною выгодою легкой поживы, но и мечтою о возстановленіи ихъ древней независимости».

Далѣе князь Горчаковъ выражаетъ сомнѣніе на счетъ безошибочности предложенія Перовскаго: достигнуть спокойствія въ степи—прощеніемъ Кенисары, и предупреждаетъ его, что

онъ «съ своей стороны, за разореніе мирныхъ ауловъ, разгромленіе линіи, нарушеніе порядка въ краѣ вообще и за другія, можетъ быть, важнѣйшія послѣдствія, въ случаѣ прощенія Кенисары, слагаетъ съ себя отвѣтственность предъ его императорскимъ величествомъ, которому угодно было ввѣрить ему управленіе западною Сибирью».

Отвѣтъ князя Горчакова былъ началомъ продолжительной полемики, возникшей между двумя администраторами. По рѣзкости тона, которымъ отличалась переписка Перовскаго съ княземъ Горчаковымъ, ее, не утрируя,—можно сравнить съ извѣстною полемикою Іоанна Грознаго съ княземъ Курбскимъ, съ тою лишь разницею, что полемизирующія стороны первой половины XIX вѣка стѣснялись употреблять брань временъ Ивана Васильевича.

Характерной чертой этой оффиціальной перебранки оренбургскаго военнаго губернатора съ западно-сибирской администраціей является та особенность, что всѣ служащіе обоихъ вѣдомствъ, сибирскаго и оренбургскаго, перессорившись между собою, – ведутъ свою ожесточенную полемику, нерѣдко завиняя другъ друга чуть не въ государственной измѣнѣ! Напримѣръ, мелкіе чиновники оренбургскаго вѣдомства, когда имъ доводилось бывать на границѣ сибирскихъ киргизовъ, старались внушить послѣднимъ недовѣріе къ ихъ властямъ, и порицая управленіе сибирское, восхваляли свое. Чиновники же сибирскаго вѣдомства платили конечно тѣмъ же, и въ свою очередь старались подорвать довѣріе въ оренбургскихъ киргизахъ къ ихъ управленію и потомъ взаимно обвиняли себя въ возбужденіи народныхъ страстей и въ стремленіи нарушить строй государственной жизни. Донесенія ихъ еще болѣе раздражали Перовскаго и Горчакова. Такимъ образомъ, усердіемъ мелкаго чиновнаго люда, желавшаго *по-своему* угодить начальству, бѣдные кайсаки окончательно были сбиты съ толку, и по неволѣ склонялись на сторону Кенисары, въ аулахъ котораго царствовалъ строгій порядокъ и не было ничего подобнаго, что̀ творилось въ ихъ степяхъ, управляемыхъ взаимно враждебными администраціями.

Конечно, ни Перовскій, ни князь Горчаковъ не предвидѣли, чтобы ихъ полемика имѣла послѣдствіемъ увеличеніе числа приверженцевъ Кенисары, который, подъ шумокъ, умѣлъ ловить рыбу въ мутной водѣ, не забывая въ тоже время писать въ Оренбургъ о своей покорности.

Полемика эта не разъ восходила до высочайшаго усмотрѣнія, и затянулась бы вѣроятно очень надолго, еслибъ импер. Николай, чрезъ военнаго министра, не выразилъ своего желанія

обоимъ администраторамъ, чтобы подобные споры и столкновенія впредь кончались на мѣстѣ, по взаимному соглашенію обоихъ вѣдомствъ, не восходя далѣе.

Такъ или иначе, но Кенисара былъ прощенъ, съ тѣмъ, чтобы онъ кочевалъ въ степяхъ оренбургскаго вѣдомства. Бывшій военный министръ, князь Чернышевъ, сообщая генералу Перовскому о прощеніи султана Кенисары, выразилъ ему желаніе петербургскаго кабинета, чтобы Василій Алексѣевичъ, пользуясь покорностью Кенисары, умѣлъ употребить вліяніе, которымъ пользовался въ степи Касимовъ, на пользу Россіи.

Всѣхъ родственниковъ Кенисары, включая сюда султана Кунджана Кучакова и даже того киргиза, который, возвращаясь отъ Кенисары, былъ схваченъ сибирскимъ разъѣздомъ—возвратили прощенному султану. Правда, князь Горчаковъ не сразу отпустилъ султана Кучакова, родства котораго съ Касимовымъ онъ не признавалъ, но получивъ отъ канцлера, по настоянію оренбургскаго военнаго губернатора, новое подтвержденіе объ освобожденіи султана Кунджана Кучакова, долженъ былъ покориться необходимости, и выпустилъ изъ своихъ рукъ одного изъ ревностныхъ впослѣдствіи сподвижниковъ Кенисары.

Между тѣмъ Кенисара, безпрепятственно кочуя среди оренбургскихъ киргизовъ, успѣлъ весьма значительно усилить свою шайку и вліяніе свое на орду, которая, за малымъ исключеніемъ, признавала его своимъ ханомъ, что̀ ловкій политикъ Касимовъ тщательно умѣлъ скрывать отъ глазъ подлежащаго начальства. Обманывая оренбургцевъ своей покорностью, Кенисара въ глазахъ средне-азіатскихъ владѣльцевъ, умѣлъ быть самостоятельнымъ властелиномъ: — онъ заключалъ союзы, объявлялъ войну, собиралъ зякетъ съ своихъ ауловъ и чинилъ судъ и расправу съ своими джигитами; но все это весьма искусно умѣлъ скрыть отъ Оренбурга, нисколько не боясь Сибири, отзывамъ которой, онъ зналъ, въ Оренбургѣ не довѣряли, или считали ихъ по меньшей мѣрѣ преувеличенными и мало правдоподобными! Заручившись прощеніемъ, объявленнымъ ему генераломъ Перовскимъ, и избавившись отъ преслѣдованія русскихъ отрядовъ, Кенисара, желая отмстить, ташкентскому беку, за предательскую смерть своего отца, въ союзѣ съ бухарскимъ эмиромъ, объявляетъ войну Кокану и начинаетъ военныя дѣйствія осадою Сузака и Ташкента одновременно.

Въ это время посланникъ коканскаго хана, ведшій переговоры съ княземъ Горчаковымъ объ установленіи дружественныхъ и торговыхъ отношеній Россіи съ Коканомъ, въ одной изъ аудіенцій у генералъ-губернатора Сибири заявляетъ ему, «о не-

возможности установленія дружественныхъ отношеній Россіи къ Кокану, въ то время, когда русскій султанъ Кенисары-Касимовъ, въ союзѣ съ врагомъ его, хана, бухарскимъ эмиромъ, опустошаетъ провинціи и держитъ въ осадѣ коканскіе города».

Вскорѣ затѣмъ, князь Горчаковъ получаетъ извѣстіе, что посланный имъ почетный киргизъ, для переговоровъ съ коканскимъ ханомъ, находясь въ Сузакѣ, былъ требованъ Кенисарою во время осады этого города.

О такихъ новыхъ подвигахъ Кенисары, вовсе немирнаго характера и не въ интересахъ русскаго правительства, князь Горчаковъ спѣшилъ заявить генералу Перовскому, отчасти указывая ему на эти обстоятельства, какъ на послѣдствія его опрометчивости.

Оренбургскій военный губернаторъ хотя и не придавалъ особаго вѣроятія извѣстію, полученному имъ изъ Сибири, но все же, для успокоенія своей совѣсти, написалъ Касимову письмо, въ которомъ, напоминая ему о милости государя, и говоря, что онъ не довѣряетъ пристрастному къ Кенисарѣ сибирскому начальству, Перовскій требовалъ объясненія, что̀ послужило поводомъ къ новымъ обвиненіямъ, взводимымъ на «степеннаго султана» сибирскою администраціей [1])?.

Въ этомъ же письмѣ военный губернаторъ спрашивалъ Кенисару: насколько правдоподобны слухи о самовольномъ принятіи имъ, безъ императорскаго на то соизволенія, ханскаго титула?

Письмо это нашло Кенисару уже отступавшимъ къ своимъ кочевкамъ.

IV.

Агенты Кенисары. — Отступленіе его отъ Ташкента и отвѣтъ генералу Перовскому. — Народныя волненія внутри края и отъѣздъ генералъ-адъютанта Перовскаго.

У Кенисары, какъ у ловкаго, хотя и своеобразнаго политика, были свои агенты, которые, будучи разсѣяны повсюду, даже на линіяхъ Сибирской и Оренбургской [2]) всегда разузнавали о всѣхъ административныхъ мѣропріятіяхъ, касающихся ихъ патрона и тотчасъ же давали знать о нихъ своему хану. Такимъ образомъ, еще прежде полученія письма генерала Перовскаго, Кенисара уже зналъ, что изъ Сибири писали въ Оренбургъ о

---

[1]) «Дѣло заключающее въ себѣ распоряженіе о водвореніи спокойствія.» (Архива канц. генер.-губерн.).

[2]) См. дѣло: «О скрывающихся на линіи сообщникахъ Кенисары и о принятіи мѣръ къ отысканію ихъ» (област. правл., нынѣ Тургайск. област. прав.).

его новыхъ подвигахъ и, нимало не мѣшкая, поспѣшилъ отступить къ своимъ кочевкамъ. Письмо Перовскаго только подтвердило справедливость сообщенія его агентовъ, и мятежный султанъ, видя, что скрыть своего поступка вполнѣ нельзя, старался въ своемъ отвѣтѣ, по возможности, оправдать его, придавши ему нѣсколько благовидный предлогъ.

Смыслъ отвѣта Кенисары къ Перовскому былъ таковъ: что званіе хана онъ на себя не принималъ, и сердечно чувствуя къ нему милость русскаго государя, котораго онъ называетъ «Царемъ царей», онъ ничего подобнаго, что̀ писано изъ Сибири, не предпринималъ, т.-е. никогда не заключалъ союза съ бухарскимъ эмиромъ, для покоренія Кокана; посланца князя Горчакова изъ Сузака не требовалъ и областей дружественнаго Россіи коканскаго хана не опустошалъ; а что если, дѣйствительно, и былъ съ войсками своими въ Ташкентской провинціи, то собственно затѣмъ, «чтобы выручить изъ тяжкой азіатской неволи тѣхъ русскихъ подданныхъ, которые, кочуя съ его отцомъ, предательски погибшимъ отъ руки ташкентскаго бека, — были захвачены ташкентцами въ 1840 году.

«Я не думаю (заключалъ свое письмо мятежникъ Кенисара), чтобы всемилостивѣйшій царь царей былъ въ гнѣвѣ на своего вѣрнаго султана за то, что тотъ возвратилъ изъ тяжкой неволи многое множество вѣрноподданныхъ ихъ законному государю» [1])!

Кенисара дѣйствительно, выручивши своихъ прежнихъ закаленныхъ джигитовъ, захваченныхъ ташкентцами въ аулахъ его отца, отступилъ отъ Ташкента къ своимъ кочевкамъ, однакожъ не ранѣе, какъ получивъ извѣстіе о томъ, что въ Оренбургѣ знаютъ о его походѣ; въ противномъ же случаѣ, онъ не могъ удовольствоваться такимъ малымъ успѣхомъ, и не отступилъ бы отъ союза съ бухарскимъ эмиромъ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока бы ему не удалось снять кожу, что̀ называется, живьемъ съ своего заклятаго врага, мстить которому Кенисара считалъ цѣлью своей жизни и священнымъ сыновнимъ долгомъ!

Получивъ письмо Кенисары, ни въ какомъ случаѣ не служившее ему въ оправданіе, но довольный можетъ быть тѣмъ, что мятежный султанъ, горячо оправдываясь въ небываломъ будто бы принятіи имъ ханскаго титула, клялся ему, не производить ни смутъ, ни волненій въ оренбургскихъ степяхъ и кочевать спокойно, В. А. Перовскій махнулъ на все прочее рукой, и въ свою очередь успокоился, не требуя болѣе отъ Кенисары никакихъ объясненій.

---

[1]) См. дѣло: О водвореніи спокойствія; переводъ съ татарскаго сдѣланъ Батыршинымъ.

Причины такого, повидимому, апатичнаго отношенія генерала Перовскаго къ спокойствію края, ввѣреннаго его попеченію, слѣдуетъ искать въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя съ 1837 года, непрестанно, сопровождаютъ его управленіе; обстоятельства же эти были далеко неутѣшительны, и при недостаткѣ (въ то время) въ Оренбургскомъ краѣ добросовѣстныхъ и способныхъ дѣятелей, на всѣхъ ступеняхъ служебной іерархіи, могли сломить энергію даже и такого ретиваго государственнаго человѣка, какимъ былъ В. А. Перовскій въ первое управленіе его Оренбургскимъ краемъ.

Обширность этого края, разноплеменность и разновѣріе его населенія, разсѣяннаго отъ южныхъ предѣловъ Пермской губерніи до Каспійскаго моря, и отъ береговъ Волги до степныхъ рѣкъ Убагала (притокъ р. Тобола, справа), Иргиза, Тургая и Эмбы, отдаленность отъ центровъ промышленности и просвѣщенія въ имперіи, все это, несомнѣнно долго затрудняло прочное административное устройство юговосточныхъ предѣловъ имперіи, къ чему такъ горячо стремился В. А. Перовскій.

Здѣсь, кромѣ русскихъ, обитали: отъ рѣки Камы до р. Сакмары, (впадающей близъ Оренбурга въ Уралъ), башкиры, смѣшанно съ мещеряками, тептярями, бобылями и казанскими татарами; отъ устьевъ р. Урала по берегамъ Каспійскаго моря и берегамъ Большаго и Малаго Узеней, кочевали киргизы внутренней (Букеевской) орды; вдоль праваго берега Урала расположилось уральское войско; сѣвернѣе его, — по границѣ имперіи со степью, — оренбургскіе казаки; въ степяхъ, киргизы Малой Орды. Разъединенность племенъ еще болѣе условливало различіе въ вѣроисповѣданіяхъ: магометанство (башкиры, татары и киргизы), всевозможныя раскольничьи секты и даже идолопоклонство, калмыки и частію тептяри и мещеряки [1]), все это, конечно, препятствовало всякому сближенію народонаселенія въ краѣ.

Затѣмъ, слухи о привольныхъ мѣстахъ и излишествѣ земель въ краѣ, привлекали сюда многочисленныхъ переселенцевъ, которые, иногда самовольно, оставляя прежнія мѣста жительства, приходили въ Оренбургскій край изъ сосѣднихъ губерній тысячами, хотя и были впослѣдствіи возвращаемы на старыя жилища. Обширность края и невозможность повсемѣстно устроить бдительнаго надзора за населеніемъ, развили здѣсь въ огромныхъ размѣрахъ бродяжничество и сопряженные съ тѣмъ безпорядки. Изъ всеподданнѣйшаго отчета генерала Перовскаго за 1836 и 37 года видно, что въ одномъ 1836 году поймано бродягъ 1,500

[1]) См. Воен. Сборн., январь, 1863 г., стр. 47.

человѣкъ, а въ теченіи пяти лѣтъ, съ 1833 по 1838 г., поймано бродягъ въ Оренбургскомъ краѣ до 5,000 человѣкъ (4914).

Наконецъ, отдаленность края и трудность здѣсь службы не давали возможности мѣстному начальству найти достаточное число безкорыстныхъ и просвѣщенныхъ сотрудниковъ; изъ того же упомянутаго нами выше отчета Перовскаго видно, что въ теченіи 1836 и 1837 годовъ было предано суду и отставлено отъ службы *120 чиновниковъ*, за различныя злоупотребленія по гражданскому вѣдомству. Вслѣдствіе недостатка въ благонамѣренномъ чиновничествѣ въ краѣ, всѣ предполагавшіяся тогда преобразованія шли крайне вяло и медленно, и переходъ къ новому порядку вещей возбуждалъ неудовольствіе въ невѣжественныхъ массахъ народа. Такъ, происходили волненія въ 1836 и 37 годахъ на частныхъ уральскихъ заводахъ; въ томъ же 1837 году происходили безпорядки въ уральскомъ казачьемъ войскѣ, по поводу преобразованій въ немъ; безпорядки эти потребовали присутствія военнаго губернатора съ войсками въ г. Уральскѣ. Затѣмъ обнаружилось сильное броженіе умовъ въ оренбургскомъ казачьемъ войскѣ, по поводу переселенія на новыя мѣста и распространившагося ложнаго слуха о вызовѣ переселенцевъ въ крѣпость Анапу, и т. п. Появились даже зажигатели, которые изъ мести, или для грабежа, поджигали города и села и тѣмъ поддерживали народное неудовольствіе...

Всего этого, смѣемъ думать, совершенно достаточно для характеристики того времени, въ которое дѣйствовалъ В. А. Перовскій, и для того, чтобы извинить администратору, поставленному въ такія условія, его невольное нравственное изнеможеніе и равнодушіе къ спокойствію края, изъ котораго онъ ожидалъ скораго вызова, вслѣдствіе несчастнаго исхода хивинской экспедиціи.

Вскорѣ, дѣйствительно, покойный гр. Перовскій былъ отозванъ въ Петербургъ; пользуясь его отъѣздомъ, Кенисара, успѣвшій собраться съ силами и считая себя свободнымъ отъ слова даннаго имъ Перовскому не производить смутъ, сбрасываетъ маску смиренія, снова поднимаетъ бунтъ и угрожаетъ спокойствію края.

Н. Середа.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ · ПОЛИТИКИ

Библиотека Рабочая
Центрального Статистического Комитета
Министерства Внутренних Дѣлъ

ПЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 9-ая.

СЕНТЯБРЬ. 1870.

ПЕТЕРБУРГЪ.

БУНТЪ КИРГИЗСКАГО СУЛТАНА

КЕНИСАРЫ КАСИМОВА.

(1838—1847 гг.).

V *).

1842 годъ. Возобновленіе безпорядковъ въ степяхъ сибирскаго вѣдомства.—Новыя письма Кенисары; послѣднее ходатайство за него В. А. Перовскаго.—Новыя жалобы князя Горчакова на Кенисару.—Набѣги сибирскихъ отрядовъ и прокламація чиновника Ларіонова.—Набѣгъ султана Сарджанова.—Письмо вице-канцлера.

Съ 1842 года Кенисара возобновляетъ непріязненныя дѣйствія противъ Россіи; вѣрный своей политикѣ, мятежный султанъ, кочуя вдали отъ Оренбурга, принимаетъ угрожающее положеніе относительно Западной Сибири. Мелкія шайки приверженныхъ ему киргизовъ нападаютъ на внѣшніе округа мирныхъ кочевниковъ, сибирскаго вѣдомства. Такимъ образомъ, когда въ Сибири шайки барантовщиковъ производили значительные безпорядки, озабочивая сибирскую администрацію, степи оренбургскихъ кайсаковъ наслаждались полнымъ спокойствіемъ. Дѣйствуя такъ, Кенисара преслѣдовалъ слѣдующую цѣль: кочуя, по возвращеніи изъ Ташкента, на границахъ сибирскаго вѣдомства, въ разстояніи отъ 600 до 700 верстъ за оренбургской линіей, мятежникъ отнималъ всякую возможность со стороны Оренбурга бдительнаго за нимъ надзора и наказанія его, въ случаѣ надобности, силою оружія,—это съ одной стороны; а съ другой, не производя смутъ въ оренбургскихъ степяхъ, онъ имѣлъ возможность заручиться вниманіемъ и защитой оренбург-

---

*) См. авг., стр. 541 и слѣд.

скаго начальства. Успѣхъ такой политики Кенисары обусловливался, отчасти, тѣми неразумными набѣгами сибирскихъ отрядовъ на аулы оренбургскихъ киргизовъ, которые производились подъ благовиднымъ предлогомъ поисковъ за степными мятежниками, скрывающимися будто-бы въ пограничныхъ кочевьяхъ оренбургскихъ киргизовъ; собственно же говоря—поиски эти, никогда не достигая цѣли, были только причиною безвиннаго разоренія мирныхъ кочевниковъ, ожесточая послѣднихъ противъ русскаго правительства, и располагали оренбургскую администрацію вѣрить въ справедливость жалобъ Кенисары на тѣ притѣсненія, которыя, по его словамъ, претерпѣвали отъ сибирскаго начальства онъ и его соплеменники.

По возвращеніи изъ ташкентскаго похода въ 1841 году, Кенисара Касимовъ кочевалъ, первое время, по обоимъ берегамъ рѣки Сыръ-Дарьи и въ пространствѣ между песками Кара-Кумъ и озеромъ Теле-Куль, преимущественно съ киргизскимъ родомъ алчиновцевъ. Отсюда въ концѣ мая и въ іюнѣ 1842 года мятежный султанъ неоднократно посылалъ къ киргизамъ сибирскаго вѣдомства своихъ сообщниковъ, съ возмутительными грамотами, величая себя великимъ ханомъ непобѣдимой орды. Вотъ, напримѣръ, письмо его къ султанамъ Габдулфаизу и Кучуку:

«Отъ великаго побѣдителя и храбрѣйшаго витязя Кенисары Хана вашего, султанамъ Габдулфаизу и Кучуку изъявляется благоволеніе и желаніе благоденствія.

«Присланное вами ко мнѣ, въ прошломъ году чрезъ Хожемберды—есаула, письмо я получилъ, и, узнавъ содержаніе онаго, послалъ отъ себя изъ Оренбурга [1]) бумагу о дарованіи отцу вашему прощенія. Не зналъ я о такомъ положеніи брата нашего, я могъ бы упомянуть о немъ въ прежнихъ своихъ просьбахъ.

«Въ аулѣ вашемъ живутъ двѣ женщины и мальчикъ, которыхъ вы пришлите немедленно сюда ко мнѣ. Писано 3-го числа мѣсяца Рабигуль бахира 1258 года, что соотвѣтствуетъ маю мѣсяцу 1842 года [2])».

Другое воззваніе было обращено къ киргизской волости, кочевавшей на Ишимѣ, которую Кенисара приглашалъ перейти на его сторону. Съ подобными грамотами посланные отъ Ке-

---

[1]) Подобнымъ выраженіемъ Кенисара давалъ чувствовать свое вліяніе на Оренбургъ.

[2]) Перевелъ съ татарскаго Курбанаковъ (переводчикъ кн. Горчакова).

нисары являлись въ аулы баганалинцевъ съ требованіемъ немедленной покорности ихъ хану, и возвращенія будто бы нѣкогда угнаннаго баганалинцами скота, принадлежавшаго Кенисарѣ, угрожая, въ случаѣ сопротивленія, ханскимъ гнѣвомъ, что равносильно конечному истребленію.

Затѣмъ, шайки султана Кенисары съ іюня и по сентябрь 1842 года появлялись въ Кокчетавскомъ Округѣ, въ Акмуллы, въ Кышь-Мурунѣ и на р. Абуганѣ.

Такимъ образомъ, военныя дѣйствія возобновились въ Западной Сибири, мстить которой Кенисара считалъ своимъ долгомъ. Притомъ же онъ зналъ, что въ Оренбургѣ не довѣряли сообщеніямъ изъ Сибири, и, начиная непріязненныя дѣйствія противъ послѣдней, мятежный султанъ старался до времени удерживать своихъ сообщниковъ отъ безпорядковъ въ степяхъ оренбургскаго вѣдомства. Выше мы видѣли, что подобная политика Кенисары всегда служила ему въ пользу, доставляя покровительство полемизировавшаго съ Сибирью оренбургскаго начальства.

Итакъ, бунтъ возобновился разсылкою прокламацій, имѣвшихъ цѣлію переманить къ Кенисарѣ киргизовъ, такъ-называемыхъ внѣшнихъ сибирскихъ округовъ; но вскорѣ мятежный султалъ начинаетъ поддерживать убѣдительность своихъ воззваній силою оружія. Для этого, подъ предводительствомъ своихъ ближайшихъ родственниковъ, онъ посылаетъ небольшія шайки барантовщиковъ въ разные пункты сибирской степи. Такъ, по-случаю появленія мятежныхъ партій, отъ 150 до 200 человѣкъ, въ пространствѣ между укрѣпленіемъ Джара-Каинъ и Амано-Карагайскимъ приказомъ, сибирское пограничное начальство, для обезпеченія сообщеній между названными пунктами, должно было учредить пикеты и разъѣзды.

Одною изъ такихъ хищническихъ партій былъ отогнанъ скотъ, принадлежавшій дядѣ мятежника Кенисары, султану Абдилдѣ, отличавшемуся преданностію къ Россіи; желая нагнать хищниковъ, чтобы отбить отогнанный скотъ, султанъ Абдилда наткнулся на кочевки своего племянника, который велѣлъ поставить особую кибитку для султана Абдилды, но, продержавъ его подъ строгимъ карауломъ двое сутокъ, къ себѣ не допустилъ; а отпуская на свободу приказалъ передать дядѣ: «что лучше бы было старику Абдилды впредь не отваживаться на преслѣдованіе людей, хану Кенисарѣ подчиненныхъ»...

Разумѣется, князь Горчаковъ не замедлилъ увѣдомить о возникшихъ безпорядкахъ оренбургскаго военнаго губернатора, прося послѣдняго удержать покровительствуемаго имъ и подчиненнаго ему султана отъ дальнѣйшихъ подвиговъ, въ предѣ-

лахъ западно-сибирскаго генералъ-губернаторства. Кенисара, съ своей стороны, въ нѣсколькихъ письмахъ, присланныхъ въ Оренбургъ, повторилъ свои жалобы на притѣсненія и клеветы «сибиряковъ». А такъ какъ сибирскіе наблюдательные отряды, высылаемые на Алу-Тау и Кичи-Тау (зимнія и лѣтнія кочевки Кенисары), мѣшали во многихъ отношеніяхъ мятежному султану, то въ первомъ изъ своихъ писемъ Кенисара просилъ ходатайства графа В. А. Перовскаго объ уничтоженіи этихъ наблюдательныхъ постовъ, по крайней мѣрѣ на 35 лѣтъ. Въ томъ же письмѣ онъ просилъ объ освобожденіи изъ ссылки соумышленника своего Габейдуллы-хана-Валіева. Впрочемъ, вотъ полный текстъ этого посланія:

«Въ 1841 году (пишетъ Касимовъ), чрезъ султана Карабая я объяснилъ уже о дѣйствіяхъ сибирскаго начальства. Въ 1838 году, находясь въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ начальникамъ сибирской линіи, я увлекъ дѣтей Кувандыка и Суюндука, и послѣ того Атагай-Караула; съ этимъ родомъ мы захватили и увели Габейдуллу-хана-Валіева, котораго впослѣдствіи, по вступившей къ намъ просьбѣ и желанію народа, возвратили его на родину. Начальство же кокчетавскаго приказа, оклеветавъ его въ мнимыхъ сношеніяхъ со мною, сослало его въ ссылку, т.-е. въ каторжныя работы. Габейдулла-ханъ-Валіевъ невиновенъ; съ нами никакихъ сношеній не имѣлъ и пришелъ не своевольно, но былъ схваченъ нами».

Упомянувъ о Валіевѣ, Кенисара возвращается снова къ ташкентскому походу, и какъ-бы въ оправданіе свое говоритъ:

«Послѣ того, находившіеся при насъ роды отняты коканцами, которые, кромѣ того, убили старшихъ братьевъ моихъ: Сарджанъ-султана, Исень-Гильди-султана и Алджанъ-султана; а вслѣдъ затѣмъ отца моего, султана Касима-Аблаева. Нынѣ (въ 1841 году) мы отправили на Коканъ войска, чтобы выручить находившіеся тамъ роды наши съ цѣлію употребить ихъ на службу государя! Этихъ родовъ было захвачено 6666 кибитокъ, которыя по выручкѣ употреблены на службу Царю».

«Васъ, многомилостиваго и благодѣтельнаго губернатора, просимъ испросить намъ у императора, царя царей, срокъ на 35 лѣтъ и разрѣшенія, чтобы съ сибирской линіи на Улу-Тау и Кичи-Тау не высылали войскъ; если же на Улу-Тау войско пошлется, то жены и дѣти наши будутъ устрашены и не въ состояніи служить государю. До насъ дошелъ слухъ, что изъ Коканіи поѣхали четыре посланца, очернившіе насъ въ томъ, что будто мы ограбили караванъ; пусть же они изобличатъ насъ въ этомъ, а мы одной денежки не взяли съ каравана, и тотчасъ же,

когда были выручены роды, мы возвратились, не причинивъ имъ болѣе никакого вреда. Зимуемъ мы на Улу-Тау, а лѣто проводимъ на Кичи-Тау, по Тургаю Джаику [1]). Къ сему присовокупляемъ, что отъ службы царю мы не отказываемся и что бумагу коммисіи о высочайшемъ помилованіи объявилъ намъ султанъ Иртанъ-Турсуновъ, чему мы были сердечно рады. Въ удостовѣреніе чего султанъ Кенисара Касимовъ печать приложилъ [2])».

Письмо это въ копіи было препровождено къ князю Горчакову, съ просьбою уступить желаніямъ Кенисары, т.-е. освободить хана Валіева и не высылать болѣе наблюдательныхъ постовъ на Улу-Тау и Кичи-Тау.

Вскорѣ за приведеннымъ письмомъ въ Оренбургѣ была получена новая просьба Кенисары, написанная имъ въ отвѣтъ на всемилостивѣйшее прощеніе. «Проникнутый благоговѣніемъ къ повелѣніямъ и власти великаго императора и шагиншаха (царя царей)—писалъ Кенисара—я буду служить ему сердцемъ и душою, вездѣ гдѣ буду находиться, далеко или близко. Но прибѣгаю къ вашему превосходительству съ просьбою исходатайствовать мнѣ соотвѣтствующій чинъ и грамоту. Я имѣю много враговъ, а сибирское начальство, кромѣ клеветы, ничего добраго ко мнѣ не питаетъ. При чемъ свидѣтельствую о братѣ моемъ, султанѣ Абульгазыѣ Касимовѣ, который, хорошо зная законы и обычаи россійскаго государства и другихъ владѣній, два года уже внушаетъ намъ постановленія Россіи, пріучая держаться и слѣдовать имъ, говоря, что великаго императора должно почитать и признавать не такъ, какъ хановъ другихъ государствъ и владѣній. Думаю, что за это онъ также достоинъ быть награжденнымъ приличнымъ чиномъ и грамотою; за что мы будемъ служить царю вѣрно, состоя подчиненными вамъ сардарями (т.-е. правителями или начальниками). Въ удостовѣреніе этого султанъ Кенисара Касимовъ печать приложилъ [3]).

Письмо это было отправлено въ Петербургъ, гдѣ находился въ то время Перовскій.

Какъ ни нахальны были новыя требованія лишь только прощеннаго мятежнаго султана, но графъ Перовскій, придавая особенное значеніе вліянію Кенисары на нашихъ кочевниковъ, вошелъ съ представленіемъ къ государственному вице-канцлеру объ удовлетвореніи домогательствъ Кенисары.

---

[1]) Степная рѣчка.

[2]) Перевелъ съ татарскаго Батаршинъ.

[3]) Перевелъ съ татарскаго Батаршинъ.

«...Если-бы правительство наше (писалъ Перовскій) нашло нужнымъ, въ настоящее время, упрочить русскую власть надъ кайсаками, кочующими къ востоку отъ Могоджара,—то я полагалъ бы возможнымъ употребить для сего съ пользою султана Кенисару и для поощренія его въ этомъ дѣлѣ исполнить настоящее его прошеніе».

Это было послѣднее ходатайство генерала Перовскаго за Кенисару; имѣло ли оно успѣхъ—изъ дѣлъ, которыми мы располагаемъ,—не видно. Представленіе же къ князю Горчакову объ освобожденіи хана Валіева и снятіи наблюдательныхъ постовъ, высылавшихся на Улу-Тау и Кичи-Тау, рѣшительно было отвергнуто. Генералъ-губернаторъ Западной Сибири мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что наблюдательные отряды высылаются на упомянутые пункты по высочайшему повелѣнію, и что онъ рѣшительно отказывается вѣрить «въ миролюбивыя заявленія султана Кенисары, неуклонно стремящагося къ полной независимости», чему онъ имѣетъ несомнѣнныя доказательства.

Однакожъ и эти новыя предостереженія князя Горчакова плохо подѣйствовали на оренбургскую администрацію; а между тѣмъ, въ то самое время, когда въ Оренбургѣ принимали на вѣру чуть не каждое слово Кенисары, вѣроломный султанъ велъ дѣятельные переговоры съ бухарскимъ эмиромъ, съ которымъ Касимовъ, со времени охлажденія къ нему хивинскаго хана и перваго союза въ Бухаріей, старался установить самыя тѣсныя отношенія.

Бухарскій эмиръ, готовясь къ новому походу въ Коканъ, желалъ возобновленія союза съ Кенисарой, предлагая ему отводъ самыхъ лучшихъ земель въ его ханствѣ съ сохраненіемъ полной независимости. Богатая пожива на счетъ ташкентскаго бека и месть сему послѣднему невольно склоняли мятежнаго султана въ пользу новаго союза съ Бухарой. Къ тому же, въ случаѣ неудачи въ русскихъ степяхъ,—Кенисара видѣлъ въ будущемъ убѣжище и радушный пріемъ у обязаннаго ему эмира.

Такимъ образомъ, обѣ договаривающіяся стороны очень хорошо понимали выгоды предполагавшагося союза, который поэтому состоялся между ними безъ долгихъ проволочекъ. Рѣшено было съ 1843 года возобновить военныя дѣйствія въ Коканѣ, при чемъ Кенисарѣ поручалось занять своими войсками Ташкенію, съ цѣлію раздробить коканскія силы и тѣмъ облегчить бухарскому эмиру покореніе Коканскаго ханства.

Объ этихъ приготовленіяхъ Кенисары къ новому походу въ Коканъ въ Оренбургѣ находились въ полномъ невѣдѣніи; за то зорко слѣдившій за каждымъ шагомъ опаснаго мятежника кн.

Горчаковъ, узнавъ отъ коканскаго посланника о состоявшемся соглашеніи бухарскаго эмира съ Кенисарою, тотчасъ же увѣдомилъ о томъ новаго оренбургскаго военнаго губернатора генерала Обручева, прося послѣдняго принять самыя энергичныя мѣры къ удержанію безпокойнаго султана отъ враждебныхъ дѣйствій противъ дружественнаго Россіи коканскаго хана.

Сообщеніе это встрѣчено было въ Оренбургѣ съ обычными недовѣріемъ и холодностью, благодаря тому же обстоятельству, что во главѣ киргизскаго управленія стоялъ все тотъ же, незабвеннѣйшій для киргизовъ по своей гуманности, генералъ Генсъ. Легко могло случиться, что и новыя представленія князя Горчакова прошли бы совершенно безслѣдно для Кенисары, если-бъ на бѣду послѣдняго не появились въ степяхъ оренбургскаго вѣдомства значительныя шайки барантовщиковъ. Одна партія мятежныхъ киргизовъ, въ числѣ 3-хъ тысячъ человѣкъ, была замѣчена по обѣимъ берегамъ р. Илека; другая, тоже значительная по численности своей, подъ предводительствомъ родного племянника Касимова, султана Сарджанова, произвела набѣгъ на аулы киргизовъ средней части орды Тлявова отдѣленія, Богындыка и Сагындыка-Казбаевыхъ, кочевавшихъ, въ числѣ 40 ауловъ, при урочищѣ Талды-Иргизѣ; при чемъ хищниками отогнано было 600 лошадей, 200 верблюдовъ и ограблено все имущество кочевавшихъ здѣсь киргизовъ.

Хотя впослѣдствіи, по приказанію Кенисары, все ограбленное имущество и скотъ были возвращены пострадавшимъ, но участіе въ барантѣ родного племянника Касимова заронило подозрѣніе относительно миролюбія султана Кенисары.

Чиновнику Ларіонову и генеральнаго штаба шт.-к. Шульцу, командированнымъ для разграниченія земель оренбургскихъ киргизовъ съ сибирскими, поручено было собрать на мѣстѣ и доставить самыя точныя свѣдѣнія: объ истинныхъ намѣреніяхъ Кенисары, относительно его союза съ Бухарой и о томъ угрожающемъ положеніи, которое принялъ Кенисара, по словамъ князя Горчакова, въ отношеніи Акмолинскаго округа сибирскихъ киргизовъ.

Свѣдѣнія, доставленныя шт.-к. Шульцемъ, вполнѣ подтвердили сообщенія изъ Сибири; чиновникъ же Ларіоновъ, напротивъ, сообщилъ данныя самаго успокоительнаго характера, и въ подтвержденіе своего донесенія ссылался на возвращеніе, по приказанію Кенисары, ограбленнаго хищниками имущества у киргизовъ Тлявова отдѣленія, какъ на фактъ миролюбія и покорности раскаявшагося мятежника. Такимъ образомъ, и новыя свѣдѣнія о Кенисарѣ отличались, какъ и прежде, противорѣчіемъ и неточ-

ностью; но такъ какъ Шульцъ не скрылъ того обстоятельства, что доставленныя имъ свѣдѣнія получены отъ оберъ-квартирмейстера сибирскаго корпуса, то это и было причиною того, что его вполнѣ правдивыя донесенія не имѣли успѣха, и что оренбургская администрація расположена была болѣе вѣрить донесеніямъ Ларіонова.

Въ силу изложенныхъ обстоятельствъ князю Горчакову былъ данъ весьма уклончивый отвѣтъ. Изъ Оренбурга отвѣчали князю, что Кенисара не производитъ никакихъ безчинствъ и разбоевъ въ степяхъ оренбургскаго вѣдомства; къ тому же, кочуетъ онъ такъ далеко отъ Оренбурга, что зимняя экспедиція противъ него не имѣла бы желаемаго успѣха; что, наконецъ, слухи о его союзѣ съ Бухарой *суть не болѣе какъ частные слухи, еще сильно нуждающіеся въ подтвержденіи*, но что, во всякомъ случаѣ, отъ султана Кенисары затребованы объясненія, и оренбургское начальство охотно готово, если въ томъ представится надобность, укротить вѣроломнаго султана военною рукой.

Такимъ образомъ, продолжавшіяся несогласія и разладъ въ дѣйствіяхъ полемизирующихъ администрацій, по прежнему, покровительствовали замысламъ Кенисары.

Имѣя вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія какъ о союзѣ Касимова съ Бухарой, такъ и о тѣхъ опустошительныхъ набѣгахъ, которые производились шайками Кенисары въ сибирскихъ степяхъ, князь Горчаковъ, конечно, не могъ удовлетвориться полученнымъ изъ Оренбурга отвѣтомъ. Поэтому, съ препровожденіемъ возмутительныхъ прокламацій Кенисары, генералъ-губернаторъ Западной Сибири вошелъ съ новыми представленіями къ генералу Обручеву, требуя отъ него совмѣстныхъ и энергичныхъ мѣръ противъ замысловъ опаснаго мятежника. Зная же равнодушіе къ своимъ требованіямъ оренбургской администраціи, князь Горчаковъ обратился, въ тоже время, къ государственному вице-канцлеру, прося пробудить энергію оренбургскаго начальства; при этомъ князь жаловался графу Нессельроде не только на бездѣйствіе оренбургскихъ военныхъ губернаторовъ, во все время мятежа, но даже и на возбужденіе чиновниками оренбургскаго вѣдомства своихъ кайсаковъ къ ненависти и мести сибирскому вѣдомству. Въ подтвержденіе же своихъ словъ, князь Горчаковъ представилъ къ вице-канцлеру объявленіе, разосланное чиновникомъ Ларіоновымъ, по поводу набѣга сибирскаго отряда на аулы оренбургскихъ киргизовъ. Называя объявленіе это «прокламаціею чиновника Ларіонова», князь жаловался на оскорбительность тона этого документа для сибирской администраціи...

Выше мы замѣтили, что распря двухъ администрацій, прежъ-

де всего благопріятствуя Кенисарѣ и его замысламъ, всею тяжестью своей ложилась на нашихъ кочевниковъ, и теперь заносимъ документъ этотъ на страницы нашей лѣтописи, какъ историческое оправданіе извѣстной пословицы: что, «когда паны дерутся, — у хлопцевъ чубы трещатъ!» Вотъ содержаніе этого объявленія:

«Отъ чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ коллежскаго совѣтника Ларіонова.

«Управляющему оргынскаго рода джугары-чектинскимъ племенемъ старшинѣ члену Мусину и прочимъ почетнымъ біямъ.

«Въ маѣ мѣсяцѣ сибирскимъ отрядомъ разбито 17 ауловъ киргизовъ табынскаго рода, вѣдѣнія бія Байкадама, на Каракумѣ, около рѣчки Каргалы, при чемъ перебито много киргизовъ, дѣтей и женщинъ и разграблены у нихъ весь скотъ и имущество. Послѣ того, въ скоромъ времени, опять разбито 30 ауловъ киргизовъ чумекеевскаго рода, приверженныхъ бію Сармаку, кочевавшихъ на Каракумѣ, гдѣ также били людей безпощадно.

«Нынѣ сибирскій генералъ-губернаторъ князь Горчаковъ предписалъ полковнику Гайсу возвратить ограбленный скотъ, имущество и отпустить задержанныхъ двухъ киргизовъ.

«Предлагаю вамъ, почтеннымъ біямъ, если вамъ извѣстно, то увѣдомить меня: 1) сколько именно было убито киргизовъ, женщинъ и дѣтей, сколько взято въ плѣнъ, сколько ограблено скота и сколько взято имущества, и 2) возвращенъ ли скотъ и имущество и отпущены ли взятые въ плѣнъ киргизы».

Если безспорно то, что выраженія, допущенныя Ларіоновымъ, были оскорбительны для сибирской администраціи, то, съ другой стороны, нельзя отрицать и того, что неистовство сибирскихъ отрядовъ во время безпричинныхъ набѣговъ ихъ на аулы невинныхъ оренбургскихъ киргизовъ, кочующихъ сопредѣльно съ сибирской границей, вполнѣ заслуживали подобнаго рѣзкаго отзыва; и, по совѣсти говоря, за него нельзя было строго обвинять человѣка, глубоко сочувствовавшаго безвинно-разоряемымъ кочевникамъ. Такъ на это дѣло посмотрѣлъ и государственный вице-канцлеръ, ограничившійся тѣмъ, что, съ препровожденіемъ копіи съ приведеннаго воззванія къ генералу Обручеву, просилъ послѣдняго истребовать отъ Ларіонова объясненіе: «по какому праву издалъ онъ отъ своего имени столь неприличныя объявленія, не пояснивъ притомъ, имѣлъ ли онъ на то приказаніе своего начальства?....»

Поступить инымъ образомъ графъ Нессельроде не имѣлъ причинъ, въ виду тѣхъ разнорѣчивыхъ свѣдѣній о Кенисарѣ, кото-

рыя, вступая къ нему отъ оренбургскаго и сибирскаго начальствъ, мѣшали установиться на это дѣло опредѣленному взгляду.

По распоряженію генерала Обручева чиновникъ Ларіоновъ, какъ бы въ наказаніе, былъ вызванъ изъ степи въ Оренбургъ, о чемъ тогда же донесено канцлеру и сообщено кн. Горчакову. Существенной же перемѣны въ политикѣ съ Кенисарою не произошло и въ Оренбургѣ, по прежнему, продолжали предпочитать, до конца 1842 года, въ отношеніи степныхъ мятежниковъ, систему оффиціальныхъ предостереженій и увѣщаній системѣ энергичныхъ вторженій сибирскихъ отрядовъ, имѣвшую послѣдствіемъ,—какъ справедливо замѣтилъ покойный гр. Перовскій,—одно лишь разореніе мирныхъ кочевниковъ и увеличеніе числа приверженцевъ Кенисары.

Между тѣмъ, въ концѣ 1842 г., въ Оренбургѣ было получено новое письмо отъ мятежнаго султана, въ которомъ онъ, замаскировывая свои отношенія къ Бухарѣ и Кокану, писалъ:

«Не переступая повелѣній отъ 14-го октября и 25-го ноября минувшаго года[1]), мы чрезъ султана Иртана Турсунова донесли о готовности нашей служить великому государю, и о томъ, что 15-го марта (1258 г.) 1841 г., отправляясь на Кара-Тау, вывели роды[2]): Танали, Тимишь, Алты-Ай, Тука, Бурджи, Каракисякъ и Тараклы, и потомъ возвратились. Ежели же ваше прев-ство изволите думать, что я отправлялся на Коканъ и дѣлалъ нападенія, то да будетъ извѣстно, что мы съ Коканомъ никакихъ дѣлъ не имѣли, кромѣ того, чтобы выручить аулы наши и употребить ихъ на службу законному государю. Послѣ того, вы изволили увѣдомить, что сынъ султана Сарджано Ирджанъ сдѣлалъ нападеніе на волость Тимишь, при урочищѣ Джатъ, но мы объ этомъ ничего не знали и совершенно его чужды. Ваше прев-ство одарены мудростью и умомъ, чтобы судить, что мы, будучи подданными государя, никогда не станемъ вредить другимъ подданнымъ его величества, которые находятся въ покорности».

Письмо это произвело, если не вполнѣ, то все же относительно благопріятное впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ оно задержало возобновленіе военныхъ дѣйствій противъ Кенисары, со стороны оренбургскаго корпуса, до слѣдующаго года.

---

[1]) См. выше письма В. А. Перовскаго къ Кенисарѣ.

[2]) Тѣ 6000 кибитокъ, о которыхъ упоминаетъ Кенисара въ своемъ письмѣ къ Перовскому.

VI.

(1843 годъ). Предложеніе вице-канцлера. — Письмо по этому поводу генерала Обручева къ кн. Горчакову.—Перемѣна политики съ Кенисарой.—Оправданія Кенисары. — Безпорядки внутри края: Челябинскій бунтъ и волненіе вновь обращеннаго казачества [1]).

Съ наступленіемъ 1843 года, Кенисара и его приверженцы совершенно беззастѣнчиво нападаютъ на крайніе пункты сибирской линіи и на аулы тамошнихъ кочевниковъ, сопровождая свои набѣги убійствомъ, усиленнымъ грабежемъ и захватомъ плѣнныхъ. Еще въ концѣ 1842 года, Кенисара простеръ свою дерзость до явныхъ нападеній на съемочные отряды сибирскаго вѣдомства, которые поэтому не могли, вполнѣ точно, исполнить возложеннаго на нихъ порученія.

Въ виду такихъ безпорядковъ, кн. Горчаковъ, минуя оренбургское начальство, обратился къ государственному канцлеру съ просьбою—предложить оренбургской администраціи принять самыя строгія мѣры относительно султана Кенисары. Слѣдствіемъ этого ходатайства было то, что покойный императоръ, чрезъ гр. Нессельроде, объявилъ генералу Обручеву свое непремѣнное желаніе, чтобы Кенисарѣ было предписано откочевать съ границъ сибирской степи къ оренбургской линіи. «Но (говорилось въ этомъ предложеніи вице-канцлера) государю угодно, чтобы ваше превосходительство, не прибѣгая къ оружію, испытали-бы еще разъ, письменно, пригласить Кенисару — исполнить волю его величества».

Въ противномъ случаѣ, оренбургскій военный губернаторъ уполномочивался объявить Кенисару явнымъ мятежникомъ, лишеннымъ покровительства законовъ, и употребить противъ него войска оренбургскаго корпуса. Оренбургской пограничной коммиссіи предложено было изыскать средства мирнымъ путемъ удержать Кенисару отъ его вмѣшательствъ въ дѣла сибирскихъ кочевниковъ, и отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи вообще.

Исполняя это порученіе, предсѣдатель коммиссіи представилъ проектъ учрежденія особаго султана-правителя на Сыръ-Дарьѣ, на котораго возлагалось наблюденіе за всѣми дѣйствіями мятежнаго султана; для удержанія же Кенисары отъ явнаго возстанія, въ распоряженіе сыръ-дарьинскаго султана предполага-

---

[1]) Дѣла канц. генералъ-губернатора: о мятежныхъ поступкахъ Кенисары, № 497 и 855 о безпорядкахъ въ Сибирской степи; записка очевидца о волненіяхъ новообращеннаго казачества и челябинскія лѣтописи.

лось командировать 2-хъ-сотенный казачій отрядъ, при 2-хъ орудіяхъ.

Объ этихъ распоряженіяхъ тогда же было сообщено князю Горчакову; но при этомъ генералъ Обручевъ счелъ долгомъ предупредить генералъ-губернатора Западной Сибири, что вліяніе оренбургской администраціи на нѣкоторые роды оренбургскихъ кочевниковъ и на Кенисару въ особенности—нельзя признавать прочнымъ. Для убѣжденія же кн. Горчакова въ этомъ заявленіи были приложены: вѣдомость о всѣхъ вообще киргизахъ восточной, средней и западной частей, состоящихъ въ оренбургскомъ вѣдомствѣ, съ объясненіемъ: родовъ, отдѣленій, числа кибитокъ и душъ, а также начальниковъ ихъ и съ обозначеніемъ тѣхъ, которые совершенно покорны, и на коихъ оренбургское начальство имѣетъ весьма слабое вліяніе. Затѣмъ, къ этому же письму приложено было и краткое извлеченіе изъ упомянутой вѣдомости съ обозначеніемъ главныхъ киргизскихъ родовъ, ихъ кочевокъ, и степени непокорности оренбургскому начальству; здѣсь же была приложена карта киргизской степи, съ показаніемъ мѣстъ кочевокъ разныхъ родовъ и отдѣленій оренбургскихъ кайсаковъ.

Для наглядности, въ какомъ положеніи къ русской зависимости находилась степь оренбургскихъ киргизовъ, во время кенисаринскаго бунта, мы полагаемъ, будетъ не лишнимъ привести здѣсь упомянутое выше извлеченіе изъ приведендой вѣдомости киргизскимъ родамъ. Вотъ это росписаніе кайсацкихъ родовъ, съ обозначеніемъ степени ихъ зависимости отъ Россіи:

Киргизы Аргинскаго рода, кочующіе по границѣ оренбургскихъ и сибирскихъ киргизовъ и далѣе до р. Тургая, покорны; но правительство имѣетъ только малое вліяніе на тѣ отдѣленія этого рода, которыя кочуютъ въ дальнемъ разстояніи отъ линіи.

Кипчакскаго рода, кочующіе между Тоболомъ и новою линіею,—совершенно покорны; но на кочующихъ около р. Сыръ-Дарьи правительство не имѣетъ вліянія.

Кирейскаго рода, кочующіе между Тоболомъ и сибирскою границею совершенно покорны.

Яппаскаго рода, кочующіе между старою и новою линіями, также совершенно покорны; но на живущихъ около Сыръ и Куванъ-Дарьи власть правительства ничтожна.

Джагалбайлинскаго рода, кочующіе между новой и старой линіями и вдоль по новой линіи, совершенно покорны.

Чеклинскаго рода, кочующіе на вершинахъ Илека, Эмбы, Ори и Иргиза, большею частію покорны, только нѣсколько отдѣленій тляу-кабаковъ и чумекеевъ, кочующихъ въ Барсукахъ, около Аральскаго моря и на Сыръ-Дарьѣ—мало повинуются.

Байулинскаго рода, кочующіе отъ Каспійскаго моря вдоль Уральской линіи, вообще покорны, кромѣ отдѣленія адаевцевъ и другихъ кочующихъ на Усть-Уртѣ.

Алимулинскаго рода, кочующіе между Илецкою Защитою, лѣвымъ берегомъ Эмбы и Барсуками, вообще также покорны, исключая нѣсколькихъ отдѣленій кита, кочующихъ въ дальномъ разстояніи отъ линіи.

Семиродскаго рода, кочующіе отъ р. Утвы до Илека вдоль линіи, вообще покорны. Такое, скорѣе враждебное, отношеніе большинства киргизскихъ родовъ къ русской власти, конечно, тоже не мало благопріятствовало успѣху кенисаринскаго мятежа. Пояснивъ Горчакову, насколько въ данный моментъ трудно было оренбургской администраціи однимъ вліяніемъ удерживать своевольныхъ кайсаковъ, генералъ Обручевъ увѣдомилъ его, что объ ассигнованіи 5,000 руб., для предстоящаго поиска, онъ вошелъ съ представленіемъ къ военному министру, но что, предварительно этого, еще разъ рѣшился подѣйствовать на Кенисару угрозами и увѣщаніемъ.

И дѣйствительно, въ тоже время Кенисарѣ было предписано немедленно прикочевать къ оренбургской линіи, если онъ не хочетъ потерять объявленной ему императорской милости. Бумага эта, отличаясь отъ прежнихъ сношеній съ Кенисарою повелительностью и рѣзкостью тона, произвела на Касимова сильное впечатлѣніе. Мятежный султанъ не могъ не замѣтить нѣкотораго поворота въ политикѣ оренбургской администраціи съ нимъ, и потому, съ султаномъ Саналіемъ Мурзагаліевымъ, доставившимъ ему предписанія генерала Обручева, прислалъ на имя генерала Генса (на снисхожденіе котораго онъ разсчитывалъ болѣе, чѣмъ на великодушіе новаго губернатора) письмо, въ которомъ доказывалъ свою преданность Россіи тѣми услугами, которыя, по его словамъ, онъ оказалъ русскому правительству.

«Я знаю—писалъ Кенисара Генсу—что вы мнѣ много дѣлаете добраго и увѣренъ, что мнѣ не будетъ никакого вреда, пока вы будете проживать въ Оренбургѣ въ добромъ здоровьи. Я очень желалъ бы видѣться съ вами и имѣю о многомъ доложить государю императору.

«Я заставилъ перекочевать къ Уралу киргизовъ большой, средней и малой орды, кочевавшихъ въ окрестностяхъ не подвѣдомственныхъ Россіи владѣній: Бухаріи, Хивы и Коканіи,—гдѣ же зло, учиненное будто бы мною? Преданность мою можно видѣть изъ того, что я содѣйствовалъ въ прошедшемъ году султанамъ-правителямъ Ахмеду и Араслану Джантюринымъ, при сборѣ верблюдовъ и барановъ съ киргизовъ, кочующихъ вмѣстѣ

со мною,—въ то время, когда я могъ воспрепятствовать этому, потому что народъ сначала-было бѣжалъ отъ этого сбора, но я удержалъ его и увѣщаніями своими заставилъ отдать требованное. Вы думаете, можетъ быть, что я разстроивалъ народъ? напротивъ, если-бъ я думалъ объ этомъ, то на Уралѣ не осталось бы киргизовъ; ежели бы я увидѣлъ васъ, то кромѣ этого много имѣлъ бы до васъ просьбъ.

«Не вѣрьте лжецамъ; вы близки государю и намъ покровительствуете, а потому прошу васъ довести до свѣдѣнія государя императора о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ. Этимъ сдѣлаете намъ великую милость. Султаны, обратившіе на себя ваше вниманіе, не лучше насъ, подобно имъ и мы будемъ служить царю».

Въ другомъ письмѣ Кенисара извѣщалъ, что онъ получилъ предписаніе о движеніи его къ оренбургской линіи и что безпрекословно ему повинуется; что онъ готовъ лично предстать передъ начальствомъ, чтобы имѣть случай оправдать себя [1]).

Но съ мѣста не двинулся.

Генералъ Обручевъ не удовольствовался приведенными письмами, и приказалъ пограничной коммиссіи подвергнуть строгому допросу посылавшагося къ «Кенисарыю» султана Саналія Мурзагаліева. При этомъ отъ коммиссіи было затребовано объявленіе: по какому поводу и праву султаны Джантюрины собирали верблюдовъ и барановъ съ киргизовъ, кочующихъ съ Кенисарою, насколько искренни его миролюбивыя заявленія и почему онъ ничего не отвѣчалъ на предписаніе, данное ему Обручевымъ, о немедленномъ приближеніи его къ оренбургской линіи?

Отобранное показаніе отъ султана Саналія можетъ служить самымъ наглядымъ доказательствомъ безтактности оренбургской политики въ степи, безтактности, которая тоже не мало служила въ пользу Кенисары, умѣвшаго пользоваться всѣми промахами своихъ противниковъ.

Такъ преждевременное заключеніе подъ стражу дяди Кенисары султана Карабая, присланнаго имъ заложникомъ [2]), по словамъ Мурзагаліева, остановило намѣреніе Кенисары прикочевать къ оренбургской линіи, внушивъ ему опасеніе подвергнуться участи своего дяди.

Подобная, повидимому, разумная причина, выставленная Кенисарою въ оправданіе своего невольнаго ослушанія приказанію военнаго губернатора, подѣйствовала на оренбургское начальство. Такъ что, когда Кенисара вновь прислалъ письмо, съ просьбою

---

[1]) Перевелъ съ татарскаго Батаршинъ.

[2]) Въ 1841 году по требованію Перовскаго.

объ освобожденіи изъ-подъ стражи султана Карабая и о возвращеніи въ орду схваченныхъ сибирскими отрядами родственниковъ его,—султановъ Габайдулы и Мустафы, то генералъ Обручевъ поколебался, и даже готовъ былъ снова дать вѣру раскаянію мятежнаго султана. Но въ это время Кенисара, предводительствуя значительной шайкой хищниковъ, произвелъ опустошительный набѣгъ на 130 ауловъ яппаскаго и алтынскаго родовъ, при чемъ былъ убитъ сынъ одного изъ преданныхъ Россіи біевъ за урядъ-хорунжій Алтыбай Кубековъ. Послѣднія событія показали наконецъ оренбургской администраціи всю коварность политики хитраго султана; который велъ переговоры лишь ради того, чтобъ успѣть безпрепятственно усилиться для предстоящей ему борьбы за полную независимость. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что Кенисара, вышедшій изъ Хивы съ жалкими остатками своихъ джигитовъ, успѣлъ, во время ведшихся переговоровъ, усилить свое скопище (съ небольшимъ въ годъ) до 5000 ауловъ, изъ родовъ Багоналинскаго и Аргынскаго двухъ племенъ—Джугары и Тюмень-Чекты, Табынскаго, Таминскаго, Байбачинскаго, Чиклинскаго, Чумекеевскаго, Яппаскаго и другихъ.

Рѣшено было наказать мятежнаго султана силою оружія. По предложенію военнаго министра, генералъ Обручевъ и князь Горчаковъ, по взаимному соглашенію, въ мартѣ 1843 года представили въ министерство свои соображенія: о предполагавшейся двухсторонней экспедиціи въ степь — отъ войскъ сибирскаго и оренбургскаго корпусовъ, для наказанія султана Кенисары и разсѣянія его скопища. Но въ то самое время, когда, съ приближеніемъ весны, оренбургскій отрядъ уже готовъ былъ къ выступленію въ степь, событія внутри края задержали это выступленіе и отвлекли вниманіе военнаго губернатора отъ Кенисары.

Въ началѣ мятежъ государственныхъ крестьянъ челябинскаго уѣзда, вспыхнувшій въ апрѣлѣ 1843 года, по поводу распространившихся въ народѣ нелѣпыхъ толковъ о закрѣпленіи всего челябинскаго уѣзда за помѣщикомъ Кульневымъ, вынудилъ генерала Обручева принять дѣятельное участіе въ подавленіи бунта, принявшаго широкіе размѣры [1]). А по усмиреніи челябинцевъ, безпорядки въ селеніяхъ, недавно обращенныхъ въ казачество крестьянъ, тоже потребовали присутствія съ войсками военнаго губернатора въ станицѣ Павловской и въ другихъ волновав-

---

[1]) См. нашу статью: бунтъ государств. крестьянъ Челяб. уѣзда въ 1843 г. «Вѣст. Европы», апрѣль 1868 г.

шихся мѣстностяхъ. Преданіе гласитъ, что послѣдніе безпорядки и печальныя ихъ послѣдствія были вызваны, такъ сказать, гражданскою администраціею края въ лицѣ губернатора Талызина.

Когда создавалась, по проекту генералъ-адъютанта Перовскаго, новая оренбургская линія, то высшимъ правительствомъ было предоставлено жителямъ тѣхъ селеній, гдѣ долженствовала пройти проектируемая линія, буде они не пожелаютъ записаться въ оренбургское казачество, право переселиться на особо отведенныя имъ земли—если не ошибаемся—въ бузулукскомъ уѣздѣ, нынѣ Самарской губерніи.

Если вѣрить преданію, губернаторъ Талызинъ не принялъ на себя труда объяснить крестьянамъ упомянутаго разрѣшенія о правѣ нежелающихъ идти въ казаки переселяться на новыя мѣста, но беззастѣнчиво донесъ генералу Перовскому, а этотъ послѣдній, основываясь на донесеніи гражданскаго губернатора, покойному государю: что жители всѣхъ тѣхъ заселенныхъ мѣстъ, гдѣ должна пройти линія, въ похвальномъ рвеніи исполнить священную для нихъ волю государя, единогласно пожелали въ казаки.

Послѣдствія столь легкаго и крайне небрежнаго отношенія гражданской власти къ судьбамъ ввѣреннаго ея попеченію крестьянства не замедлили обнаружиться. Еще къ генералу Перовскому поступило пропасть просьбъ отъ новообращенныхъ казаковъ, не хотѣвшихъ оставаться въ войскѣ и желавшихъ воспользоваться высочайше предоставленнымъ правомъ переселенія на новыя мѣста.

Вступленіе подобныхъ просьбъ поставило въ крайне затруднительное положеніе графа Перовскаго, въ виду того донесенія, какое онъ сдѣлалъ, основываясь на заявленіи губернатора Талызина покойному императору. Преданіе разсказываетъ, что В. А. Перовскій вытребовалъ къ себѣ изъ Уфы гражданскаго губернатора, страшно распекъ его за ложное донесеніе, котораго онъ сдѣлался невольнымъ участникомъ и приказалъ Талызину, подъ личною отвѣтственностію, поправить свою ошибку какъ знаетъ.

Вскорѣ Перовскій оставилъ свой постъ, а губернатору Талызину удалось кое-какъ на время зажать ротъ недовольнымъ массамъ; но глухой ропотъ народа продолжался и, въ 1843 году, перешелъ въ открытое возмущеніе. Конечно, возстаніе это было подавлено тѣми же мѣрами, какъ и челябинскій бунтъ, но интересно въ этомъ случаѣ то обстоятельство, что оренбургской администраціи нисколько не было совѣстно истязать народъ же-

стокой экзекуціей, народъ, двинутый къ возстанію ея же ошибкой, подставившей народную спину подъ казацкую нагайку и шпицрутены генерала Обручева.

VII.

Движеніе оренбургскаго отряда въ степь. Инструкція В. С. Лебедеву. Хитрость Кенисары и торжество оренбургскихъ политиковъ. Тревожныя вѣсти изъ степи: усиленіе Кенисары и набѣгъ его на среднюю орду. Представленіе генер. Обручева вице-канцлеру [1]).

Усмиреніе безпорядковъ внутри края задержало экспедицію противъ Кенисары до іюня мѣсяца, въ первыхъ числахъ котораго отрядъ, состоящій изъ 304 человѣкъ при одномъ трехъфунтовомъ единорогѣ, долженъ былъ выступить изъ Орской крѣпости. Командованіе отрядомъ было поручено войсковому старшинѣ Лебедеву, успѣвшему зарекомендовать себя еще во время перваго похода противъ Кенисары въ 1839 году. Въ помощь начальнику экспедиціи былъ прикомандированъ офицеръ генеральнаго штаба Романовъ, обязанность котораго, кромѣ того, состояла въ собраніи возможно бо́льшаго количества свѣдѣній о малоизвѣстныхъ частяхъ степи, посредствомъ личныхъ обозрѣній и, гдѣ возможно, топографической рекогносцировки, въ особенности на обратномъ слѣдованіи по бухарской караванной дорогѣ, ведущей отъ Большого Тургая на г. Троицкъ. Послѣднее обстоятельство показываетъ полное невѣдѣніе оренбургскимъ начальствомъ торговыхъ путей и апатичное отношеніе администраціи края къ утвержденію нашего вліянія и торговли въ Средней Азіи.

Такимъ образомъ, экспедиція эта имѣла двоякую цѣль: съ одной стороны наступательное движеніе противъ Кенисары, и съ другой научное изслѣдованіе мало извѣстныхъ степныхъ пространствъ.

Отдавая полную справедливость стремленіямъ оренбургской администраціи познакомиться со степью ближе, нельзя не сознаться однакожъ, что такое похвальное стремленіе, пришедшее на умъ черезъ сто слишкомъ лѣтъ по присоединеніи степи къ Россіи, пришло немножко поздно; но ужъ вѣрно таковъ складъ ума русскаго человѣка, привыкшаго ѣздить на трехъ любимыхъ

---

[1]) Дѣло канцел. генер. губернатора «о мятежныхъ поступкахъ султана Кенисары Касимова и о происшествіяхъ въ степи и на линіи, происшедшихъ отъ его скопищъ», № 954.

имъ конькахъ: «авось, небось и какъ-нибудь», и создавшаго про себя безсмертную, по своей мѣткости опредѣленія, пословицу: «русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ...»

Въ этомъ случаѣ оренбургская администрація была вполнѣ русскою, ибо пришла къ сознанію о лучшемъ знакомствѣ со степью только въ то время, когда ей уже пришлось дѣйствовать противъ Кенисары, знавшаго вдоль и поперегъ обѣ русскія степи. Оренбургскія власти постоянно удивлялись тому, что Кенисара всегда ускользалъ изъ рукъ нашихъ поисковъ, но мы не видимъ тутъ ничего чрезвычайнаго: хорошее знакомство со степью давало мятежному султану возможность, съ быстротою ястреба, перелетать съ мѣста на мѣсто отъ нашихъ отрядовъ, двигавшихся за нимъ черепашьимъ шагомъ, ощупью, въ открытой степи, какъ въ темномъ лѣсу, опасаясь, на каждомъ шагу, благодаря предательству вожаковъ-киргизовъ, попасть въ безкормныя и безводныя мѣста, быть брошенными вожаками и, наконецъ, погибнуть голодной смертью въ невѣдомой пустынѣ...

Такъ какъ главная цѣль движенія въ степи оренбургскаго отряда должна была состоять въ содѣйствіи отряду сибирскаго вѣдомства, то войсковому старшинѣ Лебедеву предложено было, во все время нахожденія его въ степи, соображаться съ дѣйствіями сибирскихъ войскъ.

Несмотря на то, что Лебедева выбралъ опытный глазъ Перовскаго, умѣвшій отгадать въ немъ человѣка съ большими военными способностями и сообразительностью, — генералъ Обручевъ счелъ нужнымъ дать ему особую инструкцію, главные пункты которой заключались въ слѣдующемъ: 1) отрядъ долженъ былъ выступить изъ Орской крѣпости никакъ не позже 7-го числа іюня мѣсяца; направляясь по р. Камышаклѣ, вершинамъ Большого Иргиза, чрезъ уроч. Карсакъ-Баши, на Большомъ Тургаѣ, долженъ былъ слѣдовать быстрыми переходами къ оз. Акъ-Куль, куда по разсчету времени могъ достигнуть около 25-го іюня. Еще по прибытіи на Большой Тургай Лебедеву вмѣнялось въ обязанность немедленно войти, посредствомъ надежныхъ киргизовъ, въ сношенія съ сибирскимъ отрядомъ и поддерживать ихъ какъ можно чаще, въ продолженіи всѣхъ дѣйствій противъ Кенисары и приверженныхъ къ нему кайсаковъ, для того, чтобы постоянно быть въ извѣстности объ ихъ положеніи, и о мѣрахъ, какія начальникъ сибирскаго отряда будетъ предпринимать противу мятежниковъ, «дабы совокупными дѣйствіями споспѣшествовать успѣшному окончанію предпріятія». Еслибы Лебедевъ, по прибытіи на озеро Акъ-Куль не получилъ

отъ подполковника Кривоногова [1]) никакихъ извѣстій, то инструкція обязывала его остановиться тамъ впредь до полученія таковыхъ.

2) Для избѣжанія какихъ-либо недоразумѣній въ сношеніяхъ нашихъ съ владѣтелями Средней Азіи, на основаніи высочайшей воли, вмѣнялось Лебедеву въ обязанность уклоняться отъ всякаго вмѣшательства въ происходившія тогда распри между бухарцами, хивинцами и коканцами, и потому онъ никакъ не долженъ былъ простирать поисковъ своихъ въ оренбургскихъ предѣлахъ далѣе Сыръ-Дарьи и озера Теле-Куль, а въ сибирскихъ далѣе р. Чу, избѣгая всякаго столкновенія съ бухарцами и коканцами.

3) Дѣйствуя противъ Кенисары, Лебедеву вмѣнялось избѣгать всякихъ непріязненныхъ столкновеній съ мирными родами какъ оренбургскаго, такъ и сибирскаго вѣдомствъ, не обличенными въ сочувствіи мятежнику. Только въ крайнемъ случаѣ, при явныхъ покушеніяхъ съ ихъ стороны къ нанесенію вреда, дозволялось употребить противу нихъ силу.

4) При поискахъ за подлежащими наказанію киргизами, говорилось далѣе въ инструкціи, стараться захватывать главныхъ зачинщиковъ и людей, пользующихся какимъ-либо вліяніемъ, начиная съ самого султана Кенисары Касимова, его родственниковъ и главныхъ сообщниковъ, наказывая по усмотрѣнію Лебедева одни только враждебные аулы, строжайше воспрещалось, чтобы во время похода, отъ выступленія съ линіи и до обратнаго возвращенія, не было производимо грабежа и другихъ безпорядковъ у покорныхъ и мирныхъ киргизовъ, а также, чтобы нигдѣ отъ нихъ безденежно ничего не бралось. Въ противномъ же случаѣ, «за всякое насильство взыскивать съ виновнаго строжайшимъ образомъ и о таковыхъ поступкахъ каждаго», было приказано доносить Обручеву для поступленія по законамъ.

5) Не обременять отрядъ отбиваемымъ скотомъ, дабы чрезъ то не ослабить его, стараясь всегда имѣть во фронтѣ болѣе людей, а при вьюкахъ какъ можно меньше; и

6) Принимать постоянно строжайшія мѣры осторожности отъ внезапнаго нападенія киргизовъ на отрядъ, во время слѣдованія, приваловъ и ночлеговъ, и въ особенности при дѣйствіяхъ противъ Кенисары.

Въ заключеніе, сообщивъ Лебедеву главную цѣль движенія ввѣреннаго ему отряда и присовокупивъ, что мѣстность, на коей преимущественно кочуютъ султанъ Кенисара и приверженные

---

[1]) Начальникъ сибирскихъ войскъ.

ему роды, заключается на югъ отъ г. Улу-Тау, между озерами: Чубаръ-Денгизъ, Улькунъ-Денгизъ, р. Матай-Карасу, по р. Кингиръ, и указавъ первоначальныя дѣйствія противъ Кенисары и его сообщниковъ, Обручевъ предоставлялъ Лебедеву окончить порученіе, соображаясь со свѣдѣніями, какія онъ соберетъ на мѣстѣ и по сношеніямъ съ начальниками сибирскихъ отрядовъ.

10-го іюня, отрядъ двинулся изъ Орской крѣпости въ степь, но не успѣлъ сдѣлать нѣсколько переходовъ, какъ повстрѣчался съ шайкою въ полторы тысячи человѣкъ, хорошо вооруженныхъ ордынцевъ, подъ предводительствомъ Кенисары. Движеніемъ къ оренбургской линіи Кенисара хотѣлъ обмануть генерала Обручева мнимой покорностью его приказаніямъ и тѣмъ остановить намѣреніе оренбургскаго начальства двинуть противъ него войска. Хитрость эта, какъ мы увидимъ ниже, вполнѣ удалась вѣроломному мятежнику.

Войсковой старшина Лебедевъ, не надѣясь на свои силы, вступилъ съ Кенисарою въ переговоры и объяснивъ ему, что онъ находится для прикрытія съемочныхъ партій, производящихъ въ степи работы, въ знакъ своего миролюбія отступилъ къ Орской крѣпости, о чемъ тогда же донесъ генералу Обручеву. Пограничная коммиссія, съ своей стороны, сообщила оренбургскому военному губернатору, что, по полученнымъ ею свѣдѣніямъ, Кенисара прикочевалъ къ горѣ Карача-Тау, отстоящей отъ Орской крѣпости не болѣе 200 верстъ, откуда намѣревается придвинуться еще ближе къ линіи и на рѣчкѣ Ургисѣ ожидать повелѣнія начальства.

Причемъ предсѣдатель коммиссіи высказалъ мнѣніе, что движеніе Кенисары къ линіи есть несомнѣнный фактъ его миролюбія и готовности подчиниться приказаніямъ оренбургскаго начальства. Къ этому представленію были приложены два новыхъ письма Кенисары, исполненныя миролюбивыхъ заявленій и жалобъ на клеветы его враговъ и на обиды, понесенныя имъ отъ нѣкоторыхъ ордынскихъ родовъ.

Генералъ Обручевъ, раздѣляя мнѣніе пограничной коммиссіи, предписалъ Лебедеву воздерживаться отъ враждебныхъ дѣйствій противъ султана Кенисары и, не трогаясь съ позиціи, ограничиться наблюденіемъ за всѣми дѣйствіями мятежнаго султана. При этомъ Лебедеву вмѣнялось въ обязанность сблизиться съ Касимовымъ и постараться самому, или чрезъ благонадежныхъ лицъ, узнать истинныя намѣренія Кенисары. Пограничной же коммиссіи предложено было немедленно распорядиться отводомъ мѣстъ кочевокъ для Касимова и заготовить ему два письма, отъ генераловъ Генса и Обручева, имѣвшихъ цѣлью увѣрить мя-

тежнаго султана, что если онъ будетъ кочевать мирно на отведенныхъ ему земляхъ, то всѣ его просьбы будутъ исполнены, и что объ освобожденіи султана Карабая и другихъ родственниковъ его, захваченныхъ сибирскими отрядами, будетъ сдѣлано представленіе къ государственному вице-канцлеру.

Въ этихъ же письмахъ султанъ Кенисара былъ приглашаемъ прибыть въ Оренбургъ для личныхъ объясненій съ генераломъ Генсомъ, согласно выраженнаго имъ прежде желанія.

Движеніе Кенисары къ оренбургской линіи было истиннымъ праздникомъ и гордостью новаго оренбургскаго губернатора, спѣшившаго донести государственному канцлеру о блестящихъ результатахъ его политики съ Кенисарой. Генералъ Обручевъ придавалъ особенное значеніе прибытію Кенисары по первому его требованію къ уроч. Карача-Тау, какъ обстоятельству, отдававшему ему преимущество въ политической ловкости передъ его предмѣстникомъ. Словомъ, новый военный губернаторъ въ чаду самообольщенія дошелъ до того, что заключилъ свое донесеніе вице-канцлеру слѣдующими словами: «какъ слѣдуетъ поступить съ самимъ Кенисарою, если бы онъ, по приглашенію генерала Генса, прибылъ въ Оренбургъ, или на линію для личныхъ объясненій съ нимъ»?

Торжество оренбургскихъ политиковъ было очень непродолжительно, потому что, вслѣдъ за донесеніемъ о совершенной покорности Кенисары, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, какъ писалъ канцлеру генералъ Обручевъ, въ Оренбургъ, изъ степи, стали приходить весьма серьезныя вѣсти. Такъ возьмемъ, напримѣръ, донесеніе войскового старшины Лебедева, въ которомъ начальникъ отряда, высланнаго противъ Кенисары, приводитъ мнѣніе старшины Аргынскаго рода поручика Язы-Янова насчетъ истинныхъ намѣреній Кенисары:

«Яновъ говоритъ о немъ, т.-е. о Кенисарѣ — писалъ Лебедевъ—что если Кенисара и показалъ свою готовность прикочевать къ линіи и исполнять волю начальства, то это не болѣе, какъ только одна хитрость, доказывающаяся тѣмъ, что аулы Кенисары теперь кочуютъ неизвѣстно гдѣ, а самъ онъ съ вооруженнымъ скопищемъ въ 8,000 человѣкъ, разъѣзжая по степи, присоединяетъ къ себѣ необузданныхъ киргизовъ средней части орды, которыхъ большая часть уже передалась ему, и изъ коихъ дюрткаринцы, при проѣздѣ Язы-Янова въ отрядъ захватили было его съ товарищами близъ Иргиза въ плѣнъ и только чрезъ два дня отпустили. Находясь же у дюрткаринцевъ, Яновъ узналъ, что въ теченіе нынѣшняго лѣта присоединилось къ Кенисарѣ множество разныхъ отдѣленій, особенно альчинскаго

рода и потому Касимовъ сдѣлался здѣсь гораздо сильнѣе, нежели былъ прежде въ сибирскихъ предѣлахъ, не смотря на то, что большая часть тамошнихъ киргизовъ отъ него отложилась».

Поручикъ Язы-Яновъ, обнаруживая вообще недовѣрчивость къ дѣйствіямъ Кенисары, объяснилъ, что «скопище своевольныхъ киргизовъ при Кенисарѣ, будучи теперь на сытыхъ лошадяхъ, отуманенное кумызомъ и находясь въ весьма выгодномъ соединеніи множества родовъ и отдѣленій, — готово отважиться на всякую дерзость...»

Нѣсколько позже, тотъ же Лебедевъ доносилъ, что у джигалбайлинцевъ, кочующихъ въ вершинахъ р. Тобола, шайкою приверженныхъ къ Кенисарѣ киргизовъ угнано до 200 лошадей, изъ которыхъ хищники выбрали только нѣсколько доброѣзжихъ, оставивъ прочихъ хозяевамъ. Обстоятельство это, по словамъ Лебедева, тоже произвело въ степи благопріятное впечатлѣніе, такъ какъ многіе изъ кайсаковъ одобряли «такое дѣйствіе», находя въ немъ великодушіе Кенисары, который беретъ только необходимое, а не угоняетъ всего, какъ то дѣлаютъ обыкновенные барантовщики. «Даже въ самыхъ прилинейныхъ джигалбайлинцахъ замѣчается неблагонадежность (писалъ Лебедевъ), потому что съ прибытіемъ отряда къ р. Ори, изъ множества кочующихъ по лѣвому ея берегу ауловъ ни одинъ мѣстный и дистаночный старшина не явился въ отрядъ, какъ это всегда бывало прежде, и даже находящихся при отрядѣ вожаковъ, своихъ однородцевъ, джигалбайлинцы называли русскими «кафирами», прогоняя ихъ отъ себя «и отказывая въ чашкѣ кумыза»; чтобы еще болѣе убѣдиться въ нерасположеніи ордынцевъ къ русскимъ, Лебедевъ посылалъ къ нимъ за покупкою барановъ, но никто ему не продавалъ ни одного. Далѣе, Лебедевъ высказываетъ предположеніе, что эти же киргизы доставляютъ Кенисарѣ свѣдѣнія о всѣхъ распоряженіяхъ, какія дѣлаются на линіи и, въ особенности, о выступленіи отрядовъ въ степь, и что навѣрное Кенисара выѣзжалъ на встрѣчу отряду по ихъ извѣщенію. Наконецъ, Лебедевъ присовокупилъ, «что киргизы средней части орды безъ опасенія приняли явившагося къ нимъ изъ сибирскихъ предѣловъ мятежника Кенисару и что большинство, признавъ его своимъ ханомъ, съ нимъ вмѣстѣ волнуетъ степь, умножая его шайки».

Такъ всесильно было обаяніе этого человѣка на ордынцевъ, что, по мнѣнію Лебедева, ему стоило, какъ говорится, только «кличъ кликнуть», чтобы тысячи джигитовъ готовы были встать въ ряды его шаекъ, сражаться за утраченную независимость, или погибнуть вмѣстѣ съ ихъ предводителемъ.

Такое значеніе Кенисары не было тайной для оренбургской пограничной коммиссіи, и поэтому она, не желая раздражать и безъ того опаснаго мятежника, въ своемъ заключеніи, по поводу донесеній Лебедева, высказалась въ пользу миролюбивыхъ сношеній съ Кенисарой; тѣмъ болѣе, что карательныя мѣры и прежде никогда не имѣли успѣха, а теперь могли возбудить въ Кенисарѣ враждебное чувство къ оренбургскому начальству, котораго до сихъ поръ онъ не обнаруживалъ.

А потому, коммиссія полагала ограничиться лишь распространеніемъ между киргизами объявленій, имѣвшихъ цѣлью воздержать кочевниковъ отъ сочувствія Кенисарѣ и его «коварнымъ замысламъ», подъ опасеніемъ строгаго наказанія.

Но вслѣдъ за приведеннымъ представленіемъ, а именно на другой день (8-го іюля 1843 года), таже коммиссія должна была сдѣлать донесеніе генералу Обручеву уже болѣе воинственнаго характера. Случилось это такимъ образомъ: въ то время, когда въ Оренбургѣ администрація раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря — за и противъ военныхъ дѣйствій въ степи, султанъ Кенисара, уже откочевавшій отъ горы Карача-Тау, произвелъ опустошительный набѣгъ на среднюю часть орды.

Изъ донесенія султана-правителя этой части (отъ 4 іюля 1843 г.) видно, что Кенисара-Касимовъ, съ родственниками своими султанами: Чакбутомъ-Карабаевымъ, Худой-Мендой и Эрджаномъ Сарджановыми, собравшими шайку до 3,500 человѣкъ, раздѣлилъ ее на двѣ части, изъ которыхъ одною, въ 2,000 человѣкъ, предводительствуя самъ и разъѣзжая по средней части орды, напалъ на расположенные по р. Уилу аулы киргизовъ чиклинскаго рода, тлявова отдѣленія, Кулекеня-Дустанова съ родственниками, и разбилъ ихъ. Въ этотъ набѣгъ на тлявовцевъ было убито 17 человѣкъ, взято въ плѣнъ 15 женщинъ и дѣвицъ, угнано лошадей 5,500, верблюдовъ 3,500, коровъ 970 и барановъ 7,000.

Для преслѣдованія хищниковъ султаномъ-правителемъ были посланы 300 человѣкъ, которымъ, однакожъ, не удалось догнать барантовщиковъ и пришлось удовольствоваться брошенными ими на пути 5,713 баранами и возвратиться вспять. Самъ же Джангюринъ хотя и прибылъ къ р. Ори съ 500 киргизами и состоящимъ при немъ отрядомъ, «но не отважился преслѣдовать Кенисару, опасаясь пораженія».

Вслѣдствіе изложенныхъ обстоятельствъ, коммиссія должна была убѣдиться въ невозможности достигнуть мирнымъ путемъ покорности Кенисары и потому, волей-неволей, ей пришлось

стать въ число сторонниковъ воинственной политики съ Кенисарой.

Всѣмъ мѣстнымъ начальникамъ оренбургскихъ киргизовъ предписано было вооружить подвѣдомственныхъ имъ людей и присоединиться къ султану Джантюрину для совокупнаго нападенія на шайку Кенисары. Правителю западной части, султану Баймухамеду Айчувакову тоже было предложено поддерживать правителя средней части. Независимо отъ этихъ предварительныхъ мѣръ, въ Оренбургѣ признавали необходимымъ усилить состоящую при Джантюринѣ команду, въ особенности артиллеріею, и въ нѣкоторыхъ пунктахъ линіи расположить сильныя команды для защиты отъ шаекъ Кенисары, кочующихъ вдоль линіи кайсаковъ.

А такъ какъ положеніе дѣлъ въ степи становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе неблагопріятнымъ, ибо бунтъ ожесточался, а Кенисара уже чувствительно далъ понять оренбургской администраціи, что онъ не расположенъ болѣе прикидываться покорнымъ, то для разсѣянія его буйныхъ шаекъ генералъ Обручевъ нашелся вынужденнымъ снарядить экспедицію въ степь, подъ начальствомъ уральскаго войска полковника Бизянова [1]), съ содѣйствіемъ султановъ правителей средней и западной частей.

Отрядъ предполагалось раздѣлить на двѣ части, изъ которыхъ одну двинуть изъ станицы Колмыковской по р. Уилу, черезъ вершину Эмбы къ горѣ Айрюкъ; а другую изъ крѣпости Орской, подъ командой войскового старшины Лебедева къ р. Иргизу и далѣе къ горѣ Айрюкъ въ Мугоджарахъ, гдѣ эта часть войдетъ въ сообщеніе съ первымъ отрядомъ, соединясь съ нимъ не ближе 15-го августа по выступленіи обоихъ отрядовъ съ назначенныхъ пунктовъ перваго числа того мѣсяца.

Отряды эти, имѣвшіе цѣлью—по выраженію генерала Обручева—«разсѣять и наказать буйныя скопища Кенисары и, буде можно, захватить и самого его», должны были дѣйствовать, соображаясь съ обстоятельствами, раздѣльно, или, въ случаѣ надобности, соединенными силами.

На пути своихъ дѣйствій отряды, преслѣдовавшіе привер-

---

[1]) Экспедиціонный отрядъ предполагалось сформировать изъ 1,800 человѣкъ отъ войскъ: уральскаго 700, оренбургскаго 500 и башкирскаго 600 казаковъ при 4-хъ конныхъ орудіяхъ.

женныхъ къ Кенисарѣ киргизовъ, должны были привлекать къ содѣйствію племена, пострадавшія отъ его шаекъ. Нападая на аулы, преданные Кенисарѣ, войска должны были стараться захватывать его родственниковъ и другихъ вліятельныхъ ордынцевъ, удерживая ихъ вмѣсто заложниковъ, отбирать отъ нихъ скотъ и дѣйствовать силою оружія противъ сопротивляющихся.

Въ случаѣ же, если бы Кенисара отступилъ къ Сыръ-Дарьѣ или къ Тургаю, то отряды обязывались преслѣдовать его до тѣхъ мѣстъ. Но какъ экспедиція эта требовала значительныхъ издержекъ на снаряженіе отряда, жалованье командируемымъ чинамъ и на другіе расходы, опредѣлявшіеся цифрою въ 14 тыс. руб., то объ отнесеніи этихъ издержекъ на кибиточный сборъ генералъ Обручевъ испрашивалъ высочайшаго разрѣшенія, въ томъ вниманіи, что деньги эти нужны были на водвореніе въ степи порядка.

Между тѣмъ, когда оренбургскій военный губернаторъ переписывался съ государственнымъ вице-канцлеромъ о мѣрахъ къ укрощенію Кенисары, послѣдній усиливался съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Значеніе и вліяніе опаснаго мятежника въ степяхъ оренбургскаго вѣдомства съ каждымъ часомъ возрастало болѣе и болѣе: не только дальные отъ линіи кайсаки, но даже прилинейные киргизы видимо чуждались русскихъ и симпатизировали Кенисарѣ, котораго почти всѣ признали своимъ ханомъ. Есть дѣла, изъ которыхъ видно, что нѣкоторые султаны-правители сочувствовали мятежнику и не особенно ревностно преслѣдовали его сообщниковъ [1]). Положеніе Кенисары сдѣлалось опаснымъ не только для ауловъ, еще покорныхъ русской власти кочевниковъ, но и для самой линіи.

Кенисара кочевалъ уже въ это время верстахъ въ 600 за крѣпостью Орской; гдѣ именно скрывались его аулы въ то время — не было извѣстно, благодаря незнанію степи. Самъ же Кенисара, располагая почти 10-тысячной толпой хорошо вооруженныхъ всадниковъ, по нѣскольку разъ въ день перемѣнялъ мѣста стоянокъ; иногда, придя на ночлегъ, вдругъ онъ неожиданно снимался и переходилъ на другую стоянку, перемѣняя въ пути по нѣскольку разъ направленія. Это обстоятельство способствовало тому, что оренбургскія власти, даже отъ самыхъ вѣрныхъ лазутчиковъ, не могли получить вполнѣ опредѣленныхъ свѣдѣній, гдѣ находился въ данное время станъ Кенисары и гдѣ кочуютъ его аулы.

---

[1]) Дѣло тургайскаго областного правленія о предоставленіи султаномъ-правителемъ Арасланомъ Джантюринымъ случая къ побѣгу сообщникамъ Кенисары.

Всѣ мѣры предосторожности отъ нечаяннаго нападенія, какъ-то: пикеты, разъѣзды, лазутчики и т. п. были приняты султаномъ Касимовымъ. Вообще было видно, что мятежникъ Кенисара приготовлялся къ упорной и продолжительной борьбѣ. Такъ, всѣ его джигиты были, относительно, прекрасно вооружены и раздѣлены на части или отряды, которыми командовали ближайшіе его родственники, преимущественно султаны тѣхъ родовъ, изъ которыхъ была составлена командуемая ими часть, что́, конечно, согласовалось съ духомъ киргизскаго народа, привыкшаго видѣть въ своихъ султанахъ, такъ сказать, прирожденныхъ своихъ родоправителей, — послѣднее обстоятельство, съ своей стороны, способствовало къ установленію нѣкоторой своеобразной дисциплины въ полчищахъ Кенисары.

Въ продовольственномъ отношеніи скопища Кенисары были также вполнѣ обезпечены сборомъ зякета, мукою, саломъ, баранами и другимъ скотомъ съ преданныхъ Касимову родовъ и отбарантованнымъ имуществомъ у тѣхъ ордынцевъ, которые не признавали его ханомъ. Въ станѣ мятежнаго султана не только были свои маркитанты, но даже два казанскихъ купца изъ татаръ, выѣхавшіе изъ Орской крѣпости — Хуссеинъ и Муса Бурнаевы,—производили правильную торговлю и обмѣнъ товаровъ, пользуясь полнымъ спокойствіемъ и покровительствомъ Кенисары. Денежная казна мятежника пополнялась сборами пошлинъ съ бухарскихъ, хивинскихъ и даже русскихъ каравановъ, шедшихъ изъ Оренбурга и въ Оренбургъ.

Такое положеніе дѣлъ въ степи заставило генерала Обручева вновь повторить, съ нарочно-посланнымъ курьеромъ, свои настоянія о скорѣйшемъ разрѣшеніи суммъ на предстоящую экспедицію.

«Изъ отношенія моего за № 14 — писалъ Обручевъ графу Нессельроде—ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что положеніе дѣлъ въ степи отъ присутствія султана Кенисары-Касимова сдѣлалось весьма неблагопріятнымъ, и что, для водворенія тамъ порядка и спокойствія, необходимо скорое принятіе мѣръ сильныхъ; вслѣдствіе чего и предположена мною экспедиція, на снаряженіе которой испрашиваю разрѣшенія, съ цѣлью разсѣять и наказать буйныя шайки Кенисары и, буде можно, самого его захватить. Но какъ по извѣстной хитрости азіатцевъ (продолжалъ Обручевъ) вообще и по соблюдаемой Кенисарою осторожности въ особенности, весьма трудно и даже вовсе невозможно захватить его въ степи, представляющей всѣ удобства къ побѣгу: то я просилъ бы покорнѣйше вашего, м. г., разрѣшенія, если это сочтено будетъ возможнымъ, предоставить начальнику экспеди-

ціи употребить тайныя средства для захвата живымъ или мертвымъ этого буйнаго султана, въ теченіи столькихъ лѣтъ занимающаго правительство своими непріязенными поступками, который (султанъ) время отъ времени, усиливаясь болѣе, можетъ содѣлаться опаснымъ для всей степи и даже для линіи, на которую, безъ сомнѣнія, станетъ дѣлать набѣги».

Средства, выбранныя Обручевымъ къ захвату Кенисары, заключались въ склоненіи на свою сторону нѣкоторыхъ изъ числа окружающихъ Кенисару Касимова киргизовъ обѣщаніемъ прощенія за прежніе проступки и предложеніемъ денежной награды отъ одной до 3 т. руб. сер.; «сумма ничтожная! — восклицаетъ генералъ Обручевъ — въ сравненіи съ тѣми безпорядками, которыхъ виною Кенисара, и съ издержками правительства, которыя оно вынуждено употреблять, принимая мѣры противъ этого мятежника» [1]).

Сумма, которой просилъ генералъ Обручевъ, дѣйствительно была слишкомъ ничтожна, не только для русскаго правительства, но и для того, чтобы соблазнить кого-либо изъ окружающихъ Кенисару ордынцевъ продать голову своего предводителя. Ниже мы увидимъ, что этой мечтѣ оренбургскихъ политиковъ не суждено было осуществиться, и что въ близкомъ будущемъ оренбургскому начальству пришлось перемѣнить гнѣвъ на милость и еще разъ вступить съ Кенисарой въ переговоры.

---

[1]) Письмо генерала Обручева гр. Нессельроде, отъ 12-го іюля 1843 года.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ · ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ. — КНИГА 8-я.

АВГУСТЪ. 1871.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Составленіе

Въ типографіи Ф. Сущинскаго. Могилевская, 7.

БУНТЪ КИРГИЗСКАГО СУЛТАНА

КЕНИСАРЫ КАСИМОВА

(1843—1847 гг.).

I.

Осенняя экспедиція 1843-го года, ея послѣдствія.—Безпорядки первой половины 1844-го года.—Интриги Кенисары и преданіе суду В. С. Лебедева.—Назначеніе на его мѣсто полковника Дуниковскаго.

Изученіе нашей политики на Востокѣ и нашихъ отношеній къ кочующимъ племенамъ Средней Азіи, какъ велась первая и какъ слагались послѣднія въ весьма недавнемъ прошедшемъ, представляетъ много поучительнаго въ настоящемъ и для ближайшаго будущаго. Мы уже имѣли случай [1]) познакомиться съ событіями Оренбургскаго края въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ, главнѣйшимъ героемъ которыхъ былъ одинъ изъ замѣчательныхъ киргизскихъ султановъ того времени Кенисара Касимовъ,—этотъ киргизскій Шамиль. Никто, какъ онъ, не умѣлъ эксплуатировать простодушіе и патріархальность нашей мѣстной администраціи и пользоваться ея ошибками, источникомъ которыхъ всегда являлась одна и таже причина: отсутствіе всякихъ заботъ объ изученіи завоеваннаго края и величайшая самоувѣренность, которая могла равняться одному нашему невѣдѣнію силъ противника и его средствъ.

Еще въ іюнѣ 1843-го года Кенисара задумалъ поднять всѣхъ

---

[1]) См. выше: авг., 541 стр., и сент., 60 стр. 1870 г.

киргизовъ; мѣсяцъ прошелъ прежде, нежели въ Оренбургѣ окончательно убѣдились въ необходимости энергическаго дѣйствія; но и затѣмъ оренбургскому генералъ-губернатору предстояло списаться съ Петербургомъ и просить денегъ у правительства чрезъ канцлера Нессельроде, какъ для открытія военныхъ дѣйствій, такъ и для объявленія цѣны за голову Кенисары, сверхъ того, 3,000 рублей. Между тѣмъ, положеніе нашего врага Кенисары было несравненно выгоднѣе: разграбивъ мирные аулы тлявскихъ киргизовъ, кочевавшихъ по рѣкѣ Уилу, онъ обратился съ прокламаціей къ біямъ Назаровскаго отдѣла, призывая ихъ покориться ему и признать его своимъ ханомъ:

«Богъ всемогущъ и вѣченъ—такъ начинаетъ прокламація Кенисары назаровскимъ біямъ;—по волѣ Всевышняго, на васъ легла кровь нашихъ людей. Раскайтесь въ этомъ ужасномъ дѣлѣ, признайте меня ханомъ, будьте моими,—я хочу сблизиться съ вами; вы не побоялись Бога, ратуя противъ меня, не почли покойниковъ. Ваши проступки наказали тлявцевъ. Ежели раскаетесь въ дѣлахъ вашихъ, то пусть лучшіе изъ васъ прибудутъ ко мнѣ. Я буду многомилостивъ къ вамъ. Если же не явитесь, то я, проживъ въ ожиданіи васъ тридцать лѣтъ, тридцать же лѣтъ буду карать васъ!

«Надѣюсь на Бога.

«Посылаю къ вамъ слугу своего Бавбука, вѣрьте словамъ его. Султанъ Кенисара печать приложилъ».

Это воззваніе произвело свое дѣйствіе; назаровцы рѣшили послать лучшихъ людей съ изъявленіемъ совершенной покорности ихъ хану, но, въ тоже время, какъ-бы въ оправданіе себя предъ оренбургскимъ начальствомъ, они, чрезъ султана-правителя, представили въ пограничную коммиссію одинъ экземпляръ обращеннаго къ нимъ воззванія хана Кенисары.

Назаровцы поняли, что обстоятельства ставили ихъ между двухъ огней: съ одной стороны ихъ ожидало наказаніе русскихъ, а съ другой—безпощадный гнѣвъ и варварская месть грознаго хана Кенисары. Понятное дѣло, что изъ двухъ золъ они выбрали меньшее, т.-е. признали свою зависимость отъ Кенисары, разсчитывая, что русскія власти, отличаясь всегда гуманностью въ прежнее время, и на этотъ разъ будутъ къ нимъ снисходительны, въ виду вынужденной ихъ покорности Кенисарѣ и тѣхъ услугъ, которыя, въ бывшіе поиски противъ мятежнаго султана, были оказаны ими русскимъ отрядамъ, дѣйствовавшимъ въ степи. Ослушаніе же приказаніямъ грознаго и сильнаго хана неминуемо бы влекло за собою полное и конечное разореніе безъ всякой пощады!..

Признаніе Кенисары ханомъ однимъ изъ послѣднихъ, еще независимыхъ отъ него отдѣленій оренбургскихъ киргизовъ, придало мятежному султану еще болѣе дерзости въ его замыслахъ. Ему пришла мысль вновь подчинить своей власти тѣ изъ родовъ сибирскихъ кайсаковъ, которые, незадолго до прикочеванія къ оренбургской линіи, отложились отъ него. Сознавая свою мощь, мятежникъ, надменно, писалъ къ сибирскимъ киргизамъ повелѣніе—немедленно признать его своимъ ханомъ и принять участіе въ общемъ дѣлѣ: освобожденія киргизскаго народа отъ русской власти.

Посланіе это было адресовано на имя султана Кучакова, отца Кулдокана, который былъ освобожденъ изъ плѣна по ходатайству Кенисары, но въ 1843-мъ г. вмѣстѣ съ отцомъ, завидуя успѣхамъ Кенисары, отложился отъ него.

Въ тоже время, Кенисара подкрѣплялъ свои посланія силою оружія, производя набѣги на всѣ роды киргизовъ оренбургскаго и сибирскаго вѣдомствъ, которые упорно отказывались признать его своимъ ханомъ и платить ханскіе налоги съ муки, барановъ и капитала. Когда въ Оренбургѣ еще испрашивали и ожидали разрѣшенія: какія мѣры принять противъ мятежнаго султана,—послѣдній, не стѣсняясь, дѣйствовалъ изустно и письменно и оружіемъ.

Такъ, въ іюлѣ 1843 года, приверженцы Кенисары угнали у біевъ Джагалбайлинскаго рода Балышева отдѣленія, Сутьимгенева и Бикъ Кутенева съ прочими, 790 лошадей. Дѣла въ степи становились, съ каждымъ днемъ, все опаснѣе и опаснѣе; 32 рода киргизовъ (Оренб. вѣдом.)—одни добровольно, увлекаясь богатырствомъ Кенисары, другіе изъ страха его гнѣва, но всѣ болѣе или менѣе признавали Касимова своимъ ханомъ (чему много способствовало, мимоходомъ замѣтимъ, и происхожденіе Кенисары отъ Аблай-хана), платили ему зякетъ и служили въ его войскахъ. Оренбургское начальство не знало, что̀ предпринять, а изъ Петербурга отвѣта еще не было. Въ сороковыхъ годахъ сообщеніе съ Оренбургскимъ краемъ, какъ вообще, производилось въ экстренныхъ случаяхъ черезъ курьеровъ;—вслѣдствіе чего, оренбургской администраціи приходилось ждать отъ двухъ до трехъ недѣль просимаго разрѣшенія, а иногда и болѣе, такъ что энергичный и дѣятельный Кенисара, въ такой значительный періодъ времени, всегда успѣвалъ новыми набѣгами или политическою перепискою съ Обручевымъ, заставить послѣдняго отмѣнять свои первыя распоряженія и входить съ новыми представленіями къ министрамъ иностранныхъ дѣлъ и военному, испрашивая указаній: какъ «въ данномъ случаѣ» поступить съ безпокойнымъ султаномъ?

Но генералъ Обручевъ своимъ донесеніемъ поставилъ канцлера въ самое затруднительное положеніе предъ императоромъ, такъ какъ графъ Нессельроде, основываясь на прежнемъ донесеніи генерала Обручева, *утромъ* того же дня всеподданнѣйше докладывалъ, что оренбургскій военный губернаторъ говоритъ о совершенной и безусловной покорности Кенисары, а *вечеромъ*— что «опасный мятежникъ угрожаетъ не только степи оренбургскихъ кайсаковъ, но даже и линіи», и что для пресѣченія его замысловъ нужно принятіе мѣръ «военныхъ и скорыхъ» и 14 т. руб. на поискъ. Два противорѣчащія представленія Обручева были получены канцлеромъ въ одинъ день—одно утромъ, другое вечеромъ.

Все это сбивало съ толку графа Нессельроде, который медлилъ иногда отвѣтомъ, ожидая: не получитъ ли онъ изъ Оренбурга болѣе спокойнаго и разъясняющаго донесенія; но надежды его не сбывались. Канцлеръ медлилъ, Обручевъ недоумѣвалъ, а Кенисара дѣйствовалъ съ успѣхомъ; почти вся Оренбургская степь, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, отложилась отъ Россіи и признала своимъ ханомъ султана Кенисару. Такому политику, какимъ былъ генералъ Обручевъ, исключительно посвящавшій всѣ свои помыслы и свободное время парадамъ и разводамъ съ церемоніей, некогда было додуматься, въ виду безпрерывно измѣнявшагося хода дѣла въ степи, что необходимо испросить себѣ полномочіе: дѣйствовать противъ Кенисары соображаясь съ обстоятельствами.

Отсюда ясна та трудность и продолжительность борьбы съ Кенисарой, которая приводила оренбургское начальство въ бѣшенство и отчаяніе и къ мѣрамъ и мечтамъ одна другой смѣшнѣе, одна другой нелѣпѣе. Когда Кенисара, совершенно свободный въ своихъ дѣйствіяхъ, безпрерывно переходилъ отъ явнаго мятежа къ мнимой покорности, генералъ Обручевъ терялся, становился въ тупикъ и гналъ въ Петербургъ курьера за курьеромъ, съ вѣчнымъ вопросомъ: что дѣлать? Разумѣется, что до разрѣшенія этого рокового вопроса военныя дѣйствія прекращались, и отряды или отзывались изъ степи на линію, или получали приказаніе, *не трогаясь съ мѣста* наблюдать за Кенисарою. Конечно, Кенисара, пользуясь перемиріемъ, снимался съ позиціи, и въ виду русскаго *наблюдательнаго* отряда уходилъ отъ него на другое невидимое мѣсто, гдѣ уже, разумѣется, оставшійся на прежней позиціи отрядъ нашъ не могъ никакъ слѣдить за Касимовымъ, теряя всякій смыслъ наблюдательнаго поста!..

Такъ въ Оренбургѣ ждали съ нетерпѣніемъ утвержденія канцлеромъ и военнымъ министерствомъ плана и необходимыхъ

расходовъ экспедиціи въ степь, которая должна была выступить перваго августа; но желаемаго разрѣшенія не было еще и въ концѣ іюля, ибо въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца въ Оренбургѣ былъ получень отвѣтъ канцлера лишь на пресловутое представленіе Обручева о прибытіи Кенисары въ Оренбургъ. Графъ Нессельроде высказалъ сомнѣніе на счетъ прибытія Кенисары въ Оренбургъ, или на линію, для переговоровъ съ генераломъ Генсомъ; но еслибы, сверхъ всякаго чаянія, продолжалъ онъ, мятежный султанъ дѣйствительно прибылъ въ Оренбургъ, то онъ просилъ, не принимая противъ Кенисары никакихъ мѣръ, тотчасъ-же — для полученія приказаній — довести о томъ до высочайшаго свѣдѣнія!

Только 3-го августа было получено въ Оренбургѣ письмо государственнаго канцлера, извѣщавшее о томъ, что императоръ Николай Павловичъ разрѣшилъ возобновить военныя дѣйствія противъ Кенисары, съ отнесеніемъ потребнаго для экспедиціи расхода на кибиточный сборъ; относительно же купли головы Кенисары графъ Нессельроде присовокупилъ: «особенныя мѣры, о которыхъ вы писали въ вашемъ ко мнѣ письмѣ, также одобряются и вы можете, въ случаѣ надобности, позаимствовать потребныя деньги изъ того же источника», т.-е. изъ кибиточнаго сбора.

Въ концѣ августа, отрядъ въ 1,800 человѣкъ, при четырехъ орудіяхъ, подъ главнымъ начальствомъ полковника Безянова, выступилъ, какъ предназначалось, съ двухъ пунктовъ, къ горѣ Айрюкъ (въ Мугоджерахъ) для дѣйствій противъ Кенисары. На пути слѣдованія къ экспедиціи присоединились султаны-правители восточной и западной частей, съ преданными имъ киргизами и находящимися въ ихъ распоряженіи казачьими отрядами; съ сибирской линіи также былъ двинутъ вспомогательный отрядъ, подъ начальствомъ полковника Кривоногова, человѣка, понимавшаго характеръ степной войны, и вообще говоря, талантливаго.

Отрядъ, выступившій изъ Орской крѣпости, за болѣзнью начальника, В. С. Лебедева, былъ ввѣренъ полковнику Дуниковскому, человѣку безпечному, неумѣлому и вмѣстѣ съ тѣмъ самонадѣянному до-нельзя. Такая замѣна ловкаго и отлично понимавшаго характеръ войны съ Кенисарою, В. С. Лебедева человѣкомъ малоспособнымъ, не предвѣщала хорошаго исхода открывшейся экспедиціи. Отряды наши двигались крайне медленно; блудили въ степи, по необходимости часто измѣняя маршрутъ — попадали не туда, куда нужно; но, наконецъ, кое-какъ соединились для совокупныхъ дѣйствій противъ мятежника. Было

сдѣлано нѣсколько поисковъ къ кочевкамъ Кенисары, но они не принесли желаемыхъ результатовъ; было, правда, отбито много скота, впослѣдствіи проданнаго въ Орской крѣпости, для вознагражденія изъ вырученной суммы пострадавшихъ отъ шаекъ Кенисары ордынцевъ, но самого султана захватить не могли.

Кенисара заставлялъ наши отряды гоняться за собою безъ устали, такъ что довелъ до полнаго изнуренія не только лошадей, бывшихъ въ обозѣ, но и подъ всадниками; завязавши, напр., перестрѣлку, онъ вдругъ снимался и начиналъ отступать, забирая съ собою все, что́ было для него необходимымъ. Казаки, будучи на изнуренныхъ лошадяхъ и въ пескахъ степи, не могли его преслѣдовать, а киргизы, бывшіе при султанахъ-правителяхъ, втайнѣ сочувствуя Кенисарѣ,—тоже не отличались ретивостью въ преслѣдованіи мятежныхъ скопищъ, отговариваясь изнуренностью лошадей. Къ этому надо прибавить, что ранняя, холодная и дождливая осень также благопріятствовала Кенисарѣ, и еще больше вредила и препятствовала нашимъ поискамъ. Въ половинѣ октября, т.-е. пробывши въ степи только $1^1/_2$ мѣсяца, отрядные начальники доносили въ Оренбургъ, что въ виду крайняго изнуренія людей и лошадей, а также и дурной погоды, поиски долѣе не могли продолжаться въ степи съ желаемымъ успѣхомъ, а потому просили позволенія отступить къ линіи. Совершенно въ томъ же духѣ получились пограничною коммиссіею донесенія султановъ-правителей.

Въ силу этихъ заявленій, отряды были отозваны изъ степи, и въ Оренбургѣ признали необходимымъ прекратить военныя дѣйствія до весны будущаго 1844-го года. А чтобы придать болѣе успѣха въ глазахъ ордынцевъ дѣйствію нашихъ отрядовъ въ степи, разосланы были черезъ султановъ-правителей, для распространенія между киргизами, объявленія, заключавшія въ себѣ описаніе какихъ-то будто бы блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ войсками оренбургскаго корпуса надъ Кенисарою, который, по выраженію объявленій, былъ совершенно уничтоженъ и въ безславномъ бѣгствѣ искалъ спасенія.

Далѣе говорилось, что киргизамъ теперь уже нечего бояться мятежнаго султана, и что они могутъ *смѣло*, оставивъ мятежника, «снова возвратиться *подъ власть русскаго правительства*». Но не такъ думали киргизы, знавшіе, что всѣ побѣды оренбургскихъ войскъ ограничивались на этотъ разъ лишь отбитіемъ значительной части скота, и то у приверженцевъ Кенисары.

Счастливѣе оренбургскихъ войскъ дѣйствовалъ начальникъ сибирскаго отряда, полковникъ Кривоноговъ; ему удалось, во время отсутствія Кенисары, напасть на аулы, съ которыми ко-

чевалъ султанъ, разбить ихъ и, послѣ продолжительной битвы, захватить въ плѣнъ двухъ родственниковъ Кенисары, его жену, Куныли-Джанъ и до тридцати дѣвицъ и женщинъ, состоявшихъ въ ея свитѣ.

Таковы послѣдствія осенней экспедиціи 1843-го года.

Вопреки ожиданій оренбургской администраціи, Кенисара не упалъ духомъ послѣ тѣхъ «блистательныхъ» побѣдъ, которыя были одержаны надъ нимъ, по выраженію генерала Обручева, войсками Оренбургскаго края, и въ наступившемъ 1844-мъ году началъ мятежъ еще съ января мѣсяца, тогда какъ прежде безпорядки въ степи возобновлялись лишь съ наступленіемъ весны. Такимъ образомъ мятежный султанъ доказывалъ ордынцамъ *дѣломъ*, а не *словомъ*, что мятежъ не только не усмиренъ, но, напротивъ, не прерывался, и что Кенисара, послѣ нанесенныхъ ему мнимыхъ пораженій, не считалъ себя обезсиленнымъ.

Кочуя съ осени 1843-го года въ окрестностяхъ горъ Улу-Тау и Кичи-Тау, мятежный султанъ въ продолженіи зимы взялъ съ япасцевъ въ зякетъ до 2,000 барановъ, 200 верблюдовъ и 200 лошадей; склонилъ перекочевать къ своимъ ауламъ батыря Табынскаго рода, Байкадама Бекъ-Аайдарова, котораго впослѣдствіи, за оказанныя услуги русскимъ отрядамъ, заковалъ и задержалъ при себѣ.

Затѣмъ, изъ ордынцевъ, кочующихъ по Сыръ-Дарьѣ близъ Акъ-мечети и Туркестана, собравши значительныя толпы мятежниковъ, произвелъ въ степи цѣлый рядъ насилій и грабительствъ.

Противъ Кенисары оренбургское начальство вынуждено было снарядить отрядъ изъ 1,600 человѣкъ, подъ командою подполковника Лебедева, отъ котораго предварительно похода были истребованы всѣ нужныя соображенія относительно предстоявшей экспедиціи: въ отношеніи состава отряда, продовольствія его въ походѣ и во время нахожденія въ степи, и, наконецъ, относительно плана, котораго желалъ бы держаться Лебедевъ при дѣйствіяхъ противъ Кенисары.

Лебедевъ, близко знакомый со степью и съ характеромъ степной войны, представилъ весьма дѣльныя соображенія относительно предстоявшаго ему похода. Главные пункты этихъ соображеній заключались въ слѣдующемъ: 1) Находя неудобнымъ дѣйствовать противъ Кенисары совокупными силами большого отряда, обремененнаго большимъ количествомъ грузовъ, Лебедевъ признавалъ за лучшее дѣйствовать противъ мятежниковъ на-легкѣ; для чего предполагалъ отрядъ раздѣлить на три ча-

сти и произвести одновременное нападеніе на аулы Кенисары съ трехъ сторонъ. 2) Для того, чтобы отряды могли двигаться въ степи сколь возможно поспѣшнѣе, такъ какъ быстрота движеній въ войнѣ съ Кенисарою обезпечивала успѣхъ дѣла, Лебедевъ предполагалъ замѣнить верблюдовъ, на которыхъ обыкновенно возился провіантъ,—лошадьми, устроивъ для возки провіанта, по особому рисунку, двухколесныя одноколки, которыя, по мнѣнію Лебедева, могли свободно двигаться по песчанымъ пространствамъ степи, безъ особеннаго изнуренія для лошадей, а во время нечаяннаго нападенія на отрядъ, Лебедевъ предполагалъ устраивать изъ нихъ родъ заваловъ или укрѣпленій, и 3) Отрядъ предполагалось составить изъ двухсотъ линейныхъ казаковъ, *не по очереди*, какъ это всегда дѣлалось, а *по способностямъ*, придать отряду три орудія конной артиллеріи и двѣсти-пятьдесятъ человѣкъ лучшихъ стрѣлковъ изъ пѣхоты, посаженныхъ на лошадей.

Въ заключеніе Лебедевъ убѣждалъ генерала Обручева, что такой отрядъ можетъ *съ успѣхомъ дѣйствовать* въ степи; не будучи обремененъ верблюдами, онъ получитъ возможность, не растягиваясь во время похода, быть всегда въ совокупности и дѣйствовать на-легкѣ противъ мятежника, преслѣдуя бунтовщиковъ по пятамъ.

Генералъ Обручевъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Лебедева, нашелъ однакожъ нужнымъ усилить этотъ отрядъ до 1,600 человѣкъ.

Раннею весною отрядъ выступилъ въ степь, но прежде, чѣмъ онъ могъ настигнуть мятежнаго султана, Кенисара произвелъ нѣсколько опустошительныхъ набѣговъ. Въ этотъ разъ особенно дѣятельное участіе оказывалъ Кенисарѣ тотъ самый Байкадамовъ, который въ началѣ бунта дѣйствовалъ заодно съ русскими отрядами, а теперь, устрашенный Кенисарою, перешелъ на его сторону. Между тѣмъ Лебедевъ быстро двигался по направленію къ ауламъ Кенисары, собирая дорогою всѣ нужныя ему свѣдѣнія; для чего онъ употреблялъ довольно оригинальный пріемъ, который, впрочемъ, нравился ордынцамъ. Обыкновенно Лебедевъ старался имѣть, по возможности, хорошихъ агентовъ изъ среды тѣхъ киргизовъ, которые когда-либо Кенисарою или кѣмъ-нибудь изъ его приверженцевъ были оскорблены и считали своею обязанностью мстить оскорбителямъ. Такіе агенты давали Лебедеву возможность, во-первыхъ, знать въ точности о силахъ Кенисары, о всѣхъ сочувствовавшихъ ему киргизскихъ родахъ и о мѣстахъ его кочевокъ; а во-вторыхъ, съ помощью этихъ же агентовъ, онъ могъ повѣрять, насколько были вѣрны

тѣ свѣдѣнія, которыя, за разныя почести и золото, доставляли русскому правительству мнимо-преданные Россіи ордынцы. По разсказамъ очевидцевъ, Лебедевъ приглашалъ къ себѣ въ кибитку тѣхъ изъ почетныхъ киргизовъ, на которыхъ указывало ему оренбургское начальство, какъ на преданныхъ Россіи, и, угощая чаемъ, разспрашивалъ ихъ, гдѣ находится Кенисара и много ли при немъ вооруженныхъ людей. Получавши отъ этихъ біевъ чаще всего совершенно ложныя свѣдѣнія, Лебедевъ, замѣчая ихъ ложь и коварность, поднимался съ своего мѣста, бралъ нагайку и собственноручно колотилъ солгавшаго, приговаривая при этомъ, гдѣ находится Кенисара и какими силами онъ располагаетъ; а затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ чаепитіе и разговоры со своими гостями. Такое обращеніе русскаго военачальника чрезвычайно какъ нравилось нашимъ степнякамъ, совпадая съ ихъ міровоззрѣніемъ, такъ что Лебедевъ вскорѣ пріобрѣлъ популярность между ордынцами, какъ лихой батырь и славный малый. Уваженіе и удивленіе къ Лебедеву возрасло еще болѣе, когда киргизы увидали, какъ онъ мастерски гонялся за лихимъ кайсацкимъ партизаномъ, настигая его всюду, несмотря на превосходство силъ Кенисары и на ловкость его увертокъ. Случалось такъ, что когда Лебедевъ, получивши извѣстіе, гдѣ находится Кенисара, на разсвѣтѣ снимался съ позиціи и двигался къ ставкѣ мятежника-султана, Кенисара, дѣлая полукругъ, переходилъ окольными, неизвѣстными Лебедеву дорогами на мѣсто почевки русскаго отряда. Но разъ познакомившись съ этимъ маневромъ, Лебедевъ никогда уже не упускалъ его изъ виду, и часто идя впередъ, по дорогѣ къ ауламъ Кенисары, онъ вдругъ возвращался назадъ или въ пути перемѣнялъ направленіе въ стороны и лицомъ къ лицу встрѣчался съ мятежникомъ. Кенисара сразу оцѣнилъ и понялъ русскаго военачальника, увидѣвши въ немъ не только опаснаго преслѣдователя, но даже и соперника по батырству. Поэтому онъ напрягалъ всѣ силы своего изворотливаго ума, чтобы избавиться отъ Лебедева, осторожность котораго лишила его возможности уничтожить русскій отрядъ нечаяннымъ нападеніемъ, а между тѣмъ послѣднія неудачи султана уменьшили его обаяніе между ордынцами, изъ которыхъ многіе увлекались искренно ловкостью и безкорыстіемъ русскаго начальника, такъ успѣшно дѣйствовавшаго противъ «непобѣдимаго отца величія»!

10-го іюня, по наущенію Кенисары, киргизы, преданные Байкадаму, въ числѣ 30-ти человѣкъ напали, близъ озера Ургачи, на посланныхъ Лебедевымъ двухъ киргизовъ съ почтою въ укрѣпленіе Николаевское, причемъ захватили конверты и одного кир-

гиза, а другой успѣлъ ускакать къ Лебедеву и донести ему о случившемся. Затѣмъ, въ ночь на 12-е іюня, тотъ же Байкадамъ, предводительствуя шайкою хищниковъ, отогналъ у киргизовъ аргынскаго рода 250 лошадей.

Такая двуличность Байкадама, игравшаго роль преданнаго русскому правительству киргиза, внушила Лебедеву мысль, для острастки ему подобныхъ, наказать его. Настигнувъ старшину Байкадама, русскій отрядъ разбилъ его на голову, захватилъ все его имущество и множество плѣнныхъ и скота; одинъ Байкадамъ успѣлъ скрыться. Отбитое имущество и скотъ были раздѣлены Лебедевымъ между пострадавшими отъ мятежныхъ шаекъ ордынцами, а оставшіяся за раздѣломъ лошади подарены были тѣмъ казакамъ, которые лишились подручныхъ лошадей въ поискахъ за Кенисарою.

13-го іюня, самъ Кенисара, предводительствуя скопищемъ до 700 человѣкъ, неожиданно разбилъ на рѣкѣ Аятѣ, близъ урочища Кара-Уба, 68 ауловъ киргизовъ кинчасскаго и япасскаго родовъ, въ томъ числѣ бія Алтыбашева отдѣленія Ямбурчина, многихъ другихъ кочевавшихъ тутъ біевъ, и дистаночнаго начальника Мурзабая Тычкайбаева, захватилъ у нихъ 2,998 лошадей, 854 верблюда, 102 головы рогатаго скота, 1,056 барановъ и ограбилъ 381 кибитку съ имуществомъ на сумму въ 153,320 руб. При этомъ убитъ одинъ киргизъ, нѣсколько человѣкъ ранено и трое увлечены въ плѣнъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ описанныхъ событій, когда Лебедевъ собирался открыть и наказать Кенисару, онъ былъ неожиданно лишенъ командованія отрядомъ и отозванъ въ Оренбургъ, гдѣ вскорѣ былъ преданъ суду, якобы за воровство и хищничество въ аулахъ мирныхъ киргизовъ.

Необъяснимая для Лебедева немилость къ нему оренбургскаго военнаго губернатора, стала для него ясною только по прибытіи въ Оренбургъ. Здѣсь, говоритъ преданіе, генералъ Обручевъ сказалъ отозванному и оскорбленному начальнику отряда: что его корыстное поведеніе въ степи, вопреки указаніямъ государственнаго канцлера, вынудило почтеннаго администратора отозвать Лебедева и предать его суду за *разграбленіе* ауловъ, столь *полезнаго* и такъ *преданнаго* русскому правительству старшины Байкадама, которому онъ велѣлъ уже возвратить все расхищенное русскимъ отрядомъ имущество. Говорятъ, что Лебедевъ отвѣчалъ на новыя и незаслуженныя оскорбленія генерала Обручева, что время и судъ оправдаютъ его поступокъ съ Байкадамомъ, который есть рьяный сподвижникъ Кенисары, а не слуга русскаго государя.

Мѣсто Лебедева въ отрядѣ занялъ безталанный Дуниковскій.

II.

Продолженіе безпорядковъ 1844 г. — Дѣйствія полковника Дуниковскаго противъ Кенисары. — Нападеніе мятежника на отрядъ 20-го іюля. — Набѣгъ Касимова на Екатерининскую станицу, захватъ плѣнныхъ и сожженіе Елизаветинскаго форпоста. — Осенніе безпорядки въ степи. — Донесеніе султана Кенисары предсѣдателю пограничной коммиссіи о причинахъ набѣга на станицу Екатерининскую.

Полковникъ Дуниковскій, какъ (въ большинствѣ случаевъ) всякій новый начальникъ, не желая слѣдовать примѣру или плану Лебедева, хотѣлъ дѣйствовать въ степи *по своему*; онъ, разумѣется, тотчасъ началъ устранять важныя, по его мнѣнію, несовершенства его предшественника. Преобразованія въ отрядѣ начались тѣмъ, что одноколки, изобрѣтенныя Лебедевымъ для ускоренія движеній отряда, признаны были Дуниковскимъ неудобными и замѣнены, по завѣщанію рутины, верблюдами. Подобная замѣна сразу замедлила движеніе отряда и растянула его весьма значительно. Затѣмъ агенты лебедевскіе были частію устранены, а частію устранились сами, видя излишнюю щекотливость и требовательность новаго русскаго военно-начальника. Дуниковскій рѣшилъ, что, такъ-называемые, преданные русскому начальству почетные біи и киргизы будутъ ему полезнѣе бывшихъ лебедевскихъ агентовъ. По его требованію, къ нему въ отрядъ было назначено значительное число султановъ, султанскихъ дѣтей, біевъ и другихъ почетныхъ ордынскихъ людей. Дуниковскій изобрѣлъ иной планъ дѣйствій въ степи, чѣмъ тотъ, котораго держался Лебедевъ. Тогда, какъ по мнѣнію Лебедева успѣхъ въ степи русскихъ отрядовъ обусловливался быстротою передвиженій и внезапнымъ нападеніемъ на аулы мятежныхъ киргизовъ, новый начальникъ думалъ напротивъ, что сгруппированный отрядъ можетъ сдѣлать въ степи больше, чѣмъ мелкіе отряды, дѣйствующіе врозь, и потому стянулъ всѣ силы подъ личное начальство; затѣмъ, ему вообразилось составить авангардъ своего отряда изъ находившихся при немъ султановъ и почетныхъ ордынцевъ, который долженъ былъ слѣдовать впереди отряда, въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ, и, вліятельностью личностей, его составлявшихъ, покорять, безъ кровопролитія, русской власти отложившіеся аулы.

Пока Дуниковскій «налаживался», какъ выражается одинъ изъ современниковъ-очевидцевъ, для дѣйстій противъ Кенисары, бунтъ ожесточался и набѣги продолжались. Такъ, 30-го іюня, на за-

катѣ солнца, хищники изъ шайки брата Кенисары, султана Наурузбая, числомъ до тысячи, захватили на рѣкѣ Тобилѣ, при урочищѣ Тепловскомъ, въ 90 верстахъ отъ крѣпости Усть-Уйской, шесть человѣкъ крестьянъ Челябинскаго уѣзда, прибывшихъ туда для рыболовства. Одному изъ схваченныхъ, во время ночлега хищниковъ, удалось бѣжать и принести извѣстіе на линію объ участи, постигшей его товарищей. Вслѣдъ затѣмъ, ночью съ 2-го на 3-е іюля, шайка воровъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго сообщника Касимова, киргиза Уколы, угнала у бія япасскаго рода Карагузова отдѣленія, Нысака Алтыбаева и другихъ киргизовъ, кочевавшихъ за р. Аятомъ въ окрестностяхъ урочища Алакуль, въ числѣ 140 кибитокъ,—1,849 лошадей; при этомъ тяжело ранено два киргиза. На другой день, т.-е. 3-го іюля, предъ солнечнымъ закатомъ самъ султанъ Наурузбай Касимовъ съ приверженцами бросились на аулы султана Чутая Бахтыгиреева и киргизовъ кирейскаго рода, кочевавшихъ при озерѣ Джарѣ-Кулѣ въ числѣ 193-хъ кибитокъ, и захватили 5,194 лошади, изъ числа же выбѣжавшихъ для обороны хозяевъ убили двухъ киргизовъ, нѣсколькихъ человѣкъ ранили и увлекли въ плѣнъ султана Чутая, котораго, нѣсколько позже, отпустили съ р. Тобола совершенно ограбленнаго.

Какъ ни медленно двигался полковникъ Дуниковскій съ своими султанскимъ авангардомъ и верблюжьимъ арьергардомъ, однакожъ, все-таки, около половины іюля приблизился къ ауламъ Кенисары не болѣе двухъ переходовъ.

Полная безпечность и мнимая покорность встрѣчавшихся на пути ауловъ, еще болѣе укрѣпляли Дуниковскаго въ резонности изобрѣтеннаго имъ способа — покорять непокорныхъ вліяніемъ лицъ, составлявшихъ его авангардъ. Между тѣмъ Кенисара не дремалъ, и собравши отъ мнимо-покорныхъ киргизовъ всѣ нужныя для его соображеній свѣдѣнія о числѣ отряда и личныхъ качествахъ его начальника (къ которымъ прежде всего слѣдуетъ отнести изумительную небрежность, безпечность, самонадѣянность и крайне презрительное отношеніе къ противнику) выжидалъ удобной минуты, чтобы дать ему хорошій урокъ. Минута эта скоро настала. 20-го числа Дуниковскій расположился лагеремъ около вершины Тобола, выставивши, по обыкновенію, чиновный авангардъ въ $1^1/_2$ верстѣ отъ лагеря и, не пославъ разъѣздовъ, не поставивъ пикетовъ, расположился на ночлегъ. Въ ночь, когда весь отрядъ спалъ безпечнымъ сномъ младенца, купно съ мудренымъ Дуниковскимъ, Кенисара напалъ на лагерь, перерѣзалъ всѣхъ султановъ, ихъ дѣтей, біевъ и почетныхъ ордынцевъ

чиновнаго авангарда, и, оставивъ изъ нихъ въ живыхъ только 20 человѣкъ раненыхъ, вернулся въ степь. Когда казаки вооружились, Кенисара уже былъ далеко. Отрядъ, двинутый растерявшимся Дуниковскимъ, имѣлъ въ виду отступавшаго султана только 9 часовъ, а затѣмъ, какъ говорилось въ донесеніи, «по причинѣ утомленія лошадей и всадниковъ опустилъ его изъ виду». Семействамъ султановъ, погибшихъ неповинно или по винѣ Дуниковскаго въ этомъ дѣлѣ, покойный государь даровалъ пожизненныя пособія, какъ бы въ награду за понесенную потерю.

Ошеломленный дерзкою смѣлостью ничтожнаго мятежника, преемникъ Лебедева рѣшительно сталъ въ тупикъ; онъ желалъ загладить свой промахъ конечнымъ истребленіемъ мятежныхъ скопищъ Кенисары, но не зная гдѣ найти его, бросался въ разныя стороны широкой степи, и совершенно безуспѣшно. Въ то время, когда сконфуженный Дуниковскій искалъ Кенисару, удаляясь въ глубь степи, по указанію преданныхъ ему киргизовъ, мятежный султанъ, на оборотъ, приближался къ линіи и 14-го августа напалъ на отрядъ Екатерининскій и форштатъ Елизаветинскій, что́ на новой линіи, выжегъ ихъ и захвативши, по русскому донесенію, болѣе сорока плѣнныхъ, а по сознанію самого Кенисары — до 120 человѣкъ, благополучно отступилъ.

Отсюда опасность переходила къ Наслѣдницкой станицѣ и другимъ пунктамъ новой линіи, жители которой находились въ страхѣ и за свою жизнь и за свое имущество. Полковникъ Данилевскій, получившій извѣстіе о нападеніи Кенисары на Екатерининскую станицу, живо собралъ свой полкъ и выступилъ въ степь для поисковъ за хищниками, но возвратился безъ всякаго успѣха.

Злосчастный же Дуниковскій, соединившись съ сибирскимъ отрядомъ, старался догнать Кенисару около Эмбы, но тоже безуспѣшно; здѣсь, получивши весьма сомнительныя свѣдѣнія, что Кенисара будто бы идетъ къ Аральскому морю, повернулъ свой отрядъ и отступилъ къ Орской крѣпости (что нынѣ городъ), откуда 23-го сентября отрядъ Дуниковскаго былъ распущенъ по домамъ.

Ни одинъ поискъ въ степь не кончился такъ безуспѣшно и такъ неблагопріятно для русскихъ, какъ Дуниковскаго. Погибель султановъ отъ руки мятежнаго Кенисары въ глазахъ русскаго отряда, долженствовавшаго оберегать ихъ жизнь и имущество и оказывать покровительство преданнымъ Россіи киргизамъ, нанесла сильный ударъ русскому авторитету въ глазахъ

мирныхъ ордынцевъ и умножила страхъ и уваженіе ихъ къ непобѣдимому хану. Безусловное отступленіе русскаго отряда, конечно, придало еще болѣе дерзости Кенисарѣ, и шайки его продолжали набѣги. Такъ, 19-го августа, приверженные Кенисарѣ киргизы, пріѣхавъ къ кочевавшимъ на рѣкѣ Бараганды, чумекесвцамъ, схватили прикащика орскаго купца Адамова, привезли его къ Кенисарѣ и взыскавъ 500 р. въ пошлину отпустили съ тѣмъ, чтобы онъ ѣхалъ къ боганалинцамъ, перешедшимъ внутрь за новую линію, и сказалъ послѣднимъ, что если только они добровольно не присоединятся къ Кенисарѣ, то будутъ непремѣнно разграблены, такъ какъ ханъ Касимовъ рѣшился, во что бы то ни стало, истребить и выжечь всю новую линію, какъ «безправно построенную на киргизскихъ земляхъ».

Въ ночь на 20-е августа приверженцы Кенисары, до 6-ти тысячъ человѣкъ, подъ предводительствомъ батыря Джилы, напали на аулъ бія алчинскаго рода Куватова, отбили всѣхъ лошадей, съѣстные припасы и заставили самихъ алчинцевъ удалиться въ глубь степи, для соединенія съ мятежными шайками. Исполняя это повелѣніе, алчинцы, на пути къ кенисаринскому скопищу, обмолотили и увезли съ собою нажатый киргизами джигалбайлинскаго рода хлѣбъ, а оставшійся на корнѣ выбили и потравили скотомъ. Въ промежутокъ времени отъ 14-го августа по 21-е сдѣлано было еще нѣсколько нападеній на аулы мирныхъ киргизовъ, и много отбарантовано скота. Двадцать перваго числа въ Оренбургѣ получено было извѣстіе, что самъ Кенисара, подвигаясь отъ новой линіи внизъ и находившись съ многочисленнымъ скопищемъ бунтовщиковъ близъ рѣчки Каратугая (отстоящей отъ Куралинскаго пикета въ 100 верстахъ), захватилъ принадлежавшій купцу Дѣеву скотъ и сжегъ заготовленное мирными киргизами сѣно, въ скорости удалился въ глубь степи.

Впрочемъ, прежде чѣмъ удалиться отъ предѣловъ русской линіи, Кенисара прислалъ письмо на имя предсѣдателя пограничной коммиссіи, въ которомъ объяснялъ причины, побудившія его къ набѣгамъ на линію. Въ этомъ письмѣ всю вину своихъ непріязненныхъ поступковъ Кенисара сваливалъ на оренбургское и сибирское начальства. «Прежде всего—говоритъ мятежный султанъ—когда мы, исполняя волю высшаго начальства, прикочевали къ оренбургской линіи, на насъ наѣхалъ маіоръ Лебедевъ, отрядъ котораго, какъ объяснилъ онъ намъ, былъ высланъ не противъ насъ, но для прикрытія съемочныхъ партій, но все же мы возъимѣли сомнѣніе; затѣмъ, сибирскій отрядъ

напалъ на кочевья нашего брата и увлекъ многихъ въ плѣнъ, а еще большее число разграбилъ. Наконецъ тѣ же сибиряки напали, въ наше отсутствіе, на аулы наши и увлекли въ плѣнъ жену нашу и двухъ родственныхъ султановъ. Убѣждаясь изъ всего этого, что милость, объявленная намъ государемъ, недѣйствительна, мы сами вооружились и выжгли русскую станицу, захвативъ много людей въ плѣнъ, которыхъ готовы отпустить, если намъ будетъ обѣщано возвращеніе въ орду всѣхъ нашихъ родственниковъ, захваченныхъ въ разное время русскими отрядами» и т. д. въ этомъ же родѣ.

Причины, выставленныя Кенисарою, и на этотъ разъ показались убѣдительными и тѣмъ болѣе могли служить ему въ оправданіе, что дѣйствительно сибирскій отрядъ, безъ всякой очевидной надобности, первый открылъ военныя дѣйствія нападеніемъ на аулъ брата Кенисары, въ то время, когда тотъ, повидимому, оставался совершенно спокоенъ и откочевывалъ уже отъ Сибирской линіи въ Оренбургскую степь.

Принимая въ соображеніе это обстоятельство и убѣждаясь безполезностью поисковъ, оренбургскій военный губернаторъ поручилъ предсѣдателю пограничной коммиссіи войти въ переписку съ Кенисарою, а письма его, съ просьбою объ освобожденіи его жены, дяди и другихъ родственниковъ задержанныхъ въ Оренбургѣ и въ Сибири, представить къ канцлеру на заключеніе.

Исполняя порученіе генерала Обручева, управлявшій киргизами М. В. Ладыженскій написалъ къ мятежному султану весьма убѣдительное письмо, въ которомъ говорилъ, что однихъ обѣщаній для полученія Кенисарою прощенія недостаточно, но что ему слѣдуетъ доказать свою покорность дѣломъ, и что лучшимъ доказательствомъ его раскаянія можетъ послужить возвращеніе Касимовымъ всѣхъ, находящихся у него въ плѣну русскихъ. «Тогда, говорилось далѣе въ письмѣ, правительство наше увидитъ не одни слова, столько разъ бывшія пустымъ звукомъ въ устахъ степеннаго султана, но существенное доказательство его искренняго раскаянія въ своихъ проступкахъ, и навѣрное исполнитъ всѣ его просьбы».

Слѣдствіемъ этого письма было возвращеніе Кенисарою, въ концѣ 1844-го года, всѣхъ русскихъ, захваченныхъ имъ въ разное время.

III.

Война Бухары съ Коканомъ и Хивою, какъ причина, заставившая на время Кенисару искать мира съ русскими.—Признаніе Кенисары ханомъ владѣтелями средне-азіатскихъ ханствъ; посольства и подарки послѣднихъ къ Кенисарѣ.

Продолжительная и ожесточенная война, охватившая весь Туркестанъ, невольно превлекла къ себѣ вниманіе Кенисары, и это отчасти было поводомъ, что Кенисара искалъ мира съ русскими и такъ поспѣшно исполнилъ желаніе оренбургскаго начальства отпускомъ плѣнныхъ. Онъ тѣмъ болѣе нуждался въ мирѣ, что распря средне-азіатскихъ владѣльцевъ, обращавшихся поочередно къ нему за помощью, могла послужить прекраснымъ поводомъ къ удовлетворенію его честолюбія.

Бухарскій эмиръ, покорившій Коканъ, навелъ страхъ на хивинскаго хана, который, опасаясь возрастающаго могущества бухарскаго владѣльца, требовалъ отъ послѣдняго очищенія занятыхъ войсками его коканскихъ провинцій и возстановленія въ правахъ коканскаго хана, угрожая въ противномъ случаѣ войной. Послѣдовавшій со стороны Бухары отказъ послужилъ поводомъ къ разрыву между помянутыми владѣльцами. Завязалась продолжительная война, доведшая Хиву до крайняго истощенія.

Въ тотъ моментъ, когда совершались описываемыя нами событія, распря эта находилась въ слѣдующемъ положеніи.

Война Бухары съ Хивою продолжалась; перемирія заключались очень часто и послы обоихъ владѣній то и дѣло переѣзжали изъ Хивы въ Бухару и наоборотъ.

Въ сентябрѣ 1844-го года Рахимкулъ (хивинскій ханъ), съ 10,000 сборнаго войска (изъ трухменцевъ и каракалпаковъ) выступилъ противъ города Маври и кочующихъ въ окрестностяхъ его туркменцевъ, но чрезъ мѣсяцъ возвратился въ Хиву съ значительнымъ урономъ. Въ то время въ Хивѣ находился бухарскій посолъ, который 10-го ноября возвратился въ Бухару въ сопровожденіи посла хивинскаго, отправленнаго съ предложеніемъ мирныхъ условій. Условія эти остались тайною дивана, но за всѣмъ тѣмъ миръ казался неизбѣжнымъ и хивинскій купеческій караванъ изъ 1,000 верблюдовъ самонадѣянно выступилъ въ Бухару по настоянію самого Рахимкула; но на пути узнавъ о новыхъ разбояхъ шаекъ туркменскихъ, ограбившихъ впереди шедшій караванъ изъ Хезарасба (Азарыса), возвратился по вызову хана и прибылъ обратно въ Хиву 1-го декабря. Рахимкулъ, видя въ дѣйствіяхъ «маврскихъ трухменцевъ» происки бухарскаго эмира, выслалъ 11-го января къ границамъ его

5,000-й отрядъ, подъ предводительствомъ Инака, который въ теченіи мѣсяца разорилъ городокъ Акъ-Каля (Кара-Кулчъ), ограбилъ каракалпаковъ. захватилъ до 1 т. женщинъ съ дѣтьми, угналъ до 500 верблюдовъ и возвратился 11-го февраля, потерпѣвъ съ своей стороны очень мало. Плѣнные были розданы жителямъ Хивы и употреблялись въ тяжкія работы, при самомъ скудномъ содержаніи. Между тѣмъ, 18-го января пріѣзжалъ въ Хиву новый бухарскій посолъ, съ нимъ возвратились два хивинскіе посланника, изъ которыхъ одинъ былъ посылаемъ въ Коканъ, но на пути слѣдованія перехваченъ и задержанъ бухарцами. Въ февралѣ мѣсяцѣ и этотъ посолъ выѣхалъ обратно въ Бухару въ сопровожденіи новаго хивинскаго посланника съ новыми предложеніями мира. На этотъ разъ условія со стороны Бухары были слѣдующія:

1) Хива должна была возвратить плѣнныхъ и все ихъ имущество; 2) не покровительствовать коканцамъ и оставить всякіе виды на Коканъ и Ташкентъ, несмотря на приглашенія съ ихъ стороны и 3) Маври Бухарія уступаетъ Хивѣ.

Со стороны Хивы:

1) Бухарія не должна требовать возврата плѣнныхъ; 2) уступить Маври, какъ принадлежность Хивы и не возмущать «трухменцевъ» и 3) оставить Коканъ и Ташкентъ управляться своимъ ханомъ, независимо отъ Бухары.

Такія противуположныя требованія не предвѣщали Хивѣ скораго мира, и потому война продолжалась.

Разорительные раздоры Бухары съ Хивой и Коканомъ истощали силы и финансы всѣхъ воюющихъ сторонъ, и въ особенности Хивы, которая видимо ослабѣла и обѣднѣла отъ продолженія борьбы; лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить тягостный поголовный налогъ (въ сентябрѣ 1844 г.), предшествовавшій снаряженію экспедиціи противъ маврійскихъ туркменцевъ. Всѣ эти обременительные налоги вызывали ропотъ хивинскихъ подданныхъ, опасавшихся новаго нашествія бухарцевъ.

Со стороны Персіи тоже грозила опасность Хивѣ, ибо посолъ первой, пріѣзжавшій въ августѣ 1844-го года съ требованіемъ шаха объ освобожденіи изъ Хивы плѣнныхъ персіянъ и получившій отказъ, грозилъ гнѣвомъ своего шаха и дружественнаго ему россійскаго двора.

Война окончательно разстроила торговлю Хивы; сношенія съ сосѣдними торговыми пунктами прекратились. Торговля же Бухары напротивъ замѣтно оживилась за это время, особенно значительнымъ ввозомъ на ея рынки англійскихъ шерстяныхъ

и пеньковыхъ товаровъ, вытѣснившихъ дешевизною цѣнъ русскихъ купцовъ. Товары эти доставлялись на бухарскіе рынки англійскими коммиссіонерами изъ афганцевъ и персіянъ чрезъ Кабулъ и Мешедъ.

Хивинскіе сановники, окружавшіе Рахимкула, отличаясь корыстолюбіемъ и варварской жестокостью, вызывали народный ропотъ и грозили вызвать, вдобавокъ къ опасности внѣшней, бунтъ внутри ханства.

Въ эти-то критическія минуты къ Кенисарѣ были посылаемы отъ средне-азіатскихъ хановъ посольства, съ дорогими подарками, съ просьбой оказать каждому свое содѣйствіе; при этомъ каждый изъ враговъ спѣшилъ признать Кенисару ханомъ киргизскихъ ордъ. Бухарскій эмиръ прислалъ Кенисарѣ 60 ружей, 15 горныхъ пушекъ и боевые снаряды. Хивинскій владѣлецъ прислалъ 15 лучшихъ аргамаковъ, два золотомъ залитыхъ сѣдла, также двѣ пушки и нѣсколько верблюдовъ, изъ которыхъ два были навьючены порохомъ; тотъ и другой, утверждая Кенисару ханомъ, искали его союза. Хивинскій владѣлецъ, кромѣ того, дозволилъ мятежному султану покупать и вымѣнивать въ Хивѣ оружіе и боевые запасы, а также разрѣшалъ ему избрать любое мѣсто для своихъ кочевокъ въ хивинскихъ предѣлахъ, но съ тѣмъ, чтобы какъ Кенисара, такъ и всѣ русскіе киргизы не позволяли русскимъ строить въ степи укрѣпленій. Кенисара благосклонно принялъ обоихъ посланцевъ, подарилъ каждому хану по казаку (изъ числа захваченныхъ имъ съ Сибирской линіи), но относительно союза далъ весьма уклончивый отвѣтъ обоимъ ханствамъ. Такое поведеніе Касимова объясняется его болѣзненнымъ честолюбіемъ; онъ надѣялся, что продолжающаяся распря доведетъ средне-азіатскихъ владѣльцевъ до крайняго истощенія и безсилія, пользуясь которымъ онъ безъ труда займетъ растерзанный Коканъ, объявитъ себя его ханомъ и, обезсиленные продолжительною войною сосѣди его, властители Бухары и Хивы, поневолѣ, изъ личной безопасности, должны будутъ признать его въ этомъ званіи.

Преслѣдуя эту цѣль и желая для того не только сберечь, но даже и увеличить свои силы, Кенисара настойчиво искалъ мира съ русскими, посылая въ Оренбургъ письмо за письмомъ, въ которыхъ, со всей искренностью, сознавшаго свои проступки заблуждавшагося человѣка — просилъ о помилованіи.

Въ Оренбургѣ письма мятежнаго султана произвели сильное впечатлѣніе и военныя дѣйствія на время прекратились....

Ожидали указаній государственнаго канцлера.

IV.

1845-й годъ.—Русское посольство къ Кенисарѣ.—Прокламація по этому поводу генерала Ладыженскаго.—Заботливость Обручева о приданіи возможно-бо́льшаго этикета посольству.—Чиновникъ Долговъ въ качествѣ главнаго посла и его товарищи: докторъ Майдель и поручикъ Гернъ, командированные съ учеными цѣлями въ аулы Кенисары.—Пріемъ Долгова и холодность Кенисары.—Участь Герна и увольненіе обоихъ посланниковъ.—Возобновленіе безпорядковъ [1]).

Кенисарѣ рѣшительно повезло, и 1845-й годъ можно назвать годомъ его наибо́льшей славы и величія; прежде гордые, надменные съ нимъ средне-азіатскіе ханы, у которыхъ онъ искалъ убѣжища, теперь заискивали наперерывъ его расположенія, дружбы и союза. Ташкентскіе киргизы, бывшіе доселѣ заклятыми врагами султановъ изъ рода хана Аблая, теперь несли повинную голову къ ногамъ Кенисары, и, ища въ немъ защитника, отдавались ему въ подданство!

Въ это-то самое время, когда Кенисара сдѣлался чуть не идоломъ киргизскаго народа, генералъ Обручевъ рѣшился внезапно прекратить военныя дѣйствія (какъ бы жалѣя, одною удачною битвою, уничтожить величіе мятежнаго султана), и вступилъ съ нимъ въ переговоры.

Кенисара видимо смѣялся надъ Обручевымъ; но всѣ его плохо замаскированныя выходки приписывались хитроумнымъ политикомъ или «неразвитости», или «дикости» степняка и принимались за чистую монету. Между прочимъ стоило только сличить письма, прежде писанныя Кенисарою въ Оренбургъ, съ теперь получаемыми, чтобы изъ одного ихъ заглавія, не говоря уже объ ироническомъ тонѣ, которымъ отличались послѣднія посланія мятежника къ Обручеву, убѣдиться, что Касимовъ просто смѣялся надъ излишней довѣрчивостью оренбургскаго военнаго губернатора. Для доказательства сказаннаго приведемъ (конечно, въ сокращенномъ видѣ) содержаніе двухъ послѣднихъ его писемъ къ Обручеву, озаглавленныхъ такъ: «Проживающему въ Оренбургѣ генералу», вмѣсто употреблявшихся имъ обыкновенно почетныхъ титуловъ въ сношеніяхъ съ оренбургскими властями.

Первое изъ упомянутыхъ писемъ говорило о томъ, что Ке-

---

[1]) Дѣло арх. Тургайской области о командированіи по высочайшему повелѣнію чиновника Долгова въ аулы мятежнаго султана Кенисары для политическихъ съ нимъ переговоровъ.—Дѣла генералъ-губернаторской канцеляріи о безпорядкахъ въ степи. 1845—47 годъ.—Дѣло штаба оренб. отд. корпуса о командированіи ген. штаба поручика Герна въ аулы Кенисары для ученыхъ цѣлей.

нисара, названный Обручевымъ въ сравненіи съ русскимъ императоромъ «ничтожнымъ степнымъ жаворонкомъ», сомнѣвался, чтобы «рѣка милостей, изливающаяся изъ отечески-добраго сердца великаго государя многоводнымъ потокомъ на всю обширную Россію, могла изсякнуть, если онъ (Кенисара) малый, ничтожный, степной жаворонокъ лишній разъ изопьетъ изъ нея водицы милости,—льющейся изъ сердца царя царей». А потому Кенисара настойчиво требовалъ ходатайства оренбургскаго военнаго губернатора объ его прощеніи. Когда же Обручевъ, въ виду его мнимаго раскаянія, съ радостью изъявилъ свою готовность принять мятежнаго султана подъ свое покровительство и въ доказательство своей дружбы и расположенія къ нему увѣдомилъ мятежника, что всѣ его родственники будутъ возвращены въ орду, Кенисара прислалъ другое письмо, въ которомъ писалъ: что онъ желаетъ быть принятымъ подъ *покровительство* оренбургскаго начальства, изъявляетъ готовность принять присягу бѣлому царю и обѣщаетъ, со всею вооруженною шайкою своею, являться къ намъ для содѣйствія въ нашихъ военныхъ предпріятіяхъ, *но съ тѣмъ*, чтобы и мы его въ нуждѣ не оставляли; а для доказательства искренности нашей къ нему дружбы, соединили бы нынѣ же войска наши съ его войсками и пошли войною на князя Горчакова (зап.-сибирскаго генер.-губернатора), потому что «князь этотъ его сильно обижаетъ и грабитъ»!

Хотя смыслъ приведеннаго письма очень ясно указывалъ на то, что Кенисара не искалъ подданства, а только вассальной зависимости отъ Россіи, желая сохранить званіе хана, и въ Оренбургѣ не могли не знать, что Касимовъ отлично понималъ невозможность войны двухъ русскихъ администраторовъ между собою, а писалъ это лишь ради того, чтобы выиграть время и задержать возобновленіе военныхъ дѣйствій въ степи; но Обручевъ, отуманенный скорымъ возвращеніемъ Кенисарою русскихъ плѣнныхъ, по первому его требованію, охотно вѣрилъ Кенисарѣ на слово, приписывая нелѣпость его желанія неразвитости степного султана, для вразумленія котораго онъ снаряжалъ посольство.

Въ январѣ 1845-го года было получено письмо отъ государственнаго вице-канцлера, гдѣ Нессельроде писалъ,—по поводу представленія генерала Обручева о возвращеніи Кенисарою всѣхъ русскихъ плѣнныхъ и о его покорности:

«При внимательномъ обсужденіи изложенныхъ въ представленіи вашемъ обстоятельствъ, министерство иностранныхъ дѣлъ съ своей стороны находило: что хотя нельзя еще вполнѣ полагаться на раскаяніе султана Кенисары Касимова, но на-

стоящій поступокъ его,—возвращеніе болѣе 30 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ и безусловное исполненіе воли начальства, — даетъ основательныя причины полагать, что при дальнѣйшихъ стараніяхъ и продолжая тѣже благоразумныя мѣры, которыя были употреблены, и которыя произвели въ немъ столь неожиданный переворотъ, можно еще надѣяться привести сего султана въ должное повиновеніе и такимъ образомъ достигнуть желаемой цѣли: — прекращенія безпорядковъ въ Ордѣ, не прибѣгая къ мѣрамъ усиленнымъ, требующимъ значительныхъ пожертвованій и остающихся большею частью *безъ успѣха.* А потому министерство признавало бы полезнымъ: продолжая начатое дѣло убѣжденія, предоставить предсѣдателю пограничной коммиссіи написать отъ своего имени отвѣтное письмо къ Кенисарѣ Касимову и сдѣлать ему въ семъ письмѣ внушенія, — какія по ходу дѣлъ и обстоятельствамъ найдены будутъ нужными, и съ достоинствомъ правительства сообразными».

Далѣе говорилось о возвращеніи Кенисарѣ, въ видѣ уступки, всѣхъ родственниковъ его, захваченныхъ русскими отрядами въ разное время; возвращеніе каковыхъ казалось канцлеру тѣмъ удобоисполнимѣе, «что задержаніе ихъ доселѣ нисколько не останавливало его (Кенисару) отъ враждебныхъ поступковъ, тогда какъ оказанное во́ время великодушіе, быть можетъ, произведетъ на него благопріятное вліяніе».

Затѣмъ канцлеръ предлагалъ увѣдомить чрезъ генерала Ладыженскаго Кенисару о возвращеніи его родственниковъ, причемъ вмѣнялось въ томъ же письмѣ объяснить раскаявшемуся султану: «что воля правительства состоитъ въ томъ, чтобы онъ не тревожилъ мирныхъ киргизовъ, не возбуждалъ ихъ ни тайно, ни явно противъ законнаго начальства, и не причинялъ бы никакихъ насилій и остановокъ проходящимъ чрезъ степь караванамъ; — однимъ словомъ, дать понять Кенисарѣ, что скорая, безусловная и чистосердечная покорность правительству есть для него самое лучшее и самое вѣрное средство для полученія прощенія въ прежнихъ противузаконныхъ его дѣйствіяхъ».

Относительно опредѣленія мѣста кочевокъ Кенисары, канцлеръ совѣтовалъ не стѣсняться прежнимъ проектомъ генерала Генса, и предоставлялъ отводъ земли усмотрѣнію новаго пограничнаго начальства, а также торопилъ генерала Обручева, не ожидая возвращенія въ Сибири находящихся родственниковъ Кенисары, которые не скоро могли прибыть въ Орскую крѣпость, теперь же отправить отвѣтное письмо къ нему съ тѣми киргизами, которые содержались въ Оренбургѣ и изъ которыхъ главные были: дядя мятежнаго султана — султанъ Коробай и преданнѣйшій слуга и

сообщникъ Кенисары Худжа-Мухамедъ-Галій-Уемоновъ; послѣдній, будучи одаренъ особеннымъ умомъ, происходя, по киргизскому выраженію, отъ бѣлой кости (дворянинъ), наконецъ, находясь въ родствѣ съ извѣстными на линіи ордынцами и имѣя большое вліяніе на киргизовъ и на самого Кенисару, могъ, по мнѣнію канцлера, «въ настоящихъ обстоятельствахъ быть полезнымъ для насъ орудіемъ».

Какъ только было получено въ Оренбургѣ приведенное предписаніе, то тотчасъ же приступили къ составленію и отправленію посольства въ аулы мятежнаго Кенисары. Главнымъ посломъ былъ избранъ и назначенъ киргизскій попечитель Долговъ, которому дана была особая, очень пространная и довольно дѣльная инструкція, какъ поступить съ Кенисарою и чего добиваться отъ него, послѣ взаимныхъ любезностей и врученія султану своихъ кредитивныхъ грамотъ, т.-е. писемъ генераловъ Обручева и Ладыженскаго, а также особой записки, долженствовавшей разъяснить Кенисарѣ его обязанности къ Россіи, послѣ принятія его въ подданство.

Къ посольству были прикомандированы докторъ Майдель и генеральнаго штаба поручикъ Гернъ; послѣдніе два имѣли ученыя порученія: первый изъ нихъ, докторъ Майдель имѣлъ познакомиться съ степнымъ климатомъ, гигіеническими условіями киргизской кочевой жизни, пищею, болѣзнями, господствующими между ордынцами, ихъ лечебными средствами, туземными врачами-знахарями, а также способами и средствами, употребляемыми послѣдними при леченіи разныхъ болѣзней.

Герну, также какъ и Долгову, дана была особая инструкція, главные пункты которой заключались въ слѣдующемъ:

а) Узнать сущность намѣреній Кенисары; б) разъяснить (?) ему нелѣпость его желанія воевать въ союзѣ съ нами противъ князя Горчакова; в) стараться возбудить въ немъ интересъ къ сближенію съ нами и исподволь узнать о его военныхъ силахъ и средствахъ. Кромѣ того, Герну, подъ величайшимъ секретомъ, было предписано избрать два мѣста для возведенія укрѣпленій на рѣкахъ Иргизѣ и Тургаѣ.

Долговъ и Майдель отправились еще зимою, а Гернъ остался въ Оренбургѣ, въ ожиданіи прибытія туда изъ Сибири освобожденной султанши Кулымъ-Джанъ, для сопровожденія въ аулы ея мужа, какъ доказательство особенной къ нему милости россійскаго правительства.

Отправленіе поименованныхъ лицъ въ аулы мятежнаго султана, по высочайшему повелѣнію, для политическихъ съ нимъ пере-

говоровъ (какъ гласитъ дѣло) не обошлось безъ препирательства въ средѣ оренбургской администраціи.

Генералъ Ладыженскій, новый предсѣдатель пограничной коммиссіи, управлявшій до перевода въ Оренбургъ сибирскими киргизами, имѣя случай и возможность близко познакомиться съ характеромъ бунта Кенисары и тою ролью, которую стремился занять Кенисара въ ордѣ, находилъ нужнымъ, до отправленія въ аулы Касимова русскихъ чиновниковъ, опубликовать по ордѣ, что командируемыя лица отправляются въ ставку мятежнаго султана не въ качествѣ посланниковъ, какъ къ самостоятельному хану, а просто для разсѣянія заблужденій раскаявшагося мятежника и укрѣпленія въ чувствахъ вѣрноподданнаго. Такое мѣропріятіе казалось Ладыженскому тѣмъ цѣлесообразнѣе, что Кенисара, недавно принимавшій посольства среднеазіатскихъ ханствъ, можетъ, по поводу пріѣзда въ его аулы русскихъ чиновниковъ, неминуемо распространить между ордынцами молву о посольствѣ къ нему и отъ россійскаго двора, съ заискивающими цѣлями.

Хотя подобное предположеніе было вполнѣ правдоподобно и поѣздка русскихъ чиновниковъ въ аулы Кенисары, съ подарками и освобожденными родственниками, сама уже по себѣ, даже и безъ участія мятежника, могла показаться киргизамъ ничѣмъ инымъ, какъ посольствомъ, но генералъ Обручевъ, руководствуясь какими-то политическими соображеніями, не согласился съ мнѣніемъ пограничной коммиссіи и нашелъ болѣе соотвѣтствующимъ оставить цѣль командированія Долгова въ аулы Касимова тайною для ордынцевъ, придавъ посылаемымъ «сколь можно болѣе этикета»...

Теперь послѣдуемъ сначала за Долговымъ и Майделемъ, а потомъ за Герномъ и посмотримъ, какимъ успѣхомъ увѣнчались ихъ политическія и ученыя порученія.

19 февраля 1845 года Долговъ выступилъ изъ Орской крѣпости. Караванъ, до урочища Бабатай-Мулла, отъ котораго за нѣсколько часовъ ѣзды расположена была ставка Кенисары Касимова, шелъ 45 дней; по причинѣ трудностей зимняго степного похода караванъ шелъ довольно медленно, подвигаясь въ день отъ 25 до 30 верстъ. 1 апрѣля (за нѣсколько переходовъ до ауловъ Кенисары) къ Долгову явился есаулъ Минъ-Яшары съ письмомъ отъ мятежнаго султана о возвращеніи 8 киргизовъ, недавно захваченныхъ сибирскимъ отрядомъ. Просьба Кенисары была исполнена безъ особаго промедленія; какъ бы въ благодарность за это, Кенисара выслалъ 13 есауловъ своихъ для почетной встрѣчи Долгова; но, несмотря на эти лю-

безности, Касимовъ плохо довѣрялъ дружелюбію русскихъ, и съ того самаго момента, какъ нашъ «посольскій караванъ» вступилъ въ черту его кочевокъ, за нимъ былъ учрежденъ самый ревнивый, бдительный надзоръ:—въ каждомъ изъ ауловъ, чрезъ которые имѣлъ пройти Долговъ, находился одинъ изъ есауловъ или батырей Касимова, для зоркаго наблюденія за сношеніями каравана со встрѣчавшимися на пути кенисаринскими кочевьями.

Подозрительность и опасенія Кенисары на первыхъ порахъ обнаружились тѣмъ, что еще первый прибывшій въ русскій караванъ есаулъ Минъ-Яшаръ распорядился отъ имени Касимова размѣстить по дорогѣ караулы,—въ виду каравана,—для пресѣченія сообщеній Долгова съ кочевавшими въ окрестностяхъ пути слѣдованія киргизами; правда, что по настоянію и убѣжденіямъ Долгова пикеты эти были сняты, но тѣмъ не менѣе подобнаго рода наблюденія за дѣйствіями каравана продолжались, хотя и не такъ явно. Какъ на примѣръ раздражительной подозрительности Кенисары къ русскимъ, можно указать на слѣдующій случай: линейный киргизъ Нурджанъ-Бакбатыровъ желалъ подслужиться Кенисарѣ, самовольно прибылъ въ аулъ мятежника гонцомъ съ извѣстіемъ о приближеніи изъ Сибири къ оренбургской линіи жены султана Кулымъ-Джапъ и былъ обласканъ Кенисарою; но, когда возвращеніемъ Бакбатырова на линію Долговъ хотѣлъ воспользоваться, какъ удобнымъ случаемъ для отправленія съ нимъ бумагъ, то несмотря на личныя ему приказанія Долгова, Бакбатыровъ не былъ пропущенъ къ каравану и проведенъ въ обратный путь, изъ ауловъ Кенисары, окольными дорогами. Вскорѣ затѣмъ прибывшій съ линіи нарочный съ бумагами къ Долгову, прежде чѣмъ былъ допущенъ къ русскому чиновнику, проведенъ также мимо каравана въ ставку Кенисары, а потомъ уже отосланъ къ Долгову. Наконецъ осторожность Кенисары была такъ велика, что по приказанію его киргизамъ запрещено было посѣщать кибитку медика Майделя, что узналось изъ разсказа одного больного султана, приходившаго за медицинскимъ пособіемъ. О всемъ этомъ Долговъ не рѣшался своевременно доносить въ Оренбургъ, опасаясь, чтобы письма и донесенія его не были перехвачены и не надѣлали бы ему большихъ хлопотъ и небезопасныхъ непріятностей; ему казалось, что перехваченныя донесенія его о неблаговидныхъ поступкахъ Кенисары и его есауловъ могли послужить поводомъ къ задержанію посольства, какъ заложниковъ, въ аулахъ Кенисары. Между тѣмъ недовѣріе ордынцевъ къ русскимъ возрастало съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе; есаулъ Кенджи, оставленный Кенисарою при Долговѣ въ ка-

чествѣ почетнаго пристава и вожака, простиралъ свою бдительность до того, что каждый день лично повѣрялъ число людей въ караванѣ, заходя въ кибитки ихъ подъ разными благовидными предлогами.

Сопровождаемый такой опекой караванъ, наконецъ, прибылъ на то мѣсто, которое было отведено ему въ аулахъ Кенисары. Слѣдуетъ замѣтить, что мятежный султанъ, желая придать болѣе вѣскости своему значенію въ глазахъ ордынцевъ, принялъ «оренбургское посольство» весьма сухо и холодно; такъ, напримѣръ, отведенное подъ караванъ мѣсто было за чертой ханской ставки, на разстояніи отъ нея отъ 3-хъ до 4-хъ часовъ ѣзды, тогда какъ посланцы средне-азіатскихъ властителей занимали кибитки рядомъ съ султанскими, что означало особый почетъ; затѣмъ Долговъ, несмотря на всѣ его просьбы и требованія, не былъ допущенъ до личныхъ свиданій и объясненій съ Кенисарою. Бдительность надзора была усилена за русскими до крайнихъ размѣровъ и поставила посольство въ совершенно изолированное положеніе, такъ что не только медикъ Майдель не могъ собрать порученныхъ ему медицинскихъ свѣдѣній, а Долговъ, вразумляя Кенисару, «доставить вѣрныя свѣдѣнія о его силахъ и намѣреніяхъ», но послы рѣшительно не могли сами дать себѣ отчета: гдѣ въ данный моментъ они находились? Это происходило оттого, что Кенисара, безъ всякой очевидной надобности, со дня прибытія въ ставку русскихъ чиновниковъ, безпрестанно перемѣнялъ кочевки своихъ ауловъ, кружа, по свидѣтельству Долгова, въ мѣстности граничившей къ юго-западу съ рѣкою Джиланчакъ, къ югу Каракумомъ, къ востоку съ сибирской границей (отъ которой примѣрно находился верстахъ въ 200-хъ), и къ сѣверу озеромъ Типьтякъ-Соръ, до котораго доходилъ, касаясь его прибрежій, давая видъ своимъ передвиженіямъ постоянной перекочевки. Положеніе Долгова, осужденнаго двигаться каждый день вмѣстѣ съ аулами Кенисары въ разныхъ и совершенно произвольныхъ направленіяхъ, по мѣстамъ неизвѣстнымъ, становилось тяжелымъ, тѣмъ болѣе, что эти передвиженія мѣшали ему вести переговоры съ Кенисарою объ его обязанностяхъ къ Россіи. Когда же Долговъ послалъ къ Касимову находящагося при немъ муллу съ требованіемъ отъ мятежнаго султана категорическаго отвѣта: когда будетъ угодно Кенисарѣ принять его для выслушанія высочайшей воли, и когда будетъ конецъ этимъ нескончаемымъ перекочевкамъ? то Кенисара отвѣчалъ, что принять Долгова онъ не можетъ, во-1-хъ потому, что еще не приготовился къ должному пріему такого важнаго гостя, посланнаго къ нему царемъ царей и орен-

бургскимъ многомилостивымъ генераломъ; а во-2-хъ потому, что еще не вполнѣ убѣдился въ объявленной ему милости, по неприбытію его жены Кулымъ-Джанъ и родственныхъ султановъ. Относительно же безпрестанныхъ перекочевокъ съ мѣста на мѣсто объяснилъ, что они вызываются необходимостію прокормленія многочисленныхъ стадъ и табуновъ своихъ, и что въ этомъ случаѣ онъ является невольнымъ нарушителемъ данныхъ ему генералъ Обручевымъ приказаній: кочевать на одномъ мѣстѣ (?).

Подобнымъ образомъ Кенисара отдѣлывался отъ Долгова каждый разъ, когда тотъ домогался свиданій съ нимъ, отговариваясь то недосугомъ, то нездоровьемъ, то неготовностью къ пріему и т. д. Такое поведеніе коварнаго султана внушало Долгову убѣжденіе, что дальнѣйшее пребываніе его въ аулахъ Кенисары не только не принесетъ желаемой пользы, но напротивъ того, третированіе мятежникомъ русскихъ чиновниковъ, въ которыхъ ордынцы все-таки видѣли посланниковъ русскаго царя, неминуемо подорветъ вѣру ордынскихъ племенъ въ русское могущество. Во избѣжаніе подобныхъ послѣдствій Долговъ рѣшился оставить аулы вѣроломнаго мятежника не медля ни минуты, но былъ увѣдомленъ дядею Кенисары, султаномъ Коробаемъ, посылавшимся къ племяннику съ извѣстіемъ о намѣреніяхъ Долгова возвратиться на линію, что ханъ Кенисара, на вопросъ султана Коробая: «для чего онъ держитъ русскаго чиновника»? — отвѣчалъ: «если я ихъ отпущу, то кто же будетъ мнѣ порукой въ томъ, что будутъ возвращены жена моя и султаны... и кто мнѣ за это отвѣтитъ»?

Такой оборотъ дѣла убѣдилъ Долгова, что ему еще не скоро придется вырваться изъ ауловъ мятежнаго султана, по крайней мѣрѣ не ранѣе прибытія Герна съ султаншею. Употребить же съ Кенисарою крутыя мѣры Долговъ не могъ, потому что это, во-первыхъ, ни къ чему бы не повело, а во-2-хъ—могло бы послужить предлогомъ Кенисарѣ для заключенія Долгова съ К° подъ стражу. Дѣлать было нечего, пришлось покориться необходимости и ждать Герна.

Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи Долговъ и Майдель пробыли въ аулахъ Кенисары около мѣсяца; въ продолженіи этого времени русскій чиновникъ неоднократно пытался добиться аудіенціи у Кенисары, но каждый разъ получалъ словесный, или письменный, но всегда одинаково отрицательный отвѣтъ. Кенисара, впрочемъ, не забывалъ и самъ Долгова, обращаясь къ нему, вѣроятно ради потѣхи, съ разными саркастическими письмами и просьбами. Для образчика можно указать на письмо Кенисары къ Долгову, писанное первымъ тотчасъ по

возвращеніи въ его аулы схваченныхъ сибирскимъ отрядомъ тѣхъ восьми киргизовъ, о возвращеніи которыхъ Касимовъ просилъ Долгова, еще до прибытія послѣдняго въ ставку. Вотъ это посланіе:

«Господину попечителю Долгову, отъ султана Кенисары.

«Въ прошломъ году, около 21-го числа мѣсяца науруза (марта), выступившій изъ сибирскаго вѣдомства отрядъ разбилъ мой аулъ и увезъ въ плѣнъ жену мою; въ каковое время уведены собственныя мои, *три бѣлыхъ борзыя собаки: два кобеля* и *одна сука*. Одна изъ этихъ собакъ находится у сына Куигуръ-Кулджи, другая — Караулова рода Хакимъ-Мазы, а третья у отряднаго начальника, *законщика* Сотникова. Если *можете, то сами возвратите мнѣ этихъ собакъ, въ противномъ случаѣ доложите объ этомъ генералу*; въ особенности *прошу постараться о возвращеніи мнѣ бѣлой суки! Хотя* эта просьба моя *не большая*, а *почтите ее за великую*. Ханъ Кенисара Касимовъ печать приложилъ» [1]).

Будучи близко знакомымъ съ манерою обращенія мятежныхъ киргизовъ, Долговъ очень хорошо понималъ, изъ обращенія съ нимъ Кенисары, въ какое смѣшное положеніе ставилъ его мятежный султанъ въ глазахъ преданныхъ ему ордынцевъ. Съ теченіемъ времени, бдительность надзора за Долговымъ (можетъ быть, и умышленно), замѣтно ослабла, но, впрочемъ, лишь на столько, что до него стали доходить нѣкоторые слухи о томъ, что дѣлалось и предпринималось Кенисарою во время его заключенія; самъ же Долговъ, по прежнему, лишенъ былъ всякой возможности доносить въ Оренбургъ о томъ, что творилось въ аулахъ мятежника.

Такъ, Долговъ узналъ, что во время его пребыванія въ аулахъ Кенисары, есаулъ Касимова, Минъ-Яшаръ находился тайно при линіи, въ окрестностяхъ Орской крѣпости, съ цѣлію развѣдыванія о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ пограничнаго начальства и о подозрѣваемомъ Кенисарою приготовленіи противъ него отряда русскихъ войскъ съ оренбургской линіи. Лазутчикъ этотъ возвратился, какъ впослѣдствіи узналъ Долговъ, всего только за 6 дней до возвращенія каравана въ Орскую крѣпость. Не менѣе, если еще не болѣе, интересныя свѣдѣнія находятся въ томъ же рапортѣ Долгова (писанномъ имъ по возвращеніи въ Оренбургъ), изъ котораго заимствованъ нами приведенный разсказъ о поступкахъ съ киргизами начальника сибирскаго отряда, есаула Рыбина, съ которымъ сносился Долговъ о возвращеніи

---

[1]) Перевелъ Костромитиновъ.

извѣстныхъ читателю 8 киргизъ. Свѣдѣнія эти, привезенныя чиновнику Долгову киргизами, посылавшимися имъ къ помянутому военноначальнику сибирскаго отряда, суть слѣдующія: «Есаулъ Рыбинъ намѣренъ былъ отдать ихъ (плѣнныхъ) до того еще (т.-е. до сношенія Долгова по этому поводу) родственникамъ этихъ плѣнныхъ, пріѣзжавшимъ къ Рыбину съ *приготовленными для выкупа* 2,000 руб. ассиг., и что Рыбинъ будто бы, отъ имени высшаго начальства своего (сибирскаго), — силою взялъ все почти лучшее имущество и скотъ у киргизъ Наймановскаго и Баганалинскаго родовъ (цѣнимое *будто киргизами* въ 30 тыс. руб. ассиг.) и отправилъ его въ мѣсто своего жительства, какъ *свою собственность!*» [1])

Мимоходомъ замѣтимъ, что этому обстоятельству въ Оренбургѣ не было придано значенія особой важности, какъ «мало правдоподобному»; но, кто знакомъ съ былымъ хищничествомъ [2]) нашихъ степныхъ поисковъ, и преимущественно сибирскихъ отрядовъ, тотъ можетъ смѣло вѣрить приведенному разсказу; незнакомымъ же съ подобными вещами, совѣтуемъ обратиться къ статьѣ г. Шашкова: «Рабство въ Сибири» («Дѣло», мартъ, 1869).

Наконецъ было получено (уже во второй половинѣ мая мѣсяца) радостное свѣдѣніе о приближеніи Герна, съ сопровождаемою имъ султаншею Кунымъ-Джанъ къ ауламъ Кенисары.

Поручикъ Гернъ (нынѣ генералъ-маіоръ и посредникъ Оренбургскаго уѣзда), такъ передаетъ свое пребываніе въ аулахъ Кенисары [3]):

«Въ аулахъ Кенисары — пишетъ Гернъ — я пробылъ 12 дней, и былъ сначала принятъ со всевозможными почестями: ибо на слѣдующій день моего прибытія онъ выслалъ ко мнѣ депутацію, изъ *ста* почетныхъ есауловъ, во главѣ которыхъ были султаны Наурузбай и Худай-Менде, Джике-Батырь, есаулъ Галій и Батырь-Бали. Депутація эта имѣла порученіе передать мнѣ поклонъ и изъявить искреннюю благодарность Кенисары за мое хорошее обращеніе съ его женою.

«Я неоднократно объявлялъ посланнымъ о моемъ желаніи видѣть самого Кенисару и ежедневно повторялъ это требованіе,

---

[1]) Дѣло «о командированіи по высочайшему повелѣнію въ аулы Кенисары Касимова чиновника Долгова».

[2]) Припомнимъ донесенія генерала Перовскаго о безполезности поисковъ противъ Кенисары, имѣющихъ въ результатѣ одно лишь разореніе мирныхъ ордынцевъ.

[3]) Донесеніе Герна генералу Обручеву и разсказъ его автору предлагаемой статьи.

на что постоянно слышалъ одни обѣщанія, которыхъ однакожъ никто не думалъ исполнять».

Изъ этихъ строкъ мы видимъ, что и новому посланнику посчастливилось не болѣе Долгова и что онъ, также какъ и первый, былъ осужденъ видѣть кругомъ обманъ и сознавать рѣшительную невозможность исполнить возложеннаго на него порученія. Какъ это походило на мечты генерала Обручева о приведеніи Кенисары къ присягѣ на подданство Россіи, для каковой надобности при Долговѣ находился мулла!

Наконецъ, 25-го мая Герна извѣстили, что Кенисара заболѣлъ и крайне сожалѣлъ о невозможности свиданія съ нимъ, и что онъ не задерживаетъ его болѣе въ своихъ аулахъ *изъ боязни навлечь тѣмъ на себя немилость генерала Обручева.*

Причина такого поспѣшнаго желанія Кенисары отправить оренбургское посольство обратно на линію заключалась въ его намѣреніи ограбить аулы упорно не признающихъ его ханомъ Япасцевъ, наказать которыхъ онъ считалъ нужнымъ для острастки и другихъ родовъ, и рѣшаясь произвести набѣгъ въ виду скораго откочеванія къ линіи Япасскаго рода, желалъ выпроводить Долгова и К°, которые могли быть очевидцами его далеко не мирныхъ поступковъ.

Впрочемъ, унизивъ посольство и надсмѣявшись надъ излишней довѣрчивостью оренбургской администраціи, онъ считалъ себя вправѣ высказать въ письмѣ, врученномъ Долгову, для передачи Обручеву, откровенно свое нежеланіе стать въ ряды русскихъ подданныхъ.

Въ этомъ посланіи Кенисара, между прочимъ, говоритъ, ссылаясь на правила завѣщанныя кораномъ, что онъ, безъ нарушенія ученій пророка, не можетъ принять присягу на вѣрность русскому царю; «...въ немъ (въ письмѣ) вы (Обручевъ) приказываете одно дѣло,—писалъ Касимовъ,—котораго мы не можемъ ни выполнить и ни обнять разсудкомъ. Если отвѣчать вамъ на этотъ предметъ, то сердце мое трепещетъ, страшась гнѣва государя императора, но какъ вы начальникъ,—не могу не объяснить объ этомъ вамъ, и за то вы не смотрите на насъ съ презрѣніемъ. Обстоятельство это состоитъ въ слѣдующемъ. Въ письмѣ вашемъ заключаются слова: «Вы, г-нъ султанъ, за ниспосланныя отъ Всевышняго милости, должны пасть ницъ лицемъ и благодарить Бога и знать, что сердце царя въ рукахъ Всевышняго; подумайте, сколько въ этомъ предписаніи излито на васъ милостей государя нашего и посмотрите на тексты корана, въ которыхъ изображено: не должны ли вы принять на свою обязанность и не требуется ли отъ васъ исполненіе словъ: О,

правовѣрные! вы должны повиноваться во первыхъ Богу, потомъ его посланнику—государю и назначеннымъ ими правителямъ; —также завѣщаніе пророка: царямъ вашимъ и правителямъ ихъ вы должны безусловно повиноваться».

«Вы сказали это совершенно справедливо—продолжалъ Кенисара—и тутъ нѣтъ ни малѣйшей неправды, но Всевышній Богъ *возстановилъ* между рабами своими *различныя* вѣроисповѣданія, ниспославъ каждому поколѣнію пророка. Эти пророки завѣщали послѣдовавшимъ имъ народамъ различные законы, и всякій, кто не послѣдуетъ правиламъ, установленнымъ его пророкомъ, и будетъ ослушаться приказаній *соплеменнаго* правителя своего, то, какъ упоминается въ нашихъ книгахъ, рано, или поздно, непремѣнно долженъ подвергнуться гнѣву и проклятію Бога [1]). *Нынѣ вы приказываете быть подданнымъ вашему государю* и *повиноваться его правительству*, но, *одобритъ ли* Всевышній, если рабъ его, оставивъ повелѣнія его, пойдетъ другимъ путемъ? Вы *требуете нашего подданства* и повиновенія, говоря, что Богъ у насъ и у васъ одинъ, только разныя вѣры, но подумайте, можно ли это сообразить съ обычаемъ? *Если я, сдѣлавшись подданнымъ* вашимъ, буду *поступать противно запрещеній Всевышняго*, то *страшусь его гнѣва* и *стыжусь* мусульманскихъ правителей! — Обдумывая все это, я нахожу, что требованію вашему источникомъ служитъ то, что находящіеся въ *глупой* киргизской ордѣ султаны и біи, изъ корыстныхъ видовъ, желая обмануть правительство, показываютъ только видъ подданныхъ, не будучи таковыми на дѣлѣ! Неужели вы думаете—восклицаетъ далѣе Кенисара—что эти султаны и біи, повидимому непокорные и непослушные ордынской власти, исполняютъ искренно и съ усердіемъ службу царскую!?»

Высказавшись совершенно опредѣленно о нежеланіи своемъ быть русскимъ подданнымъ, Кенисара переходитъ къ тѣмъ отношеніемъ, какія по его убѣжденію, и по примѣру прошлыхъ лѣтъ, должны были бы существовать между Россіей и киргизами. Покойный отецъ великаго государя [2]), говоритъ онъ, «Бѣлый царь», покойному отцу моему (прадѣду) Аблай-хану, предоставивъ обширную свободу, сопзволилъ обѣщать, «чтобы *каждый владѣлъ своимъ*; чтобы русскіе и киргизы вели между

---

[1]) Несправедливое толкованіе текста, въ которомъ сказано прямо, безъ всякихъ натяжекъ, что магометанскій законъ велитъ повиноваться государю своему какой бы онъ вѣры ни былъ (примѣчаніе переводчика Батыршина).

[2]) Императоръ Павелъ Петровичъ.

собой торговлю; чтобы между ними свободно ходили караваны и каждый занимался своимъ промысломъ. Такъ прошло нѣкоторое время и мы проживали спокойно, всякій находясь подъ безпредѣльною сѣнію покровительства государя. По кончинѣ отца нашего (прадѣда) Аблай-хана преемникомъ ему былъ сынъ его султанъ Валій (дѣдъ Кенисары). При этомъ ханѣ и отцѣ великаго императора народъ наслаждался долгое время спокойствіемъ; тогда никто не дѣлалъ насилій и притязаній на земли киргизскія; не измѣряли кочевки и не строили на нихъ укрѣпленій!»

Дальнѣйшее содержаніе письма Кенисары на столько ясно указываетъ, къ чему повела безпечность отношеній нашей администраціи въ степи, которой она совершенно не вѣдала, что первый шагъ, сдѣланный нашими администраторами, по упроченію нашихъ правъ и вліянія на киргизскую степь показался кайсакамъ нарушеніемъ ихъ правъ и послужилъ поводомъ къ цѣлому ряду энергическихъ и хроническихъ возстаній привыкшихъ къ полной независимости *столѣтнихъ подданныхъ* Россіи. Сѣтованія Кенисары на новую политику русскихъ администраторовъ на столько характерны, и такъ рельефно объясняютъ причины его бунта, что мы находимъ нужнымъ привести ихъ здѣсь цѣликомъ. Вотъ что писалъ мятежный султанъ по этому поводу:

«При нынѣшнемъ великомъ государѣ, и въ наше время, доставшіяся въ наслѣдство отъ покойнаго отца нашего Аблая земли: Исиль-Нура, Актау, Уртагъ, Каръ-Каралы, Карынлыкъ, Яркаинъ, Убаганъ, Тоболъ, Кушь-Мурунъ, Хаянъ и Турзакъ до Урала усѣяны укрѣпленіями. Неужели у прежнихъ государей не доставало аркана (веревки) для измѣренія земли, не было лѣсу—для построекъ укрѣпленій, не доставало силы — дѣлать насилія? Напротивъ все это они имѣли, и все это показываетъ ихъ правосудіе! Нынѣшнее начальство, озабочиваясь распространеніемъ могущества государя, мѣряетъ земли, строитъ укрѣпленія и тѣмъ безпокоитъ народъ. Это дѣло не для будущности, а только для настоящей жизни: никто не останется вѣчнымъ въ этомъ мірѣ. Но, можетъ быть, къ *такимъ несправедливостямъ* побуждаются *надеждою получать чины и тѣмъ хвалиться. Хитростью никто не въ состояніи увеличить могущество и счастіе государя*, ибо то и другое даровано имъ самимъ Богомъ».

«Обо всѣхъ этихъ злоупотребленіяхъ—говоритъ далѣе Кенисара—никогда не было доводимо до свѣдѣнія государя. Сколько я ни писалъ объ этомъ прежнимъ начальникамъ, но ни отъ кого никогда не получалъ отвѣта. Не смѣю и не хочу противиться начальству и не прошу о тѣхъ земляхъ, на которыхъ построены уже укрѣпленія, но еслибы вы выпросили у государя императора

земли, слѣдующія мнѣ въ наслѣдство отъ отца нашего, какъ-то: Тургай, Улу-тау, Сиры-су и по сю сторону Исиль-Нуры, то заставили бы молиться о государѣ императорѣ. Сколько я ни просилъ объ этомъ высшее начальство, но оно никогда меня не слушало. Такъ какъ вы до сего времени были ко мнѣ милостивы и благосклонны, то надѣюсь и теперь, что чрезъ посредство свое исходатайствуете мнѣ эту милость».

Въ заключеніе, прося генерала Обручева защищать его и впредь отъ клеветъ сибирскаго начальства, Кенисара проситъ оренбургскаго губернатора о немедленномъ отпускѣ изъ плѣна брата его Абулгазыя, который не былъ къ нему отправленъ, вмѣстѣ съ другими его родственниками по подозрѣнію, что онъ не братъ Касимова, а просто бѣглый казанскій татаринъ, — ибо ни лицомъ, ни нарѣчіемъ не былъ похожъ на киргиза. Кенисара, переходя къ освобожденію послѣдняго, возвращается снова къ ироническому тону и говоритъ, что султанъ-правитель Баймухамедъ въ 1843-мъ году съ отрядомъ захвативши «брата нашего Абулгазыя, назвалъ его татариномъ, потому что онъ лицомъ бѣлокурый и похожъ на татарина — Всевышній Богъ, (продолжаетъ онъ) рабовъ своихъ творитъ *по своему произволу:* кого чорнымъ, кого бѣлокурымъ, кого бѣлымъ и кого *синимъ, однимъ словомъ различныхъ цвѣтовъ* и въ могуществѣ этомъ *никто* ему *воспрепятствовать не можетъ!* Абулгазый рожденъ отъ Касима (отца Кенисары) и матери нашей Кучакъ, о дѣйствительности сего удостовѣряемъ, начиная съ меня и до тысячи человѣкъ, приложеніемъ рукъ. Надѣясь, во-1-хъ, на Бога, а потомъ на васъ, мы написали столько просьбъ, что гдѣ встрѣтите недоразумѣніе наше, не откажите намъ въ милостивомъ прощеніи. Уповая на милость и снисхожденіе ваше, султанъ Кенисара Касимовъ печать приложилъ».

Едва письмо это было доставлено въ Оренбургъ возвратившимися изъ ауловъ мятежника чиновниками вмѣстѣ съ другими скудными свѣдѣніями, собранными ими въ ордѣ, какъ изъ степи стали поступать къ генералу Обручеву печальныя извѣстія о возобновленіи безпорядковъ. Стало быть посольство, несмотря на весь этикетъ приданный ему Обручевымъ, возвратилось вспять, не достигнувъ никакихъ результатовъ, а скорѣе произвело совершенно противное впечатлѣніе, чѣмъ то, на которое уповалъ оренбургскій администраторъ, такъ долго считавшій себя искуснымъ политикомъ.

Пришлось приготовлять новую экспедицію въ степь для разсѣянія скопища Кенисары.

V.

(1845 — 1847).

Набѣгъ Байкадама и Кенисары на япасцевъ.—Намѣреніе Кенисары воспрепятствовать возведенію новыхъ укрѣпленій.—Освобожденіе Лебедева изъ-подъ суда.—Движеніе русскихъ отрядовъ.—Отступленіе Кенисары къ озеру Коквей-Кулю.—Покореніе имъ китайскихъ киргизовъ.—Походъ къ дико-каменнымъ ордынцамъ.—Жестокости Кенисары и его погибель [1]).

Вслѣдъ за отправленіемъ оренбургскаго посольства, Кенисара, соединившись съ Байкадамомъ, за вѣрность котораго русскому правительству былъ преданъ суду Лебедевъ, напалъ на аулы япасцевъ, которые совершенно разграбилъ, такъ что, по свидѣтельству поручика (нынѣ ген.-маіора) Герна, у нихъ наступилъ страшный голодъ, отъ котораго очень много погибло людей этого рода. Такая постоянная месть султана Кенисары япасцамъ вытекала изъ нерасположенія къ нимъ мятежника, за упорный, въ теченіи многихъ лѣтъ, отказъ ихъ—признать Касимова своимъ ханомъ. Между тѣмъ, значительный по численности, воинственный и богатый, япасскій родъ былъ долго предметомъ задушевныхъ желаній Кенисары—ему хотѣлось привлечь его на свою сторону. Съ этой цѣлью онъ неоднократно переходилъ отъ угрозъ и разореній къ выраженію своего сочувствія япасцамъ: такъ, онъ даже женился на дочери одного япасскаго бія, — но, видя, что и супружество не принесло ему желаемыхъ результатовъ, въ гнѣвѣ отрубилъ своей молодой женѣ носъ и столь обезображенную послалъ предупредить япасцевъ о грозившей имъ опасности. Это было послѣднее нападеніе Кенисары на япасцевъ, отъ которыхъ вниманіе его отвлекло прибытіе на Улу-тау сибирскаго отряда, съ намѣреніемъ заложить тамъ укрѣпленіе.

Горы Улу-тау, заключая въ себѣ много пастбищныхъ мѣстъ и изобилуя лѣсомъ, служили Кенисарѣ кочевками въ зимнее время; очень естественно, что онъ не хотѣлъ дешево разстаться съ ними и появленіе русскаго отряда, заложившаго укрѣпленіе въ его зимовкахъ, внушило Касимову мысль: всячески препятствовать возведенію какихъ-либо укрѣпленій на Улу-тау, и даже, въ случаѣ нужды, уничтожить весь тамъ находившійся отрядъ.

Набѣги Байкадама, въ союзѣ съ Кенисарою, открыли глаза

---

[1]) Дѣла канц. ор. генералъ-губ-ра «о безпорядкахъ въ степи», 2 части. Письмо К. Ив. Герна. Записка свящ. Л—скаго. Рукопись Г. П. Половоротова, имъ же доставленная пѣсня о Кенисарѣ. Дѣло Тургайскаго обл. правл. объ убіеніи султана Кенисары Касимова дико-каменными киргизами.

Обручеву и Лебедевъ былъ освобожденъ отъ суда, а въ степь были высланы нѣсколько отрядовъ, отъ сибирскаго и оренбургскаго корпусовъ, одновременно. На этотъ разъ обѣ администраціи рѣшились не прекращать военныхъ дѣйствій противъ Кенисары, не стѣсняясь даже зимой, когда, по обыкновенію, поиски отзывались на линію, до тѣхъ поръ, пока не будутъ истреблены шайки безпокойнаго султана.

Движеніе русскихъ войскъ съ одной стороны, и отложеніе разомъ нѣсколькихъ родовъ, вслѣдствіе жестокаго обращенія Кенисары съ своими джигитами,—съ другой, спасли Улу-тау-скій отрядъ отъ нападенія.

Въ виду быстраго, на этотъ разъ, приближенія русскихъ отрядовъ Кенисара, не завязывая битвъ, поспѣшно сталъ отступать изъ оренбургской степи къ озеру Кокый-Кулю, въ предѣлахъ китайскихъ владѣній. Въ 1846-мъ году мятежный султанъ оставилъ русскую степь и занялся покореніемъ киргизъ, кочевавшихъ въ окрестностяхъ Кокый-Куля; такъ какъ племя это не отличалось воинственностью, то Кенисарѣ стоило небольшихъ усилій покорить его своей власти.

Между тѣмъ, вразумительный опытъ довелъ наконецъ оренбургскую администрацію до сознанія,—что пока русскіе не станутъ твердою ногою въ глуби степи, до тѣхъ поръ нельзя ожидать прочнаго спокойствія въ ордѣ. Съ этою цѣлью въ 1846-мъ г. было приступлено къ заложенію трехъ укрѣпленій: оренбургскаго, на рѣкѣ Тургаѣ, уральскаго на Иргизѣ и карабутакскаго форта на рѣкѣ Карабутакѣ, отъ которой онъ и заимствовалъ свое названіе. Укрѣпленія эти, кромѣ значенія наблюдательныхъ постовъ, имѣли цѣлью, въ случаѣ степныхъ мятежей, служить убѣжищемъ для тѣхъ киргизскихъ родовъ, которые не сочувствуя мятежникамъ, могли со всѣмъ имуществомъ прикочевывать подъ защиту русскихъ гарнизоновъ. Обстоятельство это тоже повліяло на уменьшеніе числа невольныхъ сподвижниковъ Кенисары, которымъ прежде приходилось или пристать безпрекословно къ нему, или быть разграбленными,—разумѣется они выбирали первое.

Вслѣдъ за покореніемъ Кокый-кульскихъ (китайскихъ) киргизовъ Кенисара двинулся на обитающихъ въ горахъ Ала-тау дико-каменныхъ киргизъ, съ цѣлью подчинить ихъ своей власти, идти на Коканъ и провозгласить себя коканскимъ ханомъ, какъ говоритъ преданіе. Дико-каменные киргизы—племя воинственное, и потому съ ними не такъ легко было справиться, какъ съ кокый-кульскими. Храбрость этихъ киргизъ и пресѣченная мѣст-

ность, въ которой они обитали, представляли слишкомъ много затрудненій для Кенисары.

Трудность борьбы раздражала Кенисару до нельзя. Оставивъ на произволъ судьбы оренбургскую степь, гдѣ, пользуясь его отсутствіемъ, росли русскія укрѣпленія, Кенисара напрягалъ всю свою энергію на то, чтобы уничтожить самостоятельность племени дико-каменныхъ киргизовъ. Увлекаемый местью и упрямствомъ, Касимовъ дѣлалъ безпрерывные промахи: такъ, всякая малѣйшая неудача отражалась жестокостью на его же сподвижникахъ, и, конечно, охлаждала ихъ преданность къ нему; когда же, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ стычекъ, дико-каменные киргизы прислали къ Кенисарѣ нарочныхъ съ изъявленіемъ ему своей покорности и признаніемъ его ханомъ, то, гордый своими побѣдами и мстительный ханъ не захотѣлъ воспользоваться ихъ покорностью, а объявилъ, что онъ намѣренъ съ корнемъ истребить родъ каменныхъ киргизовъ и двинулся далѣе, предавъ мучительной смерти пріѣзжавшихъ къ нему посланниковъ.

Вѣрный своему обѣщанію, Кенисара съ рѣдкой жестокостью принялся за истребленіе дико-каменныхъ киргизовъ. Покоряя аулы непокорныхъ, онъ ознаменовалъ путь свой небывалыми примѣрами варварства: послѣ занятія какого-либо непріятельскаго аула, Кенисара приказывалъ разводить костры, ставилъ на нихъ въ котлахъ воду, и когда вода начинала кипѣть, тогда, по приказанію хана, плѣнные, съ ихъ семействами, приводились къ кострамъ, со связанными руками, и въ ихъ глазахъ жены и дѣти ихъ, будучи связаны по рукамъ и ногамъ, были бросаемы «теленгутами» (родъ гвардіи при ханѣ) въ котлы и варились тамъ. По окончаніи этой пытки, плѣнныхъ мужчинъ, измученныхъ зрѣлищемъ страданія близкихъ ихъ сердцу людей, ставили въ шеренги и предавали жестокой смерти.

Такое варварство Кенисары заставило дико-каменныхъ киргизовъ сплотиться въ одно тѣло, одушевляемое одною мыслью: мщенія варвару!

Въ горахъ Ала-тау, въ одномъ изъ ущелій, чрезъ которое пришлось проходить Касимову, на него напалъ превосходный въ силахъ непріятель; завязалась жаркая битва, въ которой, благодаря измѣнѣ Дулата (киргизовъ Дулатовскаго рода), Кенисара и братъ его Наурузбай пали мертвыми, какъ и вся ихъ шайка въ 3,000 человѣкъ. Убивъ Кенисару, дико-каменные киргизы отрубили ему голову и возили ее, воткнутую на пику, по ауламъ для успокоенія устрашенныхъ жителей; тѣло Кенисары было, изъ мщенія, отдано женщинамъ, которыя изрѣзали его въ мелкіе кусочки. Голова безпокойнаго султана, или правильнѣе, его че-

репъ, попалъ какими-то судьбами впослѣдствіи въ руки князя Горчакова, который приказалъ хранить эту голову въ главномъ управленіи Западной Сибири, при дѣлѣ: «О бунтѣ Кенисары».

Такъ кончилъ свою жизнь этотъ выдающійся человѣкъ, жизнь и дѣла котораго дали поучительный урокъ оренбургской администраціи, указавъ ей путь, по которому она должна была слѣдовать въ политикѣ съ Среднею Азіей. Та постоянная поддержка, которою пользовались всѣ наши степные мятежники отъ Хивы и другихъ владѣній Средней Азіи, внушила убѣжденіе, что для пресѣченія этой поддержки на будущее время необходимо занять нашими укрѣпленіями пункты, соприкасающіеся съ границею упомянутыхъ ханствъ. Сначала было основано укрѣпленіе Раимское, потомъ взята Акъ-Мечеть (Ф. Перовскій), а въ наше время, въ центрѣ непріязненныхъ намъ владѣній, существуетъ Туркестанскій округъ, силъ котораго достанетъ не только для острастки ничтожныхъ хановъ, но и для уничтоженія ихъ самостоятельности.

Итакъ, дико-каменные киргизы (вошедшіе нынѣ въ предѣлы туркестанскаго генералъ-губернаторства) въ 1847-мъ году, убіеніемъ Кенисары, оказали, можетъ быть, помимо желанія, немаловажную услугу Россіи, избавивъ ее отъ опаснаго мятежника. Кенисара умеръ, но память о немъ и его подвигахъ живетъ въ ордѣ, сложившись въ образы легендъ и патріотическихъ пѣсенъ, прославляющихъ его батырство. Григорій Петровичъ Половоротовъ (долго бывшій секретаремъ султана-правителя восточной части), доставилъ намъ пѣсню «о Кенисарѣ» на татарскомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ, сложенную знаменитымъ киргизскимъ поэтомъ Нысанбаемъ, очевидцемъ и сообщникомъ Кенисары въ его батырствѣ.

Киргизскій поэтъ изображаетъ слезы и отчаяніе всѣхъ окружавшихъ любимаго хана, съ которымъ погибло безвременно много «радужныхъ надеждъ»!... Надеждъ, которыя,—еслибъ по прежнему продолжали дремать оренбургскіе администраторы,—могли легко перейти въ дѣйствительность, и «ключъ и врата ко всѣмъ азіатскимъ землямъ и странамъ» опять ускользнули бы изъ нашихъ рукъ.

Н. Середа.

29 января, 1870, Петербургъ.